

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ  
Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова

**Рабочие и общественно-политический процесс  
в России в конце XIX –XX вв.**

**Материалы VI Всероссийской научной конференции  
Кострома, 20–21 сентября 2012 года**

**ЧАСТЬ I**

Кострома  
2012

ББК 63.3(2)53-282.1я431; 63.3(2)53-3я431  
P121

Печатается по решению редакционно-издательского совета  
КГУ имени Н. А. Некрасова

Редакционная коллегия:  
А. М. Белов (ответственный редактор),  
Л. И. Бородкин, И.М. Пушкарёва, Н. М. Рассадин, Е. А. Чугунов,  
А. В. Новиков (заместитель ответственного редактора)

P121 **Рабочие** и общественно-политический процесс в России в конце XIX –  
XX вв.: материалы VI Всерос. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред., сост. А. М. Белов. –  
Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012. – Ч. I. – 174 с.

ISBN 978-5-7591-1303-4  
ISBN 978-5-7591-1304-1 (Ч. I)

В сборник вошли материалы VI Всероссийской научной конференции «Рабочие и общественно-политический процесс в России в конце XIX –XX вв», состоявшейся в Костромском государственном университете имени Н. А. Некрасова при поддержке Российского гуманитарного научного фонда 20–21 сентября 2012 года.

Исследователями рассмотрены вопросы социальной адаптации рабочих и предпринимателей в модернизационных процессах рубежа XIX – XX вв.; участия рабочих в общественно-политическом движении в дореволюционной России через призму складывавшейся многопартийной политической системы и обострения межнациональных отношений. Специальный раздел посвящён освещению советского периода модернизации и роли рабочих в этом процессе.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, студентам, всем, интересующимся историей Отечества.

**ББК 63.3(2)53-282.1я431; 63.3(2)53-3я431**

*Издание осуществлено при финансовой поддержке  
Российского гуманитарного научного фонда  
(проект № 12-01-14036)*

ISBN 978-5-7591-1303-4  
ISBN 978-5-7591-1304-1 (Ч. I)

© А. М. Белов, составление, 2012  
© КГУ им. Н. А. Некрасова, 2012

## СОДЕРЖАНИЕ

	стр
<b>Введение</b>	5
<b>РАЗДЕЛ I. ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX-XX СТОЛЕТИЯХ</b>	8
<i>Белов А.М.</i> Интеллигенция – рабочие и общественно-политический процесс в России в начале XX века	8
<i>Пушкарева И.М.</i> Советы рабочих депутатов 1905 г.: рабочие и власть в общественно-политическом процессе России.	15
<i>Бородкин Л.И.</i> Неформальные социальные практики рабочих в годы «позднего социализма»: к историографии вопроса	30
<i>Шильникова И.В.</i> Региональные особенности трудовых конфликтов в российской промышленности в конце XIX – начале XX вв.: анализ статистических данных	41
<i>Темницкий А.Л.</i> Процесс становления индивидуальной субъектности рабочих России в сфере трудовых отношений (конец XIX – начало XXI вв.)	51
<i>Смурова О.В.</i> Краткий обзор источников личного происхождения для изучения неземледельческого отхода крестьян на заработки в столицу	59
<b>РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РАБОЧИХ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ РУБЕЖА XIX-XX вв.</b>	65
<i>Карнишин В.Ю.</i> Модернизация в восприятии российского общества в начале XX века	65
<i>Беседина Е.А.</i> Актуальные проблемы историографии изучения механизмов адаптации российских крестьян к городской жизни на рубеже XIX-XX вв.	71
<i>Володин А.Ю.</i> Фабричная реформа и фабричные инспектора в	75

Российской Империи в 1880-е годы

<i>Глазунов С.Р.</i> Правовая практика против забастовщиков в России в конце XIX – начале XX вв.	90
<i>Фаронов В.Н.</i> Людность семей рабочих Томской губернии начала XX века	98
<i>Скубневский В.А.</i> Традиции потребления спиртных напитков рабочими Сибири во второй половине XIX – начале XX века	106
<i>Марасанова В.М.</i> Положение рабочих Верхневолжских губерний России в начале XX века в освещении центральной периодической печати	114
<i>Новиков А.В.</i> Изучение жилищных условий фабрично-заводских рабочих дореволюционной России: основные подходы и перспективы.	122
<i>Гончаров Ю.М.</i> Положение женщины в рабочей семье Сибири во второй половине XIX – начале XX вв.	134
<i>Иванцов Д.С., Чугунов Е.А.</i> Роль просветительской деятельности библиотек в формировании культурного уровня и общественно-политических взглядов рабочих и крестьян России на рубеже XIX-XX веков (по материалам Костромской и Владимирской губерний)	141
<i>Соболева О.Ю.</i> Общества взаимопомощи и их роль в социальной защите трудящихся Костромской губернии на рубеже XIX–XX вв.	147
<i>Панкратова О.Б.</i> Заветы экономической мудрости: к вопросу о явлении предпринимательства	151
<i>Наградов И.С.</i> Купцы-старообрядцы Выжиловы и власть в XIX – начале XX вв.	156
<i>Смирнов П.А.</i> Становление и развитие деятельности коммерческих финансовых кредитных учреждений в Костроме во второй половине XIX – начале XX вв.	165
<i>Сведения об авторах</i>	172

## Введение

Второе десятилетие на базе Костромского государственного университета им. Н.А.Некрасова проходят научные конференции по проблемам взаимодействия власти и общества в модернизационных процессах второй половины XIX – XX столетиях. Научный форум объединил исследователей, специализирующихся на рабочей истории, истории предпринимательства, политических и общественных движений в России. Каждая конференция имеет свои стержневые проблемы обсуждения. Первое научное собрание в 2001 году, после продолжительного перерыва, вызванного некоторым охлаждением интереса к социальной истории в 90-е годы XX века, позволило сверить позиции, наметить перспективы развития темы. Поэтому в центре внимания оказались вопросы историографии и источниковедения. Конференция была посвящена памяти видного исследователя рабочего и революционного движения, профессора Костромского государственного университета, Михаила Никитича Белова.

Вторая конференция прошла через два года, в 2003 г. В ходе её работы определилась стержневая проблема нашего форума: «рабочие – предприниматели – государство». Вокруг взаимодействия этих общественно-политических сил развиваются исследовательские усилия историков различных научных центров и школ, которые, по сложившейся традиции, один раз в два года собираются в Костроме представить свои наработки и определить актуальные вопросы и проблемы. Рассматривались вопросы развития законодательства, деятельности правительства и местной власти в период модернизационных изменений и трансформации российского общества, поставлена проблема изменения духовного облика предпринимателей и рабочих в различные исторические эпохи. Конференция 2003 года была посвящена памяти крупнейшего специалиста в области рабочей истории, неутомимого организатора научной жизни, Юрия Ильича Кирьянова.

Наиболее представительной по составу участников явилась конференция 2005 года «Рабочие – предприниматели – власть в XX веке». Она была посвящена 100-летию первой русской революции 1905 – 1907 гг. Участники конференции выявили логическую обусловленность между типом пореформенной модернизации середины XIX в. и типом революционного процесса в начале XX в., открыли те грани изучения рабочей истории, трансформации власти и общества, начало которым положила первая революция в России.

Наиболее интересными, прорывными в научном плане явились конференции 2007 и 2010 гг. На четвёртой конференции в 2007 году в центре внимания оказались вопросы источниковедения рабочей истории, нового прочтения и применения современных методов обработки

массовых источников. Были представлены информационные возможности нового массового источника по истории дореволюционного рабочего движения «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 гг. Хроника», работа над составлением которой проходила под эгидой Института Российской истории РАН с 1990 по 2008 годы. Реализация этого проекта объединяла усилия научных коллективов более 100 центральных и местных архивов бывшего СССР. «Хроника» рабочего движения, составленная и изданная за 1895-1904 гг. стала тем видом вторичного источника, который позволяет применять современные методы статистического анализа тесно взаимосвязанных между собой социальных и экономических процессов в ходе промышленной модернизации дореволюционной России. В 2010 году, на пятой конференции, были представлены результаты подобного анализа, а также поставлена проблема выбора предпринимателей, власти и рабочих дореволюционной России между патернализмом и ассертивным (самоутверждающим) поведением. Обращено внимание на позицию «молчащего большинства» в рамках социальных страт, которые не принимали активного участия в общественно-политическом движении революционных эпох, но часто именно их настроения, степень устойчивости к внешним воздействиям, склоняли чашу исторических весов к выбору направления общественного развития.

Заметное место в программах конференций приобрели социальные аспекты советской модернизации. Трудовые конфликты и рабочий протест советского периода, проблемы промышленной повседневности, вопросы трудовой миграции и социальной мобильности, «выдвиженчества» и многие другие явились направлениями дискуссий и новых успешных научных разработок, выразившихся в защищённые кандидатские и докторские диссертации, изданные монографии.

Материалы конференций 2007 и 2010 гг. теперь доступны исследователям не только в виде печатных изданий, но и в виде электронных публикаций на исторических Интернет-сайтах. Это расширяет возможности вовлечения материалов наших форумов в широкий научный оборот.

На предстоящей, шестой конференции, материалы которой представлены в этом сборнике, по замыслу организаторов, одной из тем для обсуждения может стать проблема социальной адаптации рабочих и предпринимателей на разных этапах модернизационного процесса в России. Рассматривая через призму социальной адаптации традиционные вопросы материального положения рабочих, их протестных выступлений, стремления к самоорганизации, их участия в общественно-политическом процессе, можно перейти от накопления фактов и обобщения исторического нарратива к осмыслению того внутреннего напряжения, которое сопровождает жизнь человека, социальной группы и общества в

целом в условиях быстрых экономических и политических изменений. Субъектное изучение рабочих и предпринимателей в процессах трансформации общества может открыть новые перспективы научного поиска. Надеемся, что на самой конференции и после её окончания, по материалам сборника предстоит содержательное и заинтересованное обсуждение поставленных проблем.

Примечательно, что вокруг нашего форума сложился постоянный круг участников, живо заинтересованных в продолжении дискуссии. Наряду с видными учёными, как и на прошлых конференциях, в собрании примут участие молодые исследователи: аспиранты и студенты-историки, которые свои первые шаги в науку апробируют в среде старших коллег. Преемственность научного поиска представляется важным условием его прогресса.

А.М. Белов, А.В. Новиков

# РАЗДЕЛ I

## ИСТОЧНИКИ, ИСТОРИОГРАФИЯ, МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ В КОНЦЕ XIX-XX СТОЛЕТИЯХ

А.М. Белов

### **Интеллигенция – рабочие и общественно – политический процесс в России в начале XX века.**

В начале XX века в России ознаменовалось бурными потрясениями. Революция 1905 – 1907 гг. подняла на борьбу за свои права интеллигенцию, рабочих, крестьян затронула интересы всех слоёв и сословий империи. В центре борьбы оказались рабочие – наиболее восприимчивая часть населения, стремившаяся к изменению своего положения и переустройству России. В ходе первой революции по степени общественной активности – забастовки, демонстрации, бойкот, восстание и пр. – рабочие на много превзошли другие крупные социальные и общественные классы и сословия России, реально повлияли на вектор общественно – политического процесса в стране способствовали появлению манифеста 17 октября и судьбоносным изменениям в государственном строе. Вместе с тем при всей важности рабочего движения был ряд факторов, которые предшествовали высокой активности их протестных действий, а также после кровавых событий января 1905 г. в Петербурге – способствовали быстрому подъёму общественных протестов в стране. Безусловно, важнейшими носителями революционных настроений становится демократическая и либеральная интеллигенция, которая не только аккумулировала протестные чувства, вырабатывала тактику и лозунги борьбы, но и, распространяла революционные идеи вширь и глубь российского общества. В советский период о революционной роли либеральной интеллигенции говорить было невозможно. Прошедшее двадцатилетие с момента распада СССР многочисленные выявленные новые источники, крупные публикации документов общероссийских политических партий состоявшиеся конференции учёных, подготовленные фундаментальные энциклопедии<sup>1</sup> позволяют по новому взглянуть на проблему «интеллигенция – рабочие и общественно – политический процесс в России». В данном сообщении хотелось бы коснуться этой, на наш взгляд, центральной проблемы, реально повлиявшей на развитие страны в начале XX века.

В отечественной историографии традиционно начало революции связывают с событиями 9 января 1905 г. Однако ещё осенью 1904 г. происходит ряд событий предопределивших высокую активность и

---

<sup>1</sup> © А.М.Белов, 2012



согласованные действия либеральной и демократической интеллигенции против царского самодержавия. С 30 сентября по 9 октября 1904 г. в Париже прошло совещание оппозиционных и революционных партий России. Это была первая организованная встреча лидеров «Союза освобождения», партии эсеров, а так же польских, латышских, армянских, грузинских социалистов, финских и польских националистов. Результатом совещания стало заключение соглашения об объединении усилий в общем натиске на власть. Были приняты резолюции об «уничтожении самодержавия и замене его свободным демократическим строем на основе всеобщей подаче голосов». Революционные партии на отдельном совещании договорились о расширении террористического натиска на власть<sup>2</sup>.

Следующим шагом, значительно расширившим общественное движение, стал ноябрьский 1904 г. земский съезд в Петербурге. Интересно, что уже в дореволюционной историографии начало массового движения датируется 1904 годом, правительственной «весной», эпохой банкетов<sup>3</sup>. И действительно состоявшийся официально не разрешенный земский съезд, как отмечают современники, произвел огромное впечатление на все русское общество, прежде всего тем, что «был запрещен, однако «состоялся на глазах правительства, вынес конституционные резолюции, – и никто не был ни арестован, ни сослан, ни побит...»<sup>4</sup>. Вполне естественно, явное неповиновение властям способствовало тому, что его стали повторять в провинции. Стремительно распространялась по России банкетная компания, принимались петиции с требованием конституции и учредительного собрания. Это выливается в разнообразных совещаниях, собраниях, устраиваемых городской интеллигенцией, в стремлении сорганизоваться. Банкетная эпоха способствует и распространению практики захватного права<sup>5</sup>. Либеральная и демократическая интеллигенция прививает новые стереотипы поведения рабочих. По свидетельству Гапона, петиция рабочих царю, которую намеревались подать 9 января 1905 г. была задумана советчиками из «Союза освобождения», как часть кампании торжественных обедов и профессиональных съездов<sup>6</sup>. Следовательно, петиционные требования в сочетании с религиозным возбуждением, поднятых в петербургских рабочих священником Гапоном выливаются в крестный ход к царю в поисках «правды». Расстрел безоружных рабочих 9 января 1905 г. был катастрофическим для авторитета самодержавия, объединив в общем натиске на власть различные революционные и либеральные силы. В общественном мнении был, как бы узаконен народный протест, который обретал крайние, террористические формы. Сложилось представление о «революционном правосудии», характерное для периодов острой политической борьбы, когда общество оправдывает, а то и одобряет разные формы протеста, включая теракты<sup>7</sup>. Убийство эсерами 4 февраля в

Москве великого князя Сергея Александровича, пропаганда теракта в многочисленных листовках способствовали внедрению в массовое сознание террористических форм борьбы с самодержавием. Откликом на этот призыв только за апрель и май 1905 года, по данным периодической печати, было 116 покушений на различных представителей власти, причем 42 человека было убито, а 62 ранено<sup>8</sup>. Теракт в Москве против ближайшего родственника царя оказал воздействие на самодержавие. 18 февраля 1905 г. царь утвердил три документа – высочайший манифест, рескрипт и указ сенату. Манифестом Николай II призывал население к борьбе с «крамолой». Высочайшим рескриптом объявлял, что правительство вознамерилось привлечь «доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений»<sup>9</sup>. А указ сенату возлагал на министров рассмотрение поступающих от частных лиц и учреждений заявлений и ходатайств «касающихся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения благосостояния»<sup>10</sup>. Намерение власти внести изменение в государственный строй чутко улавливались интеллигенцией, немедленно откликавшиеся в печати новыми призывами продолжением натиска на самодержавие. Помимо этого либеральная интеллигенция весной летом 1905 г. сосредотачивает усилия на организации профессиональной – политических объединений. II майский съезд «Союза союзов» принимает решение явочным путём осуществлять организацию союзов, собраний, свободу слова и печати. В тоже время демократическая интеллигенция – в основном 3-й земский элемент, а так же учителя, студенты, учащиеся средних учебных заведений принимают активное участие в организации выступлений рабочих, распространение идей новых революционных объединений сначала в соседние губернии (идея «советов»), а затем в столицы – Петербург и Москву. Во многом благодаря интеллигенции эта идея, спустя 12 лет в 1917 г. успешно распространилась по России в целом.

Таким образом, видно, что интеллигенция и рабочие выступали важнейшим звеном в трансформации и объединении общественных протестов. Этому во многом способствовало и то, что стачка – специфическая форма борьбы рабочих против предпринимателей – в 1905 году превращается в мощное средство давления на власть, втягивания в борьбу учащихся (ещё в феврале 1905 г. многие учебные заведения решили бастовать до созыва учредительного собрания), союзов интеллигенции, служащих, многочисленных средних слоёв и даже предпринимателей, которые в ряде случаев осенью 1905 г. помогали собственным рабочим в организации забастовки с целью получения конституции.

Изменение в политическом строе и появление в результате мощной всероссийской политической забастовки манифеста 17 октября оказывает

воздействие на формирование общероссийских политических партий. И если рост революционных настроений вполне закономерно сказывался на появлении многочисленных организаций и распространение идей социал-демократов и эсеров, то, казалось бы, не отвечало логике революции многочисленных революционных и черносотенных организаций, а так же образование общероссийского Союза русского народа. Односторонняя трактовка событий революции в советской историографии приводила к тому, что об антиреволюционных действиях говорилось с однозначно негативной оценкой без понимания их причин, а во многих случаях размах этого движения вообще умалчивался. Это способствовало непониманию сложных общественных процессов, к всевозможному наклеиванию ярлыков и обвинениям политических противников. Как следствие возникала методологическая ошибка, связанная с тенденциозной, односторонней трактовкой фактов. Между тем известно, что угол падения равен углу отражения и поэтому вполне закономерно вместе с ростом революционных росли и антиреволюционные настроения. В советской историографии очень много писалось о значении и успехах Иваново – Вознесенской политической стачки весны – лета 1905 г. Вместе с тем, массовое движение порождает не менее сильные антиреволюционные настроения. Причин роста этих настроений несколько и, очевидно, главная – насильственный характер действий революционеров по отношению к нежелающим бастовать слоям городского и сельского населения, а так же то разорение, которое несли многодневные политические забастовки бедным слоям города и деревни. Так, длительная, малорезультативная 72-дневная борьба рабочих и вызванные ею лишения способствовали распространению антизабастовочных настроений. Все это приводит по окончании стачки в июле-августе к росту лояльных администрации и местной власти настроений, проведению благодарственных молебнов на фабриках и изгнанию депутатов Совета уполномоченных. Осенью 1905 г. в период всероссийской Октябрьской стачки в Иваново-Вознесенске забастовали на один день лишь отдельные предприятия. В то же время значительная масса рабочих идет за черносотенцами<sup>11</sup>.

К росту антиреволюционных настроений среди части городских жителей приводят непрерывные революционные митинги с середины мая до начала июля в Нижнем Новгороде. Здесь социал-демократы и либералы превратили организованную властями панихиду по жертвам цусимской трагедии в демонстрацию протеста. После этого вплоть до 9-10 июля 1905 г. полиция не препятствовала проведению революционных сходок. 9 июля организации Нижегородских революционных партий и либеральных союзов отметили полугодие со дня кровавых событий в Санкт-Петербурге массовыми митингами, демонстрациями и забастовками протеста. На следующий день в ответ на попытку революционно настроенной демократической интеллигенции, учащихся, рабочих продолжать

митинг, а также оказать вооруженное сопротивление, большая толпа черносотенцев, состоявшая из грузчиков, извозчиков, строительных рабочих набросилась на демонстрантов. В результате были убиты, множество раненых и покалеченных. Вооруженные столкновения продолжались до 11 июля, от которых погибли члены боевой дружины социал-демократов<sup>12</sup>.

Погром привел к дезорганизации деятельности наиболее влиятельной в распространении революционных настроений местной социал-демократической организации. На этой почве возник конфликт с периферией, которая обвинила социал-демократический комитет в бездеятельности. В свою очередь моментом воспользовалась Сормовская заводская администрация, добившаяся увольнения передовых рабочих, а 1 августа предприятие и вовсе было закрыто на две недели.

Гражданским противостоянием отмечаются и события Октябрьской политической стачки 1905 года. В литературе советского периода, кроме руководящего влияния большевиков, отмечается стачечное движение, мирная борьба рабочих, которой противодействовали черносотенно настроенные люмпенизированные низы, городского населения, а также крестьян близлежащих деревень. Обращение к источникам показывает, что картина была более сложной. 12 октября кровавые столкновения произошли между пытавшимися остановить работы забастовщиками нескольких предприятий Рогожского района Москвы и рабочими завода Гужона. В результате обстрела революционерами гужоновцев, по свидетельству социал-демократической печати, было убито 5 гужоновцев, а 12 – ранено. Завод так и не присоединился к забастовке<sup>13</sup>. Как сообщал прокурор рязанского окружного суда, забастовка 11 октября «служащие железной дороги принудили закрыть железнодорожные мастерские», силой остановили работы на заводах Ажина и Левонтиных, а также Рязанского механического. В прокламации руководящих движением эсеров содержалась угроза убийством всякому, что будет препятствовать намеченному ими ходу событий<sup>14</sup>. Насилие к нежелающим бастовать применялось не только на предприятиях Москвы, но и многих фабричных заведениях, станциях и дело железнодорожных дорог России.

Перелом в движение вносит манифест 17 октября. Следует признать, что прокатившиеся черносотенные погромы и, прежде всего, поведение погромщиков зачастую было зеркальным отражением поведения революционеров. В некоторых местах они были поддержаны местными властями (Иваново-Вознесенск, Ярославль, Кострома, Тула Москва и др.), и в Москве – связаны с растерянностью, неготовностью противостоять «страстям» в условиях неожиданно провозглашенных свобод. Отсутствие явных революционных и антиреволюционных настроений и связанных с ними эксцессов в С. Петербурге, наводненном верными престолу

войсками гвардии показали, что фактор стойкости армии будет решающим для исхода борьбы между властью и революционерами в ходе дальнейшего нагнетания и распространения крайних форм борьбы в российском обществе.

Между тем, провозглашение манифестом 17 октября свободы, учреждение с законодательными правами Государственной Думы, перевели общественно-политическую ситуацию в новую фазу. В стране сложился новый строй, сущностными сторонами которого являлись появление парламента и открытая деятельность революционных, либеральных и право-монархических партий. Неизбежная оригинальность программ и лозунгов способствовали нарастанию разобщенности в действиях революционных и либеральных сил. Во многом это подтвердили и состоявшиеся в конце 1905 – начале 1906 года съезды социал-демократов, эсеров и кадетов. Вместе с тем, наиболее крайние элементы интеллигенции в составе социал-демократов (большевики) и эсеров (максималисты) попытались использовать радикальные методы борьбы – всеобщую забастовку, переходящую в вооруженное восстание и террор против агентов власти. Впрочем, по признанию одного из лидеров кадетов, в их рядах в декабрьских вооруженных столкновениях были также сильны республиканские настроения<sup>15</sup>. И здесь, несмотря на неудачу выступлений, декабрьские вооруженные восстания 1905 года в Москве, Сормово, Ростове-на-Дону и ряде других мест оказали воздействие на самодержавие. Размах борьбы в декабре 1905 года интеллигенции, рабочих заставил самодержавие подтвердить ранее возведенные манифестом 17 октября права. Избирательный закон 11 декабря 1905 года в дополнение к имевшимся трем учреждал четвертую – рабочую курию. На состоявшемся в эти дни Петергофском под председательством императора Николая II совещании высших сановников государства была учреждена четвертая, рабочая курия. Одним из аргументов в пользу ее создания стало мнение большинства, в рамках традиционного для чиновничьей императорской России, о том, что рабочие к этому времени образовали устойчивое самостоятельное сословие. Проговаривалось и предоставление всеобщего избирательного права, которое, однако, было отвергнуто из-за опасения получить революционную Думу<sup>16</sup>.

Как известно, окончательные изменения государственного строя произошли весной 1906 года, когда царем была утверждена новая редакция основных законов. Сложившаяся система у историков и правоведов вызвала немало споров о сущности новой конструкции власти. В литературе ее называли думской монархией, бонапартистской или третьейюньской системой и т.д. Вместе с тем, как представляется, основной массе подданных, от которой зависит желание подчиняться, признавать власть, ее легитимность, было не важно, как она называлась. После 1905 года меняется психология восприятия власти у значительных масс рабочих

и горожан, как бы сейчас сказали, средних слоев, подавляющее большинство которых образовывало интеллигенцию. Разрушается образ «добротого» царя в представлении, чувствах и желаниях значительного числа подданных. Одним из проявлений этого стало распространение революционной морали, реализация своих устремлений в лозунге «В борьбе обретишь ты право свое!», а также нарастание антихристианских настроений, выразившихся в отказе по данным Синода совершать таинства (крещение, причащение), да и в целом посещать храм. Основными носителями этих настроений также становится интеллигенция и рабочие, выдвинувшие в эти годы многочисленных представителей в ряды революционеров – разрушителей самодержавной России.

---

<sup>1</sup> Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие. М.: РОССПЭН, 1994-1999; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революции. 1861 – февраль 1917: мат. межд.науч. коллоквиума. СПб.: ИРИ РАН, 1997; Общественная мысль России XVIII - нач. XX века: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2005;

Российский консерватизм сер. XVIII – начала XX века: энциклопедия. – М.: РОССПЭН, 2010 и др.

<sup>2</sup> Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. – СПб., 1991. С.250

<sup>3</sup> Маевский Евг. Массовое движение с 1904 – 1907 гг./Общественное движение в России в начале XX века. Т.2. Ч.1. СПб., 1910. С.35 – 37.

<sup>4</sup> Там же. С. 38.

<sup>5</sup> Там же. С. 59.

<sup>6</sup> Пайпс Р. Русская революция. Т.1. М., 1994. -С.33.

<sup>7</sup> Ольденбург С.С. Указ.соч. С.205.

<sup>8</sup> Маевский Евг. Указ.соч. С.38.

<sup>9</sup> ПСЗРИ. Собрание третье. Т.25, 1905. СПб., 1908. С. 134.

<sup>10</sup> Там же. Т.25. С.133.

<sup>11</sup> Листовка иваново-вознесенского РСДРП «Кто идет под красным и кто идет под белым знаменем» / Листовки иваново-вознесенской большевистской организации 1900- февраль 1917 гг. Ив., 1957. С.124

<sup>12</sup> Платон Лебедев. Красные дни в Нижнем Новгороде/Былое. 1907. №5. С.127-128.

<sup>13</sup> Государственный Архив Российской Федерации. Ф. 1741 ,оп. 1, инв. №8564.

<sup>14</sup> ГАРФ. Ф.124. Оп.43. 1905. Д.737. Л.1-4.

<sup>15</sup> Корнилов А.А. Воспоминания/Вопросы истории. 1994. №5. С.120.

<sup>16</sup> Протоколы заседаний совещаний под личным его императорского величества председательством для рассмотрения положений Совета Министров о способах осуществления высочайших предубаждений, возвещенных в пункте 1 манифеста 17 октября 1905 г. 5,7 и 9 декабря. СПб. 1905. С.11,13.

**Советы рабочих депутатов 1905 г.: рабочие и власть  
в общественно – политическом процессе России.**

История Советов рабочих депутатов 1905 г. в России в последние два десятилетия – одна из забытых тем в исторической науке. Компьютер по структурированному запросу (База данных: hist.) о трудах по истории Советов 1905 г. за последние десятилетия отсылает к работам 1980-х гг. и указывает на небольшой параграф в главе о высшем подъеме революции в «Истории рабочего класса в СССР» (М., 1981 г.). В нем рассказано о Советах 1905 г. как органе вооруженного восстания, зародыше новой революционной власти. В те же годы появилось несколько статей о деятельности большевиков в Советах 1905 г.<sup>1</sup> Советы, возникшие после революции 1917 г. в России в советской историографии всегда рассматривались как «приводные ремни» большевистской партии. С распадом СССР и роспуском КПСС интерес к изучению Советов вообще и в 1905 г., в частности, пропал. Начиная 1990-х гг., это – немногие работы в сборниках, изданные по материалам конференций, посвященных столетию революции 1905 г.<sup>2</sup>, краткое упоминание в учебниках, а также в коллективном труде, изданном к столетнему юбилею первой революции в России 1905-1905 гг.;<sup>3</sup> сегодня исследования по истории Советов 1905 г. практически отсутствуют.

Конечно, мир изменился за сто лет. Ушла в прошлое теория о диктатуре пролетариата К.Маркса с ее задачей построения социалистического общества, развитая в работах Лениным и воплощенная в жизнь созданием СССР. Но значит ли это, что следует забыть Советы в переломные периоды общественно-политической жизни России? Случайно ли, что в программных документах и трудах идеологов левых политических партий, сторонников социалистической общественной модели, и сегодня можно увидеть ссылки на Советы в России, как одну из наиболее демократических форм представительства интересов трудящихся на «местном» государственном уровне?<sup>4</sup> Обратившись к истории России начала XX в., следует обратить внимание на то, что рождения Советов рабочих депутатов в России в 1905 г. совпало в общественно-политическом процессе с появлением в тот первый год революции Государственной думы, которую либеральные круги ждали как первого в стране «парламента» западного типа. В связи с этим особую актуальность приобретает осмысление выборов в Совет в 1905 г., а также первых шагов их управленческого опыта, сравнение рождения Советов с выборами в Государственную думу и с системой парламентаризма. Еще в начале XX в.

---

<sup>1</sup> © И.М.Пушкарёва, 2012

размышления по этому поводу можно констатировать не только в статьях Ленина с его поисками замены царского самодержавия «самодержавием народа».<sup>5</sup> Сравнение Советов с парламентами можно встретить в работах и других социалистов еще до революции 1905 г.<sup>6</sup> Совет рабочих депутатов в 1905 г. был назван «парламентом» участниками всеобщей рабочей стачки в г. Иваново-Вознесенске.

Обращаясь к историографии, вспоминается время, когда история Советов рабочих депутатов в 1950 – 1960-е гг. рассматривалась как «разменная карта» в идеологической борьбе коммунистов с зарубежными «советологами» в обстановке «холодной войны». Тогда историкам в СССР в этой области исторической науки пришлось занять оборонительную позицию, что не могло не отразиться на объективном изучении возникновения Советов в общественно-политическом процессе в России. Трудности возникали и в том, что в советской историографии на рубеже 1920 – 1930 –х гг. был сделан непримиримый идеологический крен к критике меньшевизма. В итоге в работах советских историков о Советах центральное место стала занимать деятельность в них большевиков; инициатива же рабочих как бы отодвигалась на второй план программными документами II съезда РСДРП. Работы 1920-х гг., которые при обращении к истории Советов уделяли основное внимание проблемам установления организации ими власти, объявлялись меньшевистскими в связи с тем, что последние рассматривали Советы 1905 г. как муниципальные организации, а не как органы вооруженного восстания. В начале тридцатых годов ряд фундаментальных книг, изданных в 1920-е гг. о Советах, попали в спецхран в связи с тем, что их авторы были репрессированы.<sup>7</sup> Впоследствии возобладала тенденция при работе с архивными и опубликованными источниками тщательно выбирать и обобщать факты участия Советов рабочих депутатов в вооруженных восстаниях в декабре 1905 г., все, что иллюстрировало программу максимум РСДРП о социалистической революции. Классическим исследованием о Советах долгое время считалась книга историка-правоведа Н.Н. Демочкина, в которой автор собрал все высказывания Ленина о Советах.<sup>8</sup> В ответ на это зарубежные «россиеведы» повторяли в течение многих лет, что большевики «не стояли у колыбели Советов», критиковали идеологически прописанные в советских работах вопросы о пролетарской государственности.<sup>9</sup>

Отметим, что Советы рабочих депутатов 1905 г. родились в условиях многопартийности и ряд большевиков, действительно, настороженно отнеслись к Советам, особенно к тем, в которых преобладали меньшевики и эсеры. В беспартийности Советов большевики видели анархизм, кстати, заявлявший о себе всегда в широких народных организациях. Однако правда заключается в том, что Ленин, называя Советы 1905 г «зародышем государственной власти», никогда не



принижал инициативу, самоорганизацию рабочих в их появлении. Выступая в 1918 г. по поводу Учредительного собрания, Ленин продолжил сравнение Советов с парламентаризмом. Он тогда подчеркнул, что органы своей власти еще в 1905 г. народ «сумел создать вполне самостоятельно, что эта «форма демократизма, не имеет себе равных» и снова противопоставил Советы «буржуазным парламентам всех стран и государств».<sup>10</sup> Тогда некоторые оппоненты коммунистической идеологии подчеркивали, что большевики, наделяя рабочих активной общественной позицией, превратили Советы в России в «аналог парламентских структур».<sup>11</sup>

Ко времени событий 1905 г. прошли те времена, когда в эпоху нарождавшейся буржуазии в Европе рождение парламентов было связано с борьбой королей с прогрессивными идеями народного суверенитета. Парламенты в Европе давно становились законодательными учреждениями, а возможность усиления их в обществе зависела от государственной власти. Наличие этой тенденции присутствовало и в политической жизни России, но здесь Государственная дума (русский «парламент») начинала свою историю при всевластии царского правительства. Среди авторов ее проектов преобладали представители самодержавной власти. Когда 18 февраля 1905 г. недавнему рязанскому губернатору А.Г. Булыгину специальным рескриптом царя было поручено председательствовать в комиссии по подготовке проекта о Государственной думе, то царем ставилось одно условие: «непременное сохранение незыблемости основных законов империи». Передача верховной властью российскому обществу части собственного суверенитета казалось ему невозможной угрозой существования трона. Однако независимо от этих настроений социальная мутация общества и нарождавшаяся революция в России стремительно разрушали фундаментальные традиционные основы общественно-политического развития страны и веками существовавшей авторитарной государственности. В 1905 г. у царского правительства осталось только одно в отношении реализации проекта Государственной думы – «тащить, но не пущать». Его тактика сосредоточилась на игре с либеральной «общественностью», фактически осуществлявшей идеологическое обеспечение модернизации в стране, и, соответственно, продвижение принятия проекта о Государственной думе. Консерваторы, поддерживая царя, попытались утопить в словопрениях мнения «отдельных» пролиберальных министров, которые «расходились с общей политикой верховной власти». Что же касается широких кругов населения страны, то, по мнению этой власти, народ представлял собой «стихию, сохранившую преданность царю». Император Николай II как и обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев тупо был убежден, что народ в России «совершенно непригодный материал для экспериментов с

законодательными собраниями» и «может безропотно и охотно подчиняться только колоссальной власти, сосредоточенной в руках одного человека и окруженного ореолом мистического величия...».<sup>12</sup> Даже после 9 января 1905 г., когда рабочие Петербурга преподнесли «верхам» пример несанкционированной социальной активности, Николай II продолжал считать, что «против монархии одни только интеллигенты, а народ, в том числе фабрично-заводской рабочий, за самодержавие и продолжает видеть в царе лучшего защитника своих интересов».<sup>13</sup>

Но идеализация верноподданнических настроений масс, уже подпавших под пропагандистское настроение политических партий и либеральной «общественности» с ее недавними на рубеже 1904 – 1905 гг. «банкетными кампаниями», оказалась неоправданной, как и взятый самодержавным правительством курс весной 1905 г. на «подмораживание» ситуации с проектом о Государственной думе. Для Николая II принятие закона о Думе было веригами, сковывающими царственную плоть. Он не хотел видеть, что игнорируемый им народ диктует в России свою политическую повестку дня, а оппозиция лишь следует за конституционной идеей и готова идти на уступки. 16 марта, через месяц после объявления о создании Булыгинской комиссии царь вновь вернулся к ненавистному ему проекту о представительном учреждении, утвердив окончательно ее состав, но отведя заслушивание итогов ее работы подальше, на 2-3 месяца, где-то к концу лета.

Общество – сложный организм и нечто большее, чем образующие его отдельные индивиды, даже если они группируются в верховной власти. Оно всегда живет собственной жизнью и влияет на своих творцов по-разному, в разной степени, выявляя различные образцы человеческого поведения, множественные культурные нормы и убеждения; само может «доделывать» работу оппозиции правительству. Но проблема созыва законодательного представительства в России затронула не только либеральный «лагерь», требовавший демократических свобод. Теперь революционный рабочий народ буквально «дышал в затылок» самодержавной власти с ее всегдашней склонностью к бюрократическим проволочкам. Это проявилось в создании рабочими России в 1905 г. структур демократического типа, параллельных существующей власти на местах.

Постсоветский период обогатил российские общественные науки новыми темами и подходами к их освещению. Сегодня в отечественной историографии усиленно изучается самоорганизация российской общественности в имперский период в начале XX в.<sup>14</sup> Такие же процессы происходили и в рабочем движении, как одной из частей общего движения в стране, «формирующего новое представление человека о своем месте в нем и в мире в целом»,<sup>15</sup> со своими инициативами также и в отношении правовой системы России. В 1905 г. и проекты Государственной думы, и

появление Советов было производной от общественно-политического движения в стране.

С начала марта в рабочих поселках Урала (Алапаевск, Мотовилиха, Надеждинск и др.) начали возникать выборные организации – фабрично-заводские Советы уполномоченных депутатов – показавшиеся современника новыми, отличавшимися от обычных профессиональных организаций. Вслед нами в Центре России всеобщая стачка рабочих Иваново-Вознесенского фабричного региона в начале мая 1905 г. ознаменовалась в начале мая 1905 г. появлением в начале мая 1905 г. Совета уполномоченных депутатов, но ставшего вскоре известным как первый в стране Совет рабочих депутатов. В городе нарастания классовых контрастов Иваново-Вознесенске, где богатство в центре было окружено кольцом нищих рабочих районов, большинство из его 80 тыс. жителей были далеки от подробностей реформистских маневров царского правительства. Но социальное сознание рабочего здесь уже давно подспудно созревало под влиянием социалистической революционной агитации. Пока за кулисами власти в Петербурге на совещаниях министров разворачивались споры по поводу числа выборных в Государственную думу и сословности депутатов, рабочие Иваново-Вознесенска, избрав в свой представительный орган власти депутатов в Совет от более 30 тыс. трудового народа, показали «на местном материале», как должны происходить такого рода выборы и какую власть они хотели бы видеть на местном уровне.

Целью совещаний у Булыгина было обеспечить преимущество «представителям высших слоев общества», «фабрикантам или крупным землевладельцам», «представителям церкви». Здесь раздавались голоса ограничить представительство «низших классов», остановить в будущем «постепенную демократизацию выборов» и вообще урезать представительство «бесформенной массы, где большинство всегда на стороне наименее развитых и самостоятельных».<sup>16</sup> Выразители этих «соображений» в Комиссии Булыгина, одновременно испытывая страх перед буржуазным влиянием («сильным давлением фабрикантов, торговцев и других экономически влиятельных лиц, требовавших свое представительство во власти») а, с другой стороны, – перед представителями от «простого народа», не учитывали одного, что презираемая ими «собирающая посредственность» сама становилась все более способной поменять природу взаимоотношений рабочего и власти. Это находило отражение как при выборах, так и сразу с начала повседневной работы Советов рабочих депутатов; но особенно ярко – позднее, в ходе массового возникновения Советов, во время вооруженных восстаний.

Присутствие Комиссии Булыгина в государственных сферах при всей закрытости ее работы играло прогрессивную роль в общественно-

политическом движении, активизировало оппозиционные и революционные настроения. По сведениям ведомственного обзора печати,<sup>17</sup> с февраля 1905 г. не менее десятка газет в связи с просачивавшейся в общество информацией о ее заседаниях освещали споры по поводу характера и формы предлагаемых в правительстве выборов, большая часть корреспондентов в этих газетах склонялась к установлению всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, как «идеалу» устройства представительного правления. Тем более в мае 1905 г., не дожидаясь решений правительства, это уже осуществили рабочие при выборах в первый Совет рабочих депутатов, внося лишь одну поправку: избрание 151 депутата в Совет Иваново-Вознесенска происходило не тайным, а открытым голосованием. Если в Комиссии Булыгина шли споры о размере имущественного ценза для депутатов Думы, при выборах в этот Совет рабочих депутатов, как органов власти, вопрос об имущественном цензе даже не возникал. Богатым фабрикантам и заводчикам, которые не шли на уступки рабочим, было просто отказано в праве решающего голоса в представительном органе власти, хотя они могли присутствовать на общих собраниях Совета при обсуждении важных вопросов о жизни города и рабочих. Когда же первый избранный Совет стал формировать (естественно, на местном уровне) исполнительный комитет – «правительство» с комиссиями (финансовой, продовольственной и др.), становилось очевидным, что в рабочей среде в связи с подъемом общественно-политического движения сильно пошатнулся и патернализм, вера в «отеческое» отношение к рабочим предпринимателей.

Комиссия Булыгина стремилась избежать обсуждения проблемы «запросов» в Думу от избирателей.<sup>18</sup> Усваивая западные парламентские догмы, освященные буржуазной политической наукой, ее члены полагали самой собой разумеющимся, что избиратели должны полностью передать избранным депутатам полномочия по принятию властных решений и считать так: «Мы их выбрали – они нами командуют», а депутаты Думы в дальнейшем вольны поступать по собственному усмотрению. Иное представление было у «сознательных» активных рабочих при выборах депутатов в Совет. Они, как представляется, полагали, что народ выбирает не командиров, не власть *над* собой; суть ее заключалась в другом восприятии депутата: «Мы тебя избрали, мы тебе доверяем – ты же работай, защищай нас и отчитывайся перед нами!»<sup>19</sup>. Озвученные при выборах в Советы рабочих депутатов эти представления указывали на изменение в менталитете определенной части рабочих в России, опережая в общественно-политическом движении модели того представительного учреждения, которое должна была предложить власть.

С.Ю. Вите, вернувшийся в сентябре 1905 г. в Россию после заключения мирного договора с Японией уловил этот быстро

распространявшийся импульс в общественно – политической жизни страны. В речи на Государственном совете он с тревогой (как сам об этом пишет) обратил внимание на «самозванные правительства», «появившиеся в большом числе по всей России» (После Иваново-Вознесенска попытка создать Совет рабочих депутатов была в Костроме; претендовали на властную самостоятельность «депутатские» и «делегатские» собрания, железнодорожные и крестьянские комитеты).

Опубликованный 6 августа 1905 г. манифест и избирательный закон о выборах в законосовещательную Государственную думу, разочаровал идеологов демократической общественной мысли, напряженно искавшей пути России в будущее, а революционерами он был воспринят как издевательство. Закон касался только богатой части общества. Его создатели не только не задумывались, а просто «гнали мысль» о всеобщем народном представительстве: из 140-миллионного населения страны лишь 4 млн. (около 3%) получили возможность участвовать в голосовании на выборах в Государственную думу. В сложных «ступенчатых» выборах в нее могло принять участие лишь незначительное число городского населения: в Петербурге из 1,4 млн. жителей – 7,1 тыс. (5%), в Москве из 1,1 млн. – 12 тыс. (1%); в Костроме из 55 тыс. – 600 человек (1%); в Казани из 150 тыс. – 1 тыс. (0,6%) и т.д. В финальной стадии 412 депутатов в Думу должны были избрать только 7,6 тыс. выборщиков из многомиллионной страны. Рассчитывая на монархические иллюзии крестьянства, власти отдавали сельской местности 45% голосов в губернских избирательных комиссиях, из них землевладельцам – 34% . Горожанам – отдавалось 23% голосов. Так представила закон газета «Русские ведомости».<sup>20</sup> Он игнорировал массу городского пролетариата, так же как и деревенскую бедноту, женщин, военнослужащих, учащихся, представителей многих национальностей.

Борьба с произволом правительства стала лейтмотивом общественно-политического движения. В российском обществе, набравшим с воодушевлением силу «направлять мысли и действия масс и жить собственной жизнью»,<sup>21</sup> резко выросли революционные настроения, число демократически настроенных лиц, обративших внимание на Советы рабочих депутатов, видевших в них зародыш «народного парламента». У них возникала мысль, что переход к преобразованиям в государстве возможен не только в рамках парламентской демократии. Протестным движением против Булыгинской думы в ответ на издание закона 6 августа 1905 г. народ и прогрессивное общество бросали открытый вызов способности царского правительства создать представительный орган власти. Общество продолжало продвигаться вперед от не покидавших его надежд на правительство, которое собралось ввести в стране представительное демократическое учреждения, к самостоятельному решению этой задачи, к формировавшейся ему угрозы самостоятельного

демонтажа старой власти самим народом. Участвуя в этом протесте, «сознательные» рабочие связывали его с борьбой за гражданские свободы, представляя Советы рабочих депутатов, как образец народно-демократической власти принципиально другого типа, нежели не только самодержавная, но и буржуазно-демократическая, парламентская власть. Источники свидетельствуют о том, что в протесте против Булыгинской думы рабочие и представители демократии все отчетливее вырисовывал форму нового правительства – исполнительного комитета, формируемого самим Советом рабочих депутатов и в дальнейшем от него *зависимого*, как от высшего представительного учреждения. В резолюции одного из собраний Совета, выражавшего протест против Булыгинской думы, говорилось, что «...будущая Дума» должна «не только писать законы, но и проверять министров, смещать их, отдавать под суд всех провинившихся ...»<sup>22</sup>

В исторических книгах о революции 1905-1907 гг. важнейшие факты и события середины октября 1905 г., подчас, неправомерно разделены ватерлинией. Это не позволяло отчетливо противопоставить принципы парламентаризма, над которыми работало царское правительство, с одной стороны, и, с другой, Советы рабочих депутатов, как одну из наиболее демократических форм представительства интересов трудящихся, которую рабочие стихийно продвигали в стране в 1905 г. Так, например, 13 октября 1905 г. было одним из «черных дней» царизма, когда в столицы империи случилась почти полная парализованность жизни. В тот же день здесь начал самостоятельную деятельность Петербургский Совет рабочих депутатов. Исправленные после протестов против законосовещательной Думы проекты еще только стали предметом внимания тех лиц, которым доверял царь, а 200 депутатов Совета, избранных народом на заводах и фабриках и на других предприятиях столицы, готовы были, как новая власть, взять частично на себя решение важных вопросов хозяйственной и общественной жизни города. Деятельность Петербургского Совета не прекратилась и после провозглашения Манифеста 17 октября 1905 г. и продолжаясь до тех пор, пока революция находилась на подъеме, до ареста 3 декабря 1905 г. Исполнительного комитета Петербургского совета за публикацию «финансового манифеста». Дело тогда дошло до того, что этот «манифест» предложил населению страны в борьбе с правительством изымать вклады из сберегательных касс, требовать при любых расчетах (включая заработную плату) выплату всей суммы и только звонкой монетой, отказаться от всех казенных платежей. Только 12 декабря, справившись с грозным вооруженным восстанием в Москве, царизм опубликовал новый указ теперь уже о законодательной Государственной думе с изменением положений о выборах.

Обращение к воспоминаниям С.Ю. Витте, Д.Н. Шипова, В.А. Маклакова показывает, что с 17 октября и до середины декабря

возникновение десятков Советов рабочих депутатов тоже заставляло правительство думать о смене лица самодержавия и неоднократно возвращаться к пунктам указа о правах будущего представительного органа власти. Если Советы были рождены народом, без которого ничего не решалось в их деятельности, то все парламентарные проекты были производным правительственных чиновников. В правительстве горячо обсуждались возможность регулирования новыми законами, даруемыми народу демократическими правами (например, права на свободу печати), необходимость расширения числа выборщиков в Государственную думу, допуска к выборам рабочих, увеличения в ней вообще рабочего представительства. На повестку дня в верхах постоянно ставились вопросы о бесцензовости выборов, о представлении прав всем мужчинам, достигшим 25 лет и т.д. В целом же самодержавие стремилось свести к минимуму преобразовательные меры в государстве. При этом и недавно официально разрешенные буржуазные политические партии, касаясь выборов в Думу, избегали обсуждения вопросов о государственном переустройстве и создании республики. Либералы-«постепеновцы», прекрасно видя все увертки правительства власти, тем не менее призывали общество к диалогу с властью. На этой основе в Совете министров разражались не прекращавшиеся и после Манифеста 17 октября споры по поводу всеобщего избирательного права. Конец им положил Николай II. «Идти слишком большими шагами нельзя, – заявил он. Сегодня – всеобщее голосование, так недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно».<sup>23</sup>

Правительственной бюрократии, несомненно, виделось при всей отдаленности от царских чертог учреждение Советов рабочих депутатов. С октября по декабрь в стране возникла сеть народных выборных властных организаций, среди которых в 33-х губернских (областных) и уездных городах выделялась деятельность Советов рабочих депутатов; в них участвовала и часть средних слоев городской демократии. Всего в стране их было создано 52 в первый год революции, в том числе в разные периоды в рабочих поселках, сложившихся вокруг крупных предприятий, горных рудников и шахт. Там, где фабрики находились в сельской местности, в состав Советов входили крестьянские депутаты, где имелись большие гарнизоны – солдаты, в портовых городах – матросы.<sup>24</sup> В период высшего подъема революции и временной победы вооруженных восстаний народ назвал «республиками» компактные территории, где возникли Советы: в Центре страны это была «Рузаевская республика», на Северном Кавказе – «Новороссийская», на Украине – «Люботинская», в Сибири – «Красноярская».

На отвоеванных Советами рабочих депутатов демократически организованных пространствах формировались новые социальные отношения, отвечавшие интересам народа. Выборы в них, как и при

рождении первых Советов, происходили везде открыто – в цехах фабрик, на заводских территориях, на городских площадях. Отражая интересы трудящихся и каждого человека в отдельности, Советы держалась исключительно с помощью народного доверия массы населения, привлекая их к свободному, широкому обсуждению всех жизненно важных вопросов, «будили» к социальной жизни дотоле индифферентных к ней людей. «Ничего скрытного, ничего тайного, никаких регламентов, никаких формальностей. Ты – рабочий человек? Ты хочешь бороться за избавление России от горстки полицейских насильников? Ты – наш товарищ! Выбирай своего депутата».<sup>25</sup> Нормы выборов в Советы были различными: по одному от каждых 500 рабочих и от 500 членов профессиональных союзов (Петербург, Москва), один – от 100, 50, 25 человек (где рабочих было меньше). Избранники в Совет были представителями в общей сложности нескольких сотен тысяч в основном представителей рабочего класса. Так, в Петербургском совете 562 избранных депутата представляли 200 тыс. рабочих – половину всего питерского пролетариата,<sup>26</sup> в Москве – 170 депутатов представляли более 80 тыс. рабочих фабрик и заводов города и т.д. Рабочие преобладали во всех Советах: подсчитано, что в 31 Совет в то время было избрано 1709 депутатов; 77,1% в них были фабрично-заводские и железнодорожные рабочие. Политическую активизацию общества отражали в Советах представители от служащих, демократической интеллигенции, крестьян; наряду с мужчинами (в отличие от закона 6 августа) в Советы рабочих депутатов избирались и женщины.<sup>27</sup>

Являя собой антитезу Государственной думе, Советы вступали в негласный спор со снобизмом ее разработчиков, утверждавших, что при всеобщем избирательном праве победит «собирательная посредственность» и «понижится умственный уровень избираемых».<sup>28</sup> Советами предлагалось принятие совместных решений в ходе демократического обсуждения. (Это соответствовало рожденной народом пословице: «Ум – хорошо, а два – лучше!»). Везде при всеобщем, свободном, равном и прямом голосовании (иногда тайном – по запискам «бюллетеням») в выборах в Совет участвовали грамотные рабочие, образованные молодые представители демократии, но не моложе 18 лет. Каждая кандидатура обсуждалась. Выяснялось, достаточен ли авторитет кандидата в депутаты в народе, как он проявил себя в общественной жизни, в коллективных протестах. Организация власти касалась и средних демократических слоев России, но при этом везде богатство, высокий «имущественный ценз» играл прямо противоположную роль.

В Советах, готовившихся к вооруженной борьбе с правительством, народ видел, каким может быть и представительное учреждение в России, и назначенное им «правительство» – исполнительный орган власти. Советы и их исполнительные комиссии (комитеты) действовали на основе



и в рамках императивного (обязывающего) мандата (*наказа*), который принимался при выборах. Это была «власть, делавшая все на виду у всего народа, всегда доступная людям, прямое и непосредственное выражение их воли». На первый план выходил принцип «подконтрольности вышестоящих нижестоящим». В листках (бюллетенях, газетах) Советов содержалась информация о повседневной работе депутатов, а императивность мандата предполагала право контролирование работы депутата и публичное обсуждение его деятельности. Практические возводился в закон принцип замены депутата сразу, если его работа не удовлетворяла требованиям избирателей, а не по истечении установленного выборами срока полномочий.

Народная «самодеятельность» в 1905 г. Советами рабочих депутатов представила обществу новый тип организации социума в относительно узкой сфере, имея в виду необходимость государственных изменений. Это, как и процесс самоорганизации общества отразила деятельность исполнительных комиссий и комитетов Советов – продовольственных, финансовых и других в соответствии с нуждами народа и необходимостью его социальной защиты. Поскольку в дореволюционной России не существовало системы социального обеспечения, именно туда было в первую очередь обращено внимание Советов. Входя в российскую жизнь, Советы «сигнализировали» своим появлением, что существовавших в государстве структур недостаточно, что нужны другие, в которых бы участвовал народ. Владельцы фабрик, заводов, магазинов, местная власть вынуждена была считаться с распоряжениями Советов, также ощущая появление черт гражданского общества, оспаривавшего исторически принадлежавшую самодержавию монополию на выражение интересов населения.

Пока в министерских кабинетах шли споры по поводу рабочего представительства в Государственной думе, Петербургский совет рабочих депутатов уже вводил в столице явочным порядком 8-ми часовой рабочий день; в этом решении за ним последовали и другие Советы. Они издавали распоряжения об условиях труда: об отмене ночных и сверхурочных работ, о сокращенном рабочем дне перед праздниками, об установлении минимума заработной платы, одинаковой для работников обоих полов, о выдаче ее без вычетов за дни болезни и т.д. Распоряжениями Советов менялись вежливое обращение администрации с рабочими, уничтожение обысков, установление контроля за гигиеническими условиями труда, медицинским обслуживанием и т.д. Советы создавали выборные комиссии от рабочих и предпринимателей для контроля за соблюдением найма и увольнения рабочих, назначения и выдачи зарплаты, установления новых расценок, охраны труда. Отмечены первые попытки введения рабочего контроля над производством. Все это подтверждают источники по истории Советов 1905 г. в Самаре, Чите, Красноярске, Челябинске, Златоусте, Баку.

Финансовая деятельность крупных Советов не ограничивалась сбором средств остро нуждавшимся и оставленным без работы. Советы обращались к домовладельцам предоставлять рассрочку по внесению квартирной платы, а к городским думам – предоставить капиталы с теми же целями в их распоряжение. Пока в правительственных верхах спорили, нужно ли давать Государственной думе права росписи государственных доходов и расходов, а также сведения об источниках получения ею материальных средств, некоторые Советы выносили решение о прогрессивно – подоходном налоге для лиц, имевших доход свыше 1 тыс. рублей и в этих случаях он начинал собираться со всей строгостью. Как представительные органы власти, Советы держали в поле зрения и повседневную жизнь населения: работу магазинов, цены на продукты и другие товары, обеспечение бесперебойной работы пекарен, муниципальных учреждений, а также нормы поведения людей. Там, где царские судебные учреждения приостановили свою работу, при Советах были созданы товарищеские (народные) суды: в Петербурге, Москве, Костроме, Ростове-на-Дону, Таганроге, Новороссийске, Сормове, Красноярске, Сочи.<sup>29</sup> Нормы поведения устанавливались обязательными для всего населения. При каждом Совете создавались боевые дружины или милиция. С помощью организованных Советами исполнительных учреждений велась борьба со спекулянтами и теми, кто в интересах собственного обогащения пытался использовать затруднения в снабжении продовольствием населения.

Гражданская активность Советов ушла далеко от проектов думского представительного учреждения. В обществе она подспудно поддерживалась наличием к этому времени в стране огромного числа общественных организаций, зреющих в политической системе имперской России институтов гражданского общества. Активность Советов, черпая силы и в созидательном потенциале этих организаций, показывала возможность участия народа в решении не только хозяйственных, но и общественно-политических проблем. Влияние лидеров революционных партий в Советах проявлялось в воплощении в жизнь в ряде городов провозглашенных Манифестом 17 октября демократических свобод. От имени Советов выдвигалось требование земли – крестьянам, а также – созыва вместо Государственной думы – Учредительного собрания и установление демократической республики.

Воздействие Советов рабочих депутатов, как ориентира демократической власти, воздействовало на общественно-политический процесс и при выборах в I Государственную думу в 1906 г. Большевики и эсеры бойкотировали выборы в нее, поскольку в народе был свеж образ другого «парламента», открытого и доступного массе народа, выразителя его интересов – Советов рабочих депутатов. I Государственную думу кадеты называли «Думой народного гнева». Но именно ее демократическая

«левизна», в чем свою роль сыграл и отраженный в ней опыт рабочих Советов, послужила причиной того, что она просуществовала лишь 72 дня (как первый Совет рабочих депутатов!)

Итак, рождение Советов рабочих депутатов в 1905 г. в России было показателем новой ступени в развитии протестного рабочего движения, части общей освободительной борьбы в стране, как одного из элементов формирования демократического общества. (Вспомним, что слово «демос» (греч. demos) – народ, часть населения, противопоставлявшая себя аристократии). Сравнение в общественно-политическом движении в России Советов рабочих депутатов и предложенной самодержавным правительством проекта Государственной думы помогает выявить сущность и остроту конфликта ценностных парадигм в модернизации российского общества. Это сравнение обнажает болевые точки общественно-политической жизни страны, непонимание и практически игнорирование народа правительством Николая II. Выборы в Советы рабочих депутатов и направление их деятельности вступало в противоречие с самодержавной идеологией, отмахнувшейся от массы населения при выборах в государственное представительное учреждение.

Конфликт в России в начале XX в. старой и новой культур в широком смысле слова стремительно разрастался, проникая в каждую клеточку российского общества, разрушал его, требовал переоценки ценностей, активного пересмотра воззрений и норм поведения, замены и решительного обновления правовых институтов, переделки законов всей его жизни. Предложенная народом форма власти и первые начинания Советов были направлены на перестройку общества в интересах трудового народа. Рабочие в России, как проводники прогрессивного экономического развития, собственной самоорганизацией показывали, что они способны участвовать в создании представительного учреждения, увлечь за собой демократические силы общества, фактически обойденные в массе своей царским законом о Государственной думе.

Советы рабочих депутатов не ориентировались на Запад, как российский парламентаризм, а уходили корнями в собственную историческую почву. Они демонстрировали ограниченность буржуазного парламентаризма, отражали взгляд на представительное учреждение в России «сознательного», продвинутого в социальном отношении, хотя и небольшого в масштабах страны слоя рабочих и следовавшей за ним демократии. Деятельность Советов в 1905 г. была началом существенного изменения менталитета рабочих и низших демократических слоев общества в пользу социально более активных рабочих. Конечно, Советы рабочих депутатов в то время еще не могли жестко противопоставить себя буржуазному парламенту, имевшему длинную историю организации государственной власти. Но Советы рабочих депутатов и подобные им выборные народные организации в России в 1905 г. представляли

желаемую народом власть в будущем демократическом обществе. Представление о ней можно собрать в исторических источниках. Советов в 1905 г. претендовали на эффективное орудие воли народа – выборный демократический представительный орган власти, а не послушный инструмент в руках одного правителя. Предполагалось, что в нем должны заседать представители разных сословий для совместного решения жизненно важных вопросов для всего населения. Народный орган власти должен при этом санкционировать действия исполнительных органов (тоже избранных), а также распоряжения («законы»), в том числе – иметь право санкции всех налогов, на свободу выборов, обсуждений, выражения недоверия депутату вплоть до отзыва и др.

Рождение Советов рабочих депутатов было одним из показателей, что общественно-политический процесс в России вступил в полосу необратимого кризиса, неизбежности более глубоких перемен в государственном строе, чем это предполагали в России те, кто считал законодательную Государственную думу и буржуазный парламент западного образца пределами мечтаний политической зрелости общества. История первых Советов в России в начале XX в., сравнение их с парламентами поучительна для современного процесса демократизации общества и деятельности в нем выборных представительных учреждений.

---

<sup>1</sup> Рабочий класс в Первой российской революции 1905-1907 гг. // История рабочего класса СССР. М. 1981. С.243-256; Сосина И.А. Борьба большевиков с меньшевиками и эсерами по вопросу о вооруженном восстании в Петербургском Совете рабочих депутатов (1905) // XXVII съезд КПСС и актуальные вопросы истории партии. Саратов. 1986. С.27-29; Якобсон Ю.А. Иваново-Вознесенский Совет рабочих депутатов 1905 г. в буржуазной исторической литературе // Проблемы историографии общественно-политического движения в России в XIX – начале XX вв. Иваново. 1986. С.113-122; Шморгун П.М. К истории возникновения Советов рабочих депутатов на Украине в 1905 г. // Рабочий класс Украины в общероссийском революционно-освободительном движении. Киев. 1988. С.115-125.; Брежнев В.Э. Роль партий в образовании и деятельности Советов губерний Центрального Черноземья (1905-1918) Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. истор. наук. М., 1997.

<sup>2</sup> Пушкарева И.М. Советы рабочих депутатов в России в 1905 г.: взгляд через столетие // Земства, советы, муниципалитеты, исторический опыт и современность. Иваново, 2005. С. 36- 48.; Рублев Д.И. Анархисты и власть Советов (1905. 1917-1920). // Власть и общество в истории России. М.2012 С.73-86

<sup>3</sup> Первая революция в России. Взгляд через столетие М.2005г.См. С. 334-336.359-363 и др.

<sup>4</sup> На конференции, организованной 28 сентября 2004 г Профцентром независимых профсоюзов, Г.Я Ракитской было отмечено, что в наши дни создание трудящимися народно-демократических организаций по типу схожих с первыми Советами 1905 г. в России и параллельно с уже существующими структурами власти, также как в начале XX в. обычно связано с подъемом протестных движений. // Газета «Представитель власти». М.,. 31 января 2006.

<sup>5</sup> Ленин В.И. Материалы к выработке программы РСДРП.// Полн. собр. соч. Т.6. С.423.

<sup>6</sup> Еще до революции 1905г. один из идеологов эсеров- максималистов А.Г. Троицкий сформулировал проект «советов труда», как формы «массовой классовой организации» рабочих и крестьян, противостоящей парламентаризму» ( Союз эсеров- максималистов. Документы, публицистика. 1906-1924 г. М. 2002. С.251.

<sup>7</sup> Например, в спецхране были книги: :Горин П. Очерки по история советов рабочих депутатов в 1905 г. М., 1925; Кривошеина Е. Советы рабочих депутатов в революции 1905 гг. Проблема образования революционной власти Л., 1926 и др

<sup>8</sup> Демочкин Н.Н. В.И. Ленин и образование республики Советов. М., 1974. С.253

<sup>9</sup> Sahapiro L. The Communist Parte of the Soviet Union. N.Y., 1960; Anwailter .O. Die Ratebewegung in Russland. 1905-1922 Leiden–Kolln, 1958; Scharndorf. Die Geschichte der KPdSU. Munchen , 1961; Keep J. The Rise of Social Democracy in Russia. Oxford, 1963; Contemporary Political Ideologies Ed/be. J/S/ Rousek. N.Y 1961

<sup>10</sup> Ленин В.И. Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 6(19) января 1918 г. Пол. собр. соч. Т.35. С.238-239.

<sup>11</sup> Гр. Лапоть (Максимов Г.П). Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение. Нью-Йорк. 1919. С.10.

<sup>12</sup> Победоносцев К.П. Московский сборник. М., 1892. С.43

<sup>13</sup> Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С.24

<sup>14</sup> См.: Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII- начале XX в. / Отв. ред. А.С. Туманова. М., 2011.

<sup>15</sup> Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб. 1993. С.20.. Социологическая наука считает, что рабочее, как любое движение, представляет собой коллективное образование, действующее в течение достаточно длительного времени; по типу может быть и реформистским, и революционным. Целью его всегда было содействие или сопротивление социальным изменениям в обществе. В целом, общественные движения формируют определенный «культурный дрейф», создающий почву для выступлений конкретных социальных групп, направленных на «выяснение отношений» их с властными структурами. Активные участники движения ставят своей задачей создание парадигм (образцов) новых властных структур, модернизируя и моделируя их под себя в новом государственном устройстве.

<sup>16</sup> РГИА Ф.1276 (Совет министров) Оп.1.Д.38 (Записки об издании рескрипта 18 февраля), 419 и др.

<sup>17</sup> РГИА Ф.1276 (Совет министров) Оп.1.Д.38 (Записки об издании рескрипта 18 февраля), 197-198 и др.

<sup>18</sup> Кризис самодержавия в России.1895-1917 / Отв. ред. В.С. Дякин. Л.,1984. С.195

<sup>19</sup> Такая постановка вопроса о контролируемых самими избирателями выборных во власть, не была радикально новым в общественной мысли России. Соответствующие идеи выдвигались с появлением в России первых рабочих организаций у бакунистов и левых прудонистов, участников I-го Интернационала См.: Рублев Д.И. Указ соч.. С.73-74

<sup>20</sup> Русские ведомости. 18 августа 1905г.

<sup>21</sup> На эту особенность, свойственную каждому обществу указывал еще Э. Дюркгейм. Цит. по кн.: Масионис Дж. Социология. М.–СПб. и др. 2004. С.162.

<sup>22</sup> Первая революция в России. С. 284

<sup>23</sup> «Былое» 1917. N 3. С.248-249; 258-259.

<sup>24</sup> Здесь и далее данные от Советах приведены по книге :Демочкин Н.Н. Указ. соч. С. 45-52

<sup>25</sup> Рабочий класс в Первой российской революции... С.249

<sup>26</sup> Невский В.И. Советы и вооруженное восстание в 1905 году. М., 1932 С.47.

---

<sup>27</sup> Рабочий класс в Первой российской революции. С.249. Отметим влияние Советов рабочих депутатов на входившее в общественное движение на женское движение: в первый Совет было избрано 25 женщин.

<sup>28</sup> Здесь и далее о мнениях членов комиссии Булыгина см.: РГИА Ф.1276. Д.38. Соображения министра внутренних дел по некоторым вопросам, возникающим при осуществлении высочайших предубаждений, вознесенных в рескрипте 18 февраля 1905 г. Л. 210..

<sup>29</sup> Об этом уже не мало написано; см. Демочкин Н.Н. Указ соч. С.54-58.; Рабочий класс в Первой российской революции... С.251-256 и др. работы

**Л.И. Бородкин**

### **Неформальные социальные практики рабочих в годы «позднего социализма»: к историографии вопроса**

Характер промышленного производства в России претерпел в послевоенные десятилетия значительные изменения, происходившие и в сфере организации производства, и в сфере технологий, и в сфере труда. Структурные изменения промышленного сектора экономики, появление высокопроизводительных гибких технологий, возросший спрос на высококвалифицированный, производительный труд – все эти процессы нередко сталкивались с неготовностью значительной части рабочих советской промышленности переходить на новый порядок работы, связанный с повышением требований к трудовой дисциплине, изменением характера труда, ростом его интенсивности, созданием должного уровня мотивации, необходимостью переобучения. Следует учесть также, что немало рабочих еще и в 50х-60х гг. были горожанами в первом-втором поколении, носителями традиционной (сельской) трудовой этики. Можно говорить о том, что в рабочей среде в годы «позднего социализма» сформировались определенные социальные практики адаптации к изменяющимся условиям труда, снижения возраставших социально-психологических нагрузок (связанных, к тому же, с нерешенностью важных проблем повседневной жизни рабочих – например, жилья). Такие практики испытали драматические изменения в постсоветское время, в годы адаптации рабочих к новым условиям работы, новым отношениям с работодателями. Сталкиваются нарабатанные десятилетиями традиции коллективизма, обычаи «трудовых штурмов» (с последующими периодами «расслабления»), пассивного сопротивления призывам к интенсивному труду («они делают вид, что платят нам, а мы делаем вид, что работаем») - с одной стороны, и новые, порожденные сменой формы собственности предприятий, условиями рыночной экономики, соответствующей системы организации и оплаты труда, снижением роли общественных организаций

---

<sup>1</sup> © Л.И. Бородкин, 2012

- с другой стороны. Адаптируясь к этим условиям, рабочие модифицируют традиционные социальные практики, вырабатывают новые. Отдельный интерес здесь представляют т.н. *неформальные практики*<sup>1</sup>, почти не получившие историографического осмысления. Данная работа частично восполняет этот пробел.

Проблемы трудовых отношений в советской промышленности, включающих и некоторые неформальные практики рабочих, анализировались, например, в ряде работ британского историка Д. Филтцера<sup>2</sup>; те же проблемы, но, включая и процессы периода «перестройки», были рассмотрены комплексно в монографии американского историка В. Коннора<sup>3</sup>. Общий контекст неформальных механизмов в советской экономике и роль неформальных практик в постсоветской экономической жизни получили характеристику в работах ряда авторов, прежде всего – А. Леденевой<sup>4</sup>. В данной работе мы рассматриваем и вопросы типологии таких практик, имеющих в основном экономическое содержание; это практики, направленные на достижение определенных целей в производственном процессе; ориентированные на создание дополнительных условий для отдыха, уменьшения интенсивности труда; обеспечивающие дополнительный (часто «нелегальный») доход рабочих. При этом мы изучаем «низовые» практики, сформировавшиеся в рабочей среде, а не санкционированные «сверху» или навязанные властями.

Не ставя перед собой задачу анализа различных определений понятия «неформальные практики рабочих», отметим, что эти практики возникают за рамками формальных правил, регулирующих производственный процесс и трудовые отношения на предприятии, - в условиях, когда формальные правила не обеспечивают достаточной мотивации труда рабочих, соблюдения ими трудовой дисциплины или при невыполнении обязательств, взятых на себя администрацией предприятий. Нередко эти практики укоренялись с молчаливого согласия администрации. Как отмечает К. Клеман, неформальные практики необязательно незаконны, но они не признаны существующим законодательством. Они проявляются «в щелях» между официальными нормами<sup>5</sup>. Особую роль неформальных отношений в экономике переходного типа, при сломе предшествующей институциональной системы, подчеркивает Н.Н. Седова, отмечающая их стабилизационную роль, обеспечивающую необходимые адаптационные возможности<sup>6</sup>.

Количество исследований о социальных практиках рабочих советских предприятий, опубликованных в работах 60х-80х гг., невелико. Несколько больше работ по этой проблематике было опубликовано в течение последних 20 лет, в основном в связи с трансформацией неформальных социальных практик советских рабочих в процессе их адаптации к изменяющимся условиям производства. Так, серия

актуальных публикаций по данной теме принадлежит А.Л. Темницкому и Г.П. Бессокирной (Ин-т социологии РАН)<sup>7</sup>.

Как отмечает А.Л. Темницкий, в 1990-х гг. тема трудовых взаимоотношений была одной из приоритетных в исследованиях труда. В большинстве из них отмечается преобладание неформальных связей и норм над принципами формально-правовой организации труда на производстве, что отличает Россию от стран Центральной и Восточной Европы и рассматривается как главная причина неудач реформ, помеха не только для развития самих предприятий, но и для становления работника рыночного типа<sup>8</sup>. Другой аспект неформальных практик подчеркивает К. Клеман. "Неформальность", по ее мнению, «является одним из основных двигателей социальных перемен в России и, наверное, во всем мире. Она представляет собой одну из новых форм реструктуризации общества – по логике неформальных межличностных связей, гибкости социальных ролей и статусов, эластичности норм»<sup>9</sup>. Для описания неформальной структуризации общества К. Клеман предлагает использовать такие понятия, как "сетевое общество", "неформальная экономика". Она пытается в рамках этого общего подхода изучить, как рабочие включаются в эти неформальные структуры, каковы основные черты "неформального" пространства жизни рабочих, субъективный и объективный смысл их неформальных практик.

Такое внимание специалистов по проблемам трудовых отношений в постсоветской промышленности к трансформации неформальных практик рабочих в процессе их адаптации к радикально изменившимся в 1990-х гг. условиям производства характеризует актуальность рассматриваемой нами задачи. Как отмечает Н.Н. Седова, в 2000-х гг. возникает интерес «к вопросам о природе, роли и функциях неформальных отношений в советской социально-экономической системе», без чего трудно понять существенные особенности этих отношений в постсоветской экономике<sup>10</sup>. В то же время нельзя не согласиться с высказыванием К. Клеман (2003 г.): «О неформальных практиках рабочих очень мало пишут»<sup>11</sup>, справедливым и сегодня.

\* \* \*

Говоря об изучении практик советского периода, мы имеем в виду прежде всего работу с архивными и другими материалами, характеризующими жизнь рабочих конкретных предприятий. Основные исследовательские подходы для раскрытия данной темы лежат, на наш взгляд, в русле микроистории, реализующей принципы *case studies*<sup>12</sup>.

Результаты такого рода исследований были недавно опубликованы в монографиях сотрудников Центра изучения новейшей истории России Института российской истории РАН<sup>13</sup>. В этих исследованиях рассмотрена повседневная жизнь и мотивация труда рабочих двух крупных московских предприятий (завода «Серп и молот» и Электrozавода). Особый интерес в



этом плане представляет книга А.К. Соколова и А.М. Маркевича, основанная на архивных материалах и охватывающая 120 лет истории завода «Серп и молот» (до революции – Гужоновский завод), вплоть до 2001 г.<sup>14</sup> Учитывая, что от эпохи «позднего социализма» нас отделяют всего 30-40 лет, полезную информацию могут дать и исследования в жанре устной истории.

Можно выделить (достаточно условно) два вектора направленности неформальных практик рабочих, рассматриваемых в публикациях последних 20 лет: «позитивные» и «негативные» практики, имеющие корни в советском периоде. В первом случае речь идет преимущественно о практиках, связанных с различными проявлениями коллективизма, существованием неформальных институтов, включающих нормы солидарности, личной поддержки и т. д., а во втором – о практиках, обычно трактовавшихся как «пережитки прошлого», сохранившихся (или даже получившие развитие) в советской и – нередко – постсоветской промышленности<sup>15</sup>. В данной работе больше внимания уделено «негативным» практикам – в соответствии с тем вниманием, которое уделяли им исследователи неформальных практик рабочих. Чаще всего эти практики были связаны с нарушениями трудовой дисциплины, с обходом формальных правил в структуре трудовых отношений.

Что касается «естественных», не организованных «сверху» проявлений коллективизма в рабочей среде, получивших распространение на предприятиях советской промышленности, то их нелегко отделить от внедрявшихся парткомами инициатив и кампаний, имевших нередко формальный характер. Это характерно и для большинства идеологизированных публикаций советских исследователей. И, тем не менее, можно отметить публикации последних лет, в которых отмечается наличие неформальных коллективистских практик советских рабочих, которые нередко отождествляли свой интерес с интересами своих предприятий, организаций и государства, считали, что «трудовой коллектив – это рабочая семья, живущая общими заботами и радостями»<sup>16</sup>. Так, на материалах Поволжья 1950-1970-х гг. С.Ю. Михайлова показала, что принципы такого «низового» коллективизма включали сплоченность, слаженность, дружную работу, доверие во взаимоотношениях (в сочетании с требовательностью), взаимопомощь, заботу о воспитании подрастающей смены<sup>17</sup> (отнюдь не всегда эта забота реализовывалась через институт наставничества).

Разумеется, неформальные практики рабочих советских предприятий имели различные корни. Так, некоторые практики такого рода были следствием штурмовщины, «застарелой болезни, с которой свыклись»<sup>18</sup>. На заводе «Серп и молот», например, в третьей декаде декабря 1985 г. было выполнено почти 60% месячного плана<sup>19</sup>. Ясно, что выполнение плановых заданий в условиях такой неритмичности производства было

связано с большими нагрузками, сверхурочной работой, проводившейся, как правило, с нарушением норм КЗоТ; это требовало наличия неформальных механизмов в отношениях заводской администрации с рабочими. В свою очередь, рабочие получали в результате определенные послабления в режиме их работы, что порождало ряд неформальных практик (например, получение рабочими отгулов для проведения ремонта квартиры или для помощи родственникам, живущим в деревне).

В долгосрочном плане это приводило к формированию попустительского отношения к нарушениям существовавшего трудового законодательства, заводских правил, регулировавших производственный процесс, что можно рассматривать в качестве одного из элементов социокультурного наследия, которые способствуют сохранению имеющегося разрыва между формальными правилами и неформальными практиками в постсоветской России.

Очевидно, в центре внимания должны быть неформальные практики, связанные с *нарушениями трудовой дисциплины*.

Важной задачей нашего исследования является выявление производственного контекста в понимании характера неформальных практик рабочих. Обсуждение ряда аспектов этого контекста дается в упомянутой книге о жизни рабочих завода «Серп и молот». Как отмечают А.К. Соколов и А.М. Маркевич, работник в последние десятилетия существования советской системы в промышленности сильнее воздействовал на работодателя, чем на Западе, – в силу неравновесия спроса и предложения на рынке рабочей силы (спрос опережал предложение)<sup>20</sup>. Это приводило к снижению роли стимулов к труду, к ослаблению возможностей заводской администрации в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины и небрежением в работе. «Любой руководитель предприятия знал, что если он прибегнет к более решительным мерам воздействия, то рабочие просто уйдут, зачастую с большей выгодой для себя»<sup>21</sup>. При этом, чем острее был дефицит рабочей силы, тем сильнее было потенциальное желание рабочих уволиться. Те, кто не увольнялись, нередко прогуливали, а если не прогуливали, то зачастую манкировали своими обязанностями, воздействуя на других рабочих, вели длительные разговоры в «курилках», «делили на троих» и т.д.<sup>22</sup> На архивных материалах «Серпа и молота» А.К. Соколов и А.М. Маркевич показывают, что к увольнению таких рабочих администрация прибегала в крайнем случае, так как опасалась урезания штатного расписания, сокращения фонда заработной платы и резерва для маневрирования рабочей силой<sup>23</sup>.

В этой связи авторы книги о социалистическом труде, вышедшей в свет в 1984 г. в серии «Реальный социализм: теория и практика», известные экономисты, отмечали, что по данным на начало 1980-х гг. потери рабочего времени в результате прогулов, опозданий и

преждевременных уходов с работы были «пока еще значительны»<sup>24</sup>. Масштаб этих потерь авторы определяли следующим образом: «На многих промышленных предприятиях внутрисменные потери составляют 15-20% рабочего времени. Целодневные потери в расчете на одного рабочего составляют в промышленности страны около 20 дней в году»<sup>25</sup>. К началу 80-х гг. эти проблемы стали всерьез беспокоить руководство страны. Авторы цитируемого здесь труда отмечают: «И совсем не случайна острая постановка проблем дисциплины труда на ноябрьском (1982 г.) и июньском (1983 г.) Пленумах ЦК КПСС»<sup>26</sup>. Рассматривая методы формирования социалистической дисциплины труда, авторы подчеркивают, что разъяснение, убеждение должно сопровождать, но не быть основой воспитания дисциплины. Такой основой, по их убеждению, является *«установленный порядок, отраженный в системе требований к работнику, неукоснительное соблюдение которого должно обеспечиваться системой соответствующих мер»*<sup>27</sup>. Не удивительно, что авторы в этой связи обращаются к работам Ленина, который, говоря о формировании социалистического отношения к труду, подчеркивал, что «без принуждения такая задача совершенно невыполнима»<sup>28</sup>. На советские суды, – писал Ленин, – «ложится громадная задача воспитания населения к трудовой дисциплине»<sup>29</sup>. Трудовая политика первых лет Советской власти становится востребованной (но уже без особых шансов на реализацию) в период «позднего социализма».

Значительное внимание в деле укрепления трудовой дисциплины, расшатанной, в частности, неформальными отношениями на производстве, уделялось в 60-х – 80-х гг. сокращению применения ручного труда, техническому перевооружению производства. Однако, по данным ЦСУ, доля ручного труда к концу 1970-х гг. оставалась всё еще весьма высокой – 40,1% в промышленности и 57,5% - в строительстве<sup>30</sup>. При этом численность промышленных рабочих, занятых ручным трудом, не уменьшилась за 15 лет (1965-1979 гг.)<sup>31</sup>. Низкую производительность ручного труда авторы книги «Общественная форма труда при социализме» связывают не только с его низкой технической оснащённостью, но и со снижением уровня дисциплины, мотивации работы на предприятии с устаревшими технико-организационными условиями, хотя уровень профессиональной подготовки рабочего нередко отвечал требованиям современного производства<sup>32</sup>.

Как следует из материалов социологических обследований, наибольшее число нарушений трудовой дисциплины приходилось на первую и третью декады месяца, что определялось «штурмовщиной», жесткими требованиями к выполнению плана. При этом если для третьей декады характерными были такие проявления, как брак, нарушения правил техники безопасности, технологии производства, то в первой декаде отмечались, прежде всего, прогулы и опоздания, преждевременные уходы

с работы. Многие факты нарушения дисциплины труда были связаны с серьезными недостатками в организации заработной платы, например, с уравниловкой. Из-за нарушения ритмичности работы, простоев руководители шли на приписки, «выравнивание» заработной платы до средней величины; в результате молодым рабочим нередко платили заметно меньше, чем рабочим с большим стажем. Поэтому молодые производственники нередко стремились перейти на другие предприятия<sup>33</sup>.

Что касается системы профессионального обучения, то ей придавалось большое значение, но «узким местом» здесь было число желающих приобрести те или иные профессиональные навыки<sup>34</sup>. Как отмечают А.К. Соколов и А.М. Маркевич, гораздо существеннее был общественный престиж и другие нематериальные стимулы и соображения, например, личность руководителя, взаимоотношения в коллективе. Конечно, было немало таких рабочих, которые трудились по привычке, в силу долга, удовлетворяясь тем, что имели, но в 60-х – 80-х гг. эти побуждения к труду утрачивали свое значение<sup>35</sup>. Анализ материалов о положении дел на заводе «Серп и молот» позволил авторам прийти к выводу, что даже низкая заработная плата погашалась надеждой быстро получить квартиру. В этих условиях постепенно утрачивали значение плановое распределение работников, общественные призывы, апелляция к производственной активности по политическим и моральным побуждениям, принудительное распределение и закрепление работников<sup>36</sup>. Представляет интерес вывод авторов о том, что углубление «потребительской революции» в стране стало именно той благодатной почвой, где формировались новые представления о труде, хотя их развитие не совпадало с официальными установками о развитии трудовых отношений. Дефицит товаров и услуг с неизбежностью вел к расширению «теневой» экономики. Люди чаще использовали слово «достал», чем «купил», «приобрел». Снижение уровня мотивации по основному месту работы приводило к появлению соответствующих неформальных практик - расширению различных форм «нелегального» совмещения: использованию рабочего времени для личных нужд (часто путем негласного соглашения с администрацией, а также хитрости или обмана), оказанию ремонтных или иных услуг на стороне («халтурка»), использованию заводского оборудования, сырья и материалов для своих целей, мелким хищениям и т.п. Как видно на примере «Серпа и молота», коллективные (бригадные) формы дополнительных заработков часто были сопряжены с пьянкой – пропиванием заработанного<sup>37</sup>. Развивавшиеся в этих обстоятельствах неформальные практики рабочих частично были унаследованы (с определенной трансформацией) в постсоветском периоде.

Архивы крупных советских предприятий содержат немало сведений о проблемах с трудовой дисциплиной, сопряженных с неформальными практиками рабочих. Интересный материал такого рода представлен в

недавней книге об истории Волжского автомобильного завода<sup>38</sup>. АвтоВАЗ – одно из крупнейших промышленных предприятий СССР. В 1981 г. общее число работников было 112 тыс., из них промышленно-производственный персонал (ППП) составлял 88 тыс. человек (77%). Значительное внимание авторы книги уделяют потерям времени и прогулам, часто покрываемым администрацией (так, в 1976 г. неявки с разрешения администрации ВАЗа составили более 136 тыс. случаев)<sup>39</sup>. Большинство зарегистрированных прогулов относятся к категории «по пьянке», зачастую связанной с традиционной практикой «обмывания полочки». Так, число доставленных в медвытрезвитель рабочих завода, т.е. официально пойманных пьяниц, только по пяти производствам ВАЗа (включая металлургическое и прессовое), в 1977 г. составило 1880 чел., а в 1978 г. – 2478<sup>40</sup>.

Растущее неблагополучие сказывалось и в расширении другой неформальной практики, связанной с мелкими хищениями на производстве, на складах запасных частей. По итогам 1972 г. было задержано 2548 работников ВАЗа с похищенными и изъятыми материальными ценностями на сумму 81 тыс. руб.; органами БХСС было возбуждено 90 уголовных дел с привлечением 137 человек к уголовной ответственности. Иногда на проходных завода возникали острые конфликтные ситуации, и бдительные охранники, одержавшие победу в потасовках, поощрялись администрацией<sup>41</sup>.

В 1975 г. руководством было принято специальное решение о борьбе с хищениями, однако, как указывалось в приказе Минавтопрома, положение оставалось крайне неудовлетворительным. В этой связи намечалось поэтапно внедрить охранную сигнализацию и механические кабины с металлоискателями в проходных завода, а железнодорожные и автотранспортные ворота оборудовать смотровыми ямами, механическими устройствами и т.п.<sup>42</sup> Эти хищения заставляли корректировать «сверх меры» план выпуска комплектующих и запчастей. В большинстве случаев пойманные с мелкими хищениями рабочие представляли перед товарищескими судами. Анализ материалов заседаний этих судов выявляет их невысокую эффективность. Обычно они строились по одному сценарию. Типичный пример дает протокол заседания товарищеского суда сборочно-кузовного производства ВАЗ от 17.10.1974:

Рабочий И. был задержан на проходной с амортизаторами. Говорил, что «нашел» их и решил вынести, хотя машины у него не было. В выступлениях на товарищеском суде отмечалось, что И. – работник хороший, дисциплинированный, но вот, мол, оступился. Похищенные амортизаторы хотел продать, потому что в семье тяжелое материальное положение: жена в декретном отпуске. К тому же был «выпивши». Обещал не делать этого впредь. Высказывались предложения отодвинуть И. в очереди на квартиру или в детсад на 1 год. Был наложен штраф в 30 рублей<sup>43</sup>.

Другой пример:

На заседании товарищеского суда 27.11.1975. предстал рабочий Ш., 26 лет, задержанный на проходной. Под одеждой у него были найдены крышка распределителя зажигания, указатели бокового поворота и стеклоподъемник. Кроме того, в гардеробе был найден звуковой сигнал от ВАЗ-2103. Было предложено наказать Ш. строго и предупредить, что если такое повторится, он будет уволен. Мастер участка говорил о том, что Ш. нарушил честь бригады и участка, хотя случаи хищений в коллективе нередки. Председатель профкома цеха говорил о том, что Ш. надо бы уволить, но жена у него не работает, и семья останется без средств. Ограничились штрафом в 30 руб.<sup>44</sup>

Очевидно, такой подход к рассмотрению дел о хищениях не давал ощутимых результатов, и количество «несунов» продолжало расти. Интересно, что в хищениях принимали участие не только работники завода. Авторы книги отмечают, что к 1980 г. участились случаи потери пропусков. Оказывается, работники завода зачастую продавали свои пропуска посторонним лицам за 150-200 руб., заявляя при этом, что пропуска они потеряли. На деле же с помощью этих пропусков «жулики проникали на завод и занимались преступлениями». В результате с 1980 г. был введен порядок, когда за потерю пропуска работники лишались «тринадцатой зарплаты»<sup>45</sup>.

Интерес представляет также и другой источник сведений о неформальных практиках на производстве – это документация партийных органов различного уровня. Обратимся для примера к «Особой папке» Татарского обкома КПСС. Один из характерных документов (с указанием: «Строго секретно») зарегистрирован как «Постановление Бюро Обкома. Протокол №34 § 4 от 11 XI 1960 г. «О групповом отравлении метиловым спиртом на химическом заводе имени Куйбышева»<sup>46</sup>. В этом документе речь идет о том, что 31 октября 1960 года на химическом заводе им. Куйбышева (г. Казань) произошел случай группового отравления рабочих.

«Из 17 человек пострадавших – 5 человек умерли. Проверкой установлено, что отравление наступило в результате распития спирта с примесью метанола, допущенного группой рабочих в цехе №8 в рабочее время... Факт распития спирта на заводе не является единичным и случайным. За 10 месяцев 1960 года имели место 79 случаев задержания работников при выходе из завода в нетрезвом состоянии. ... Заводской комитет профсоюза вместо усиления воспитательной работы в цехах, улучшения деятельности товарищеского суда и создания здорового общественного мнения вокруг нарушителей трудовой дисциплины, встал на путь огульной необоснованной их защиты. Из 79 случаев задержания рабочих в нетрезвом состоянии товарищеский суд рассмотрел только 6. На собрании обсужден только один случай. В отношении остальных нарушителей рассмотрение ограничивалось лишь шаблонными приказами администрации завода, не имеющими необходимого воспитательного значения».

Постановление Бюро обкома содержит целый ряд пунктов, направленных к «принятию немедленных мер к наведению строжайшего порядка на заводе, полностью исключая факты распития спирта и

другие злостные нарушения трудовой дисциплины»<sup>47</sup>. Среди этих мер: «Выносить каждый случай нарушения дисциплины на обсуждение широкой общественности. Создать в коллективе завода атмосферу нетерпимости к расхитителям, пьяницам и нарушителям трудовой дисциплины»<sup>48</sup> и т.д.

Подобных случаев было немало на предприятиях советской промышленности. Однако все предлагавшиеся меры не приносили заметного эффекта. Сложившиеся неформальные практики рабочих, связанные с нарушениями трудовой дисциплины, выявляли «узкие места» в системе трудовой мотивации, принципах оплаты труда, структуре отношений рабочих и администрации предприятий.

Процессы перехода России в начале 1990-х гг. к рыночной экономике, изменение форм собственности и системы управления для большинства российских предприятий не могли не затронуть рабочих, их интересы и социальные практики. Трансформация этих практик в условиях постсоветской промышленности исследовалась в ходе социологических обследований предприятий в 1990-х гг.

---

<sup>1</sup> О специфике этого понятия применительно к сфере производства см., например: Алашеев С.Ю. Неформальные отношения в процессах производства: взгляд изнутри // Социологические исследования. 1995. №2; Клеман К. Неформальные практики российских рабочих и человеческая «пластичность» // Социологические исследования, 2003. № 5. с.62-72.

<sup>2</sup> Filtzer, Donald. Soviet workers and de-Stalinization. The consolidation of the modern system of Soviet production relations, 1953-1964 (Cambridge, 1992); Filtzer, Donald A. Soviet workers and the collapse of perestroika: the Soviet labour process and Gorbachev's reform, 1985-1991 (Cambridge, 1994); Filtzer, Donald A. Soviet Workers and Late Stalinism (Cambridge, 2002).

<sup>3</sup> Connor W.D. The Accidental Proletariat: Workers, Politics, and Crisis in Gorbachev's Russia. Princeton University Press, New Jersey, 1991.

<sup>4</sup> Ledeneva, Alena V. Russia's economy of favours : blat, networking, and informal exchange, Cambridge Russian, Soviet and post-Soviet studies (Cambridge, UK ; New York, NY, USA, 1998); Ledeneva, Alena V. How Russia really works : the informal practices that shaped post-Soviet politics and business, Culture and society after socialism (Ithaca, 2006). См. также: Седова Н.Н. Неформальная экономика в теории и российской практике // Общественные науки и современность. 2002, №3.

<sup>5</sup> Клеман К. Указ. соч. С. 67.

<sup>6</sup> Седова Н.Н. Указ. соч. С. 56. См. также: Капелюшников Р. Где начало того конца?.. // Вопросы экономики. 2001, №1.

<sup>7</sup> Темницкий А.Л. Отношение к труду молодых рабочих промышленных предприятий в советский и постсоветский периоды // Социологический журнал. 2003. №4; Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Сопоставление статистик отношения к труду советских рабочих в 60-70-е годы и российских в 90-е (по данным пяти исследований) // Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Человек и его работа в СССР и после. М.: Аспект Пресс, 2003.

<sup>8</sup> Темницкий А.Л. Указ. соч. С.57.

- 
- <sup>9</sup> Клеман К. Указ. соч. С.62.
- <sup>10</sup> Седова Н.Н. Указ. соч. С 53.
- <sup>11</sup> Там же.
- <sup>12</sup> Характеристика возможностей этого подхода применительно к задачам анализа трансформации социальных практик на постсоветских предприятиях дается в книге: Предприятие и Рынок: динамика управления и трудовых отношений в переходный период (Опыт монографических исследований 1989-1995 гг.) / Под ред. В.И. Кабалиной. М.: РОССПЭН, 1997.
- <sup>13</sup> Маркевич А.М., Соколов А.К. «Магнитка близ Садового кольца: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883-2001 гг. М.: РОССПЭН, 2005; Журавлев С.В., Мухин М.Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928-1938. М.: РОССПЭН, 2004.
- <sup>14</sup> Маркевич А.М., Соколов А.К. Указ. соч.
- <sup>15</sup> Часть из них, возникли, однако, в советское время.
- <sup>16</sup> Михайлова С.Ю. Труд рабочей молодежи в промышленности Марийской, Мордовской и Чувашской республик: исторические уроки, социальный опыт середины 1950-х – середины 1980-х гг.: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. докт. ист. наук. Чебоксары, 2007. С.35.
- <sup>17</sup> Там же.
- <sup>18</sup> Маркевич А.М., Соколов А.К. Указ. соч.. С.225.
- <sup>19</sup> Там же. С.224.
- <sup>20</sup> Там же. С.342.
- <sup>21</sup> Там же.
- <sup>22</sup> Там же.
- <sup>23</sup> Там же.
- <sup>24</sup> Общественная форма труда при социализме / Под ред. А.Д. Смирнова и К. Сабо. М., «Экономика», 1984. С.194-195.
- <sup>25</sup> Там же. С.195.
- <sup>26</sup> Там же.
- <sup>27</sup> Там же. С.196.
- <sup>28</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С 163.
- <sup>29</sup> Там же.
- <sup>30</sup> Общественная форма труда при социализме. С.195.
- <sup>31</sup> Там же. С.251.
- <sup>32</sup> Там же. С.195-196.
- <sup>33</sup> Михайлова С.Ю. Рабочая молодежь и индустриальное развитие республик Волго-Вятского региона: исторический опыт 1970 – 1985 гг. М.: ИНИОН РАН, 2005.
- <sup>34</sup> Маркевич А.М., Соколов А.К. Указ. соч. С.342.
- <sup>35</sup> Там же.
- <sup>36</sup> Там же.
- <sup>37</sup> Там же. С.342-343.
- <sup>38</sup> Журавлев С.В., Зезина М.Р., Пихоя Р.Г., Соколов А.К. Автоваз: между прошлым и будущим. История Волжского автомобильного завода. 1966-2005. М., 2006.
- <sup>39</sup> Там же. С.143.
- <sup>40</sup> Там же.
- <sup>41</sup> Там же. С.144.
- <sup>42</sup> Там же.
- <sup>43</sup> Там же. С.145.
- <sup>44</sup> Там же.



---

<sup>45</sup> Там же.

<sup>46</sup> ЦХИДНИТ. Ф.15. Оп.9. Д.19. Л.32-35.2.

<sup>47</sup> Там же.

<sup>48</sup> Там же.

**И.В. Шильникова**

**Региональные особенности трудовых конфликтов в российской промышленности в конце XIX – начале XX в.: анализ статистических данных**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке экономического факультета НИУ ВШЭ.*

В последнее время для изучения трудовых конфликтов в России конца XIX – начала XX вв. появилось много новых возможностей, в т.ч. с точки зрения применения новых методов и технологий сбора, изучения и хранения информации. Возможно, это стало одним из факторов, способствовавших возрастанию интереса отечественных исследователей к данной теме<sup>1</sup>. Наше исследование ориентировано на анализ региональной специфики трудовых конфликтов (прежде всего, их экономических аспектов) на промышленных предприятиях России в 1895–1904 гг. - десятилетия, предшествовавшего первой русской революции и определившего в значительной степени историю страны в XX столетии. Источником данных является издание «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника» (Вып. I – X. М.-СПб., 1992 – 2008 гг.), на основе которого была создана реляционная БД «Трудовые конфликты в Российской империи: предреволюционное десятилетие (1895-1904)»<sup>2</sup>. Поэтому данное исследование базируется на микроданных (т.е. данных о каждом конфликте). Одним из существенных преимуществ этого является возможность выявлять взаимосвязи и сопряженности между различными характеристиками трудовых конфликтов, что невозможно при использовании агрегированных данных, служивших основой большинства исследований в предшествующие годы. В данной статье рассматриваются региональные особенности трудовых конфликтов в российской промышленности в 1895-1904 гг. на материале трех промышленных районов – Центрального промышленного района (ЦПР), Урала и Юга России - отдельно для двух пятилетий: 1895-1899 гг. – период экономического подъема, 1900-1904 гг. – годы депрессии.

Таблица 1 показывает динамику количества и процентной доли различных типов трудовых конфликтов в рамках рассматриваемого

---

<sup>1</sup> © И.В. Шильникова, 2012

десятилетия. Очевидно, что стачки на отдельных предприятиях на протяжении 1895 – 1904 гг. являлись основной формой трудовых конфликтов в российской промышленности (61,2% за весь рассматриваемый период, а в начале его – почти 2/3 – 74,9% в 1895 г.). И далее мы будем рассматривать именно их. Такие формы трудовых конфликтов как волнения, предъявления требований, подача прошений и жалоб занимали не слишком заметное место, тем более что к концу рассматриваемого периода их значение и доля еще более снижаются по сравнению с серединой 1890-х гг.

**Таблица 1. Количество различных типов трудовых конфликтов в промышленности России за год. 1895-1904 гг.**

Год	Стачки на отдельных предпр-ях		Волнения		Предъявление требований		Подача жалоб и прошений <sup>3</sup>		Коллективные стачки <sup>4</sup>		Др. формы трудовых конфликтов и рабочих выступлений		Всего	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
<b>1895</b>	265	74,9	24	6,8	26	7,3	18	5,1	12	3,4	9	2,5	354	100
<b>1896</b>	280	70,0	58	14,5	22	5,5	7	1,8	11	2,8	22	5,5	400	100
<b>1897</b>	445	66,5	90	13,5	28	4,2	5	0,7	66	9,9	35	5,2	669	100
<b>1898</b>	441	68,5	105	16,3	22	3,4	3	0,5	46	7,1	27	4,2	644	100
<b>1899</b>	552	70,1	85	10,8	17	2,2	4	0,5	55	7,0	75	9,5	788	100
<b>1900</b>	382	60,8	62	9,9	17	2,7	4	0,6	80	12,7	83	13,2	628	100
<b>1901</b>	510	61,4	110	13,3	2	0,2	16	1,9	91	11,0	101	12,2	830	100
<b>1902</b>	443	58,4	100	13,2	5	0,7	7	0,9	103	13,6	100	13,2	758	100
<b>1903</b>	1083	58,7	130	7,0	30	1,6	3	0,2	318	17,2	282	15,3	1846	100
<b>1904</b>	356	41,8	41	4,8	23	2,7	0	0,0	145	17,0	287	33,7	852	100
<b>Всего</b>	<b>4757</b>	<b>61,2</b>	<b>805</b>	<b>10,4</b>	<b>192</b>	<b>2,5</b>	<b>67</b>	<b>0,9</b>	<b>927</b>	<b>11,9</b>	<b>1021</b>	<b>13,1</b>	<b>7769</b>	<b>100</b>

Теперь перейдем к рассмотрению региональной специфики трудовых конфликтов в 1895-1904 гг. на примере трех обозначенных выше промышленных районов – ЦПР, Урал, Юг. Таблица 2 содержит данные о количестве и процентной доле стачек на отдельных предприятиях в указанных регионах.

**Таблица 2. Стачки на отдельных предприятиях в различных регионах (количество и доля от общего количества стачек). 1895-1904 гг.**

Регионы	1895-1899		1900-1904		1895-1904	
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
<b>ЦПР</b>	366	18,5	365	13,2	731	15,4
<b>Юг</b>	141	7,1	445	16,0	586	12,3
<b>Урал</b>	54	2,7	101	3,6	155	3,3

Первое, что стоит отметить, это практически одинаковое количество стачек в ЦПР на двух рассматриваемых пятилетиях. Но при этом доля стачек, происшедших на предприятиях данного региона, снижается с 18,5% в 1895-1899 гг. до 13,2% в 1900-1904 гг. Это объясняется ростом активности рабочих других регионов в отстаивании своих интересов. Так, количество стачек на предприятиях Юга России на втором этапе увеличилось почти в 3,2 раза (по данному показателю этот промышленный

район опередил ЦПР), а их доля более, чем в 2 раза. Рост числа и доли стачек, хотя и менее заметный, демонстрирует и Урал.

Таблицы 3 и 4 позволяют получить представление об основных характеристиках стачек в различных регионах: наличие агитационного и организационного элемента, действия рабочих, а также фабричной администрации и местных властей в ходе конфликта.

**Таблица 3. Характеристики стачек на отдельных предприятиях в различных регионах (в % от общего количества стачек в регионе). 1895-1904 гг.**

Регионы	Вызов войск/ полиции	Агрессивные действия рабочих	Агитация	Участие фабричного инспектора	Участие всех рабочих предприятия	Локаут или увольнение части рабочих
ЦПР	19,6	6,8	15,9	30,8	25,0	21,3
Юг	17,6	5,8	9,0	7,2	34,8	8,5
Урал	9,7	7,1	10,3	3,9	18,7	5,2

**Таблица 4. Характеристики стачек на отдельных предприятиях в различных регионах (в % от общего количества стачек в регионе): сравнение на различных этапах делового цикла 1895-1899 гг. и 1900-1904 гг.**

Регионы	Вызов войск/ полиции		Агрессивные действия рабочих		Агитация		Участие фабричного инспектора		Участие всех рабочих предприятия		Локаут или увольнение части рабочих	
	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904
ЦПР	24,0	15,1	6,6	7,1	19,7	12,1	37,7	23,8	19,4	30,7	25,0	18,1
Юг	24,8	15,3	9,2	4,7	15,6	7,0	19,1	3,4	24,1	38,2	9,9	8,1
Урал	16,7	5,9	9,3	5,9	13,0	8,9	5,6	3,0	9,3	23,8	7,4	4,0

Присутствие агитационного элемента накануне или в ходе стачки, так или иначе, оказывало влияние на протекание трудового конфликта. Говоря об агитации, мы имеем в виду не только деятельность политических партий и организаций, но также и действия стачечных комитетов, «инициативных групп» и отдельных агитаторов. В рамках всего предреволюционного десятилетия наиболее значительна доля стачек с этим признаком в Центральном промышленном районе (15,9%). Однако отметим, что общей для всех трех регионов является тенденция к снижению доли этого типа стачек во втором периоде – в годы депрессии (1900-1904 гг.).

Значительная доля стачек во всех трех регионах проходила в условиях, когда работа останавливалась на всем предприятии, и участниками конфликта становились все рабочие. Самый высокий показатель здесь наблюдаем в Южном районе, причем как в период экономического подъема, так и в годы депрессии. Показательно, что доля таких конфликтов во втором из рассматриваемых пятилетий существенно возрастает. Возможно, столь высокий процент в данном случае объясняется не только хорошим уровнем организации и активности

промышленных рабочих, но и тем обстоятельством, что нередко остановка одних отделов или цехов неизбежно приводила к остановке всего производства.

Обратимся к такому показателю как «агрессивные действия рабочих», под которыми понимаются: порча (биение окон, поджог, порча оборудования и т.п.) или кража (продуктов питания, алкоголя, материалов) казенного или частного имущества; избиение, ранение, выдворение за территорию предприятия, убийство представителей фабричной администрации и местных властей; избиение, недопущение к работе штрейхбрекеров и рабочих, не присоединившихся к стачке, насильственное снятие с работ рабочих других отделов. Доля таких стачек сравнительно невелика. И если в ЦПР она чуть увеличивается в начале XX века, то на Юге и на Урале она заметно снижается. Интересно, что доля стачек, в ход которых вмешивались войска/полиция для всех трех регионов, выше, чем доля стачек, отмеченных агрессивными действиями рабочих. Это означает, что войска и полиция нередко вызывались для предупреждения развития конфликта, подавления его на ранней стадии.

Помимо рассмотренных выше характеристик трудовых конфликтов, большое значение имел и характер выдвигавшихся рабочими требований. Поэтому необходимо выявить, какие группы требований выдвигались чаще остальных. Сделаем это для всего рассматриваемого десятилетия, а также отдельно для периода экономического подъема 1895-1899 гг. и депрессии 1900-1904 гг. (Таблицы 5 и 6).

**Таблица 5. Сравнение стачек на отдельных предприятиях в различных регионах (в % от общего количества стачек в регионе): характер выдвигавшихся требований. 1895-1904 гг.**

Регионы	Заработная плата	Рабочий день	Условия труда	Условия быта	Взаимоотношения с фабричной адм-цией	Штрафы
ЦПР	61,0	21,5	9,8	11,8	16,7	6,4
Юг	56,0	33,1	9,0	5,5	15,7	6,3
Урал	51,6	21,3	11,0	5,8	17,4	1,3

**Таблица 6. Сравнение стачек на отдельных предприятиях в различных регионах на двух этапах делового цикла 1895-1899 гг. и 1900-1904 гг. (в % от общего количества стачек в регионе): характер выдвигавшихся требований.**

Регионы	Заработная плата		Рабочий день		Условия труда		Условия быта		Взаимоотношения с фабричной адм-цией		Штрафы	
	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904
ЦПР	60,9	61,1	21,0	21,9	5,2	14,5	8,5	15,1	15,8	17,5	6,3	6,6
Юг	50,4	57,8	14,9	38,9	9,9	8,8	6,4	5,2	15,6	15,7	6,4	6,3
Урал	55,6	49,5	14,8	24,8	7,4	12,9	5,6	5,9	16,7	17,8	0,0	2,0

Данные Таблицы 5 наглядно показывают, что требование повышения/не снижения заработной платы или расценок являлось основным для рабочих всех трех рассматриваемых промышленных районов. Причем, доля таких стачек в ЦПР и на Юге превышала общероссийский показатель, составлявший 52,3%. Таблица 6 позволяет сделать вывод, что стремление рабочих добиться повышения оплаты труда в целом не ослабевает в период экономической депрессии. Логично было бы ожидать, что в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры, рабочие будут с меньшей настойчивостью и большей осторожностью требовать улучшения своего материального положения из опасения потерять место на предприятии. Однако такого не происходит. Вторым по частоте заявления было требование урегулировать длительность и распорядок рабочего времени. Причем, на Юге и на Урале доля этой группы стачек заметно увеличивается в период депрессии (1900-1904 гг.). Один из очевидных и важных выводов, к которому позволяют прийти данные Таблицы 6: в ЦПР заметно растет доля стачек, в ходе которых участники выдвигают требования улучшений условий труда (вопросы качества и бесперебойного поступления сырья, обновления оборудования, выдачи рабочей одежды и инструментов, а также введения или увеличения социальных выплат, например, по болезни, беременности, старости) и быта (обеспечение продуктами и жилыми помещениями, создание образовательных и медицинских учреждений и др.).

Рассмотренные выше факторы (обстоятельства протекания стачки и выдвигающиеся требования) могли существенно влиять на конечный результат конфликта.

**Таблица 7. Сравнение результатов стачек на отдельных предприятиях в различных регионах (в % от общего количества стачек в регионе). 1895-1904 гг.**

Регионы	Стачки, в которых требования рабочих удовлетворены не были	Стачки, в которых требования удовлетворены полностью или частично
ЦПР	32,4	45,8
Юг	21,0	34,1
Урал	23,9	40,6

**Таблица 8. Сравнение результатов стачек на отдельных предприятиях в различных регионах на двух этапах делового цикла 1895-1899 гг. и 1900-1904 гг. (в % от общего количества стачек в регионе).**

Регионы	Стачки, в которых требования рабочих удовлетворены не были		Стачки, в которых требования удовлетворены полностью или частично	
	1895-1899	1900-1904	1895-1899	1900-1904
ЦПР	32,2	32,6	45,9	45,8
Юг	14,2	23,1	48,9	29,4
Урал	24,1	23,8	33,3	44,6

\* \* \*

Попробуем определить, в какой степени на успешный исход стачки (когда выдвинутые рабочими требования удовлетворялись полностью или частично) влияли такие факторы как: 1) участие в конфликте всех рабочих данного предприятия; 2) вызов войск, казаков, полиции для «урегулирования» конфликта; 3) вмешательство в ход стачки фабричного инспектора; 4) активные, и даже агрессивные, действия рабочих (порча/кража фабричного имущества, избиение, и даже убийство, представителей фабричной администрации и властей и др.); 5) наличие агитационного элемента в ходе конфликта; 6) выдвижение рабочими требований, связанных с оплатой труда (размеры заработка, своевременность его выплаты и др.); 7) выдвижение участниками конфликта требований, связанных с длительностью и распорядком рабочего дня. Рассматривается данный вопрос на основе данных о трудовых конфликтах на предприятиях ЦПР за все десять лет (1895-1904 гг.), а затем отдельно для двух хронологических отрезков, представляющих собой разные фазы делового цикла: 1895-1899 гг. – промышленный подъем, 1900-1904 гг. – депрессия.

**Таблица 9. Матрица корреляций показателей стачечной динамики в ЦПР, 1895-1904 гг.**

Variable	Correlations (1895_1904_CIR)							
	Marked correlations are significant at $p < ,05000$ N=38 (Casewise deletion of missing data)							
	Требов. удовл.	Участие всех рабочих	Вызов войск/ полиции	Фабрич. инсп-р	Агресс. действ. раб.	Агитация	Требов. з/п	Требов. р/д
Требов.удовл.	1,00	0,16	0,28	0,03	-0,14	-0,17	-0,12	<b>0,54</b>
Участие всех раб.	0,16	1,00	0,13	-0,13	-0,18	-0,17	-0,00	0,02
Вызов войск/полиц	0,28	0,13	1,00	0,02	0,27	0,20	-0,15	0,05
Фабрич. инсп-р	0,03	-0,13	0,02	1,00	0,18	0,27	0,08	0,14
Агресс. действ. раб.	-0,14	-0,18	0,27	0,18	1,00	0,19	-0,24	0,13
Агитация	-0,17	-0,17	0,20	0,27	0,19	1,00	-0,15	-0,07
Требов. з/п	-0,12	-0,00	-0,15	0,08	-0,24	-0,15	1,00	-0,21
Требов. р/д	<b>0,54</b>	0,02	0,05	0,14	0,13	-0,07	-0,21	1,00

Как следует из Таблицы 9, результативные стачки в ЦПР в 1895-1904 гг. незначительно связаны с большинством учтенных факторов, о чем свидетельствует сравнительно небольшой коэффициент корреляции. Получается, что в большей степени положительный исход конфликта зависел от характера выдвигавшихся требований, в частности требования урегулировать вопросы длительности и распорядка рабочего дня ( $r = 0,54$ ).

Поскольку выше у нас была возможность убедиться в том, что на разных этапах делового цикла характеристики трудовых конфликтов могут более или менее существенно различаться, то необходимо посмотреть, какова взаимосвязь результата стачек с другими факторами отдельно для 1895-1899 гг. и 1900-1904 гг.

Сначала обратимся к более раннему периоду.

**Таблица 10. Матрица корреляций показателей стачечной динамики в ЦПР, 1895-1899 гг.**

Correlations (1895_1899_CIR)								
Marked correlations are significant at $p < ,05000$								
N=19 (Casewise deletion of missing data)								
Variable	Требов. удовл.	Участие всех рабочих	Вызов войск/ полиции	Фабрич. инсп-р	Агресс. действ. раб.	Агитация	Требов. з/п	Требов. р/д
Требов.удовл.	1,00	-0,04	0,44	0,15	0,09	-0,26	-0,50	0,46
Участие всех раб.	-0,04	1,00	0,61	-0,38	-0,27	0,16	-0,09	-0,59
Вызов войск/полиц	0,44	0,61	1,00	-0,06	-0,06	0,27	-0,38	-0,12
Фабрич. инсп-р	0,15	-0,38	-0,06	1,00	0,13	0,01	0,23	0,47
Агресс.действ.раб.	0,09	-0,27	-0,06	0,13	1,00	0,03	-0,21	0,29
Агитация	-0,26	0,16	0,27	0,01	0,03	1,00	0,11	-0,02
Требов. з/п	-0,50	-0,09	-0,38	0,23	-0,21	0,11	1,00	-0,10
Требов. р/д	0,46	-0,59	-0,12	0,47	0,29	-0,02	-0,10	1,00

Таблица 10 показывает достаточно сильную ( $r = -0,50$ ) обратную связь между положительным для рабочих исходом стачки и заявлением требований, связанных с оплатой труда. Также очевидно, что успешные стачки на предприятиях ЦПР в 1895-1899 гг. были в значительной степени связаны с долей стачек, где выдвигались требования урегулирования вопросов длительности и распорядка рабочего дня ( $r = 0,46$ ), и с долей стачек с вызовом войск/полиции ( $r = 0,44$ ). Отметим, оба эти фактора имеют высокую корреляцию с долей стачек, в которые участвовали все рабочие предприятия.

Теперь обратимся ко второму из рассматриваемых нами периодов (1900-1904 гг.), характеризующемуся депрессией во многих отраслях промышленности.

**Таблица 11. Матрица корреляций показателей стачечной динамики в ЦПР, 1900-1904 гг.**

Correlations (1900_1904_CIR)								
Marked correlations are significant at $p < ,05000$								
N=19 (Casewise deletion of missing data)								
Variable	Требов. удовл.	Участие всех рабочих	Вызов войск/ полиции	Фабрич. инсп-р	Агресс. действ. раб.	Агитация	Треб. з/п	Треб. р/д
Требов. удовл.	1,00	0,22	0,22	-0,03	-0,26	-0,14	0,00	0,66
Участие всех раб.	0,22	1,00	-0,13	0,02	-0,13	-0,41	0,03	0,48
Вызов войск/ полиц	0,22	-0,13	1,00	0,10	0,54	0,12	-0,03	0,23
Фабрич. инсп-р	-0,03	0,02	0,10	1,00	0,23	0,56	-0,01	-0,26
Агресс.действ.раб.	-0,26	-0,13	0,54	0,23	1,00	0,36	-0,26	-0,04
Агитация	-0,14	-0,41	0,12	0,56	0,36	1,00	-0,34	-0,13
Требов. з/п	0,00	0,03	-0,03	-0,01	-0,26	-0,34	1,00	-0,31
Требов. р/д	0,66	0,48	0,23	-0,26	-0,04	-0,13	-0,31	1,00

Как видим, в 1900-1904 гг. ситуация несколько меняется по сравнению с периодом экономического подъема второй половины 1890-х гг. Зависимость успешного исхода стачки усиливается от такого фактора как заявление требований, связанных с длительностью и распорядком рабочего дня ( $r = 0,66$ ), и в то же время такой фактор как предъявление требований урегулировать вопросы оплаты труда перестает влиять на исход конфликта ( $r = 0,0$ ). Одинаковыми (и небольшими по величине)

коэффициентами корреляции характеризуется связь результативности стачек с вмешательством воинских команд/полиции, а также с вовлеченностью в конфликт всех рабочих предприятия. Кроме того, в отличие от периода 1895-1899 гг. заметно отрицательное влияние на успешность стачки агрессивных действий рабочих во время конфликта ( $r = -0,26$ ).

Сделанные здесь наблюдения о характере корреляционных связей различных показателей стачечного движения в ЦПР позволяют перейти к регрессионному анализу, на основе которого можно судить о том, какова роль рассмотренных факторов в объяснении вариации процента стачек, завершившихся победой рабочих, а также об уровне статистической значимости этих факторов. Будем отбирать те модели, в которых отобранные факторы являются статистически значимыми на уровне  $p < 0,05$ .

Исходя из этого, для всего десятилетия (1895-1904 гг.) следует рассмотреть гипотезу о статистической значимости и силе влияния на результаты стачек такого факторного признака как выдвижение участниками конфликтов требований, связанных с длительностью и распорядком рабочего дня.

**Таблица 12. Регрессионный анализ: зависимость результативности стачек в ЦПР от характера требований (длительность и распорядок рабочего дня), 1895-1904 гг.**

Regression Summary for Dependent Variable: Var1 (1895_1904_CIR)						
R= ,54174444 R <sup>2</sup> = ,29348704 Adjusted R <sup>2</sup> = ,27386168						
F(1,36)=14,954 p<,00044 Std.Error of estimate: 18,694						
N=38	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	t(36)	p-level
Intercept			-1,91764	3,032686	-0,632324	0,531171
Требов. р/д	0,541744	0,140091	0,60232	0,155755	3,867102	0,000443

Таблица 12 показывает, что один из учтенных нами факторов на 27% объясняет положительный исход стачек в период 1895-1904 гг.; при этом показатель длительности и распорядка рабочего дня является статистически значимым ( $p < 0,0005$ ).

Теперь посмотрим отдельно два пятилетия (Таблицы 13 и 14).

**Таблица 13. Регрессионный анализ: зависимость результативности стачек в ЦПР от характера требований (заработная плата и рабочий день), 1895-1899 гг.**



Regression Summary for Dependent Variable: Var1 (1895_1899_CIR)						
R= ,65429714 R <sup>2</sup> = ,42810474 Adjusted R <sup>2</sup> = ,35661784						
F(2,16)=5,9886 p<,01144 Std.Error of estimate: 11,378						
N=19	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	t(16)	p-level
Intercept			-2,40546	2,611399	-0,92114	0,370658
Требов.з/п	-0,463189	0,189970	-0,44899	0,184146	-2,43822	0,026797
Требов.р/д	0,419039	0,189970	0,27635	0,125282	2,20582	0,042366

По результатам регрессионного анализа (Таблица 13) можно сказать, что два учетных фактора (выдвижение требований повышения оплаты труда и урегулирование вопроса длительности и распределении рабочего времени) объясняют 35% вариации результативности стачек на предприятиях ЦПР, в которых требования были удовлетворены. При этом следует отметить, что статистически значимый фактор заявления требований, связанных с длительностью и распорядком рабочего времени, имеет достаточно высокую корреляцию с двумя другими учетными нами факторами: участие всех рабочих предприятия ( $r = -0,59$ ) и вмешательство в конфликт фабричного инспектора ( $r = 0,47$ ).

**Таблица 14. Регрессионный анализ: зависимость результативности стачек в ЦПР от характера требований (длительность и распорядок рабочего дня), 1900-1904 гг.**

Regression Summary for Dependent Variable: Var1 (1900_1904_CIR)						
R= ,66081170 R <sup>2</sup> = ,43667210 Adjusted R <sup>2</sup> = ,40353517						
F(1,17)=13,178 p<,00207 Std.Error of estimate: 21,672						
N=19	Beta	Std.Err. of Beta	B	Std.Err. of B	t(17)	p-level
Intercept			-1,03217	4,973660	-0,207528	0,838063
Требов. р/д	0,660812	0,182036	1,00942	0,278068	3,630125	0,002069

В целом влияние данного статистически значимого фактора ( $p < 0,003$ ) на положительный исход стачек в ЦПР составляет 40%. Для адекватной интерпретации полученного результата следует учесть, что корреляция этого фактора с таким фактором как участие в стачке всех рабочих предприятия весьма заметна ( $r = 0,48$ ).

\*\*\*

Итак, мы рассмотрели экономические аспекты трудовых конфликтов в российской дореволюционной промышленности на региональном срезе в рамках различных этапов делового цикла. Безусловно, на особенности протекания и результат стачек влияли многие обстоятельства: размер предприятия (количество работников), доля квалифицированного труда, доля женского труда, отрасль и др. Это приводит иногда к заметным различиям в характеристиках стачек в зависимости от региона. Во втором рассматриваемом пятилетии на Юге и Урале снижается доля стачек, в

которых были отмечены агрессивные действия рабочих, в то время как ЦПР дает небольшой рост таких конфликтов. Однако во всех трех регионах мы наблюдаем, что в 1900-1904 гг. по сравнению с предшествующим периодом уменьшается процент стачек, в ходе которых вызывались войска/полиция. Также на втором из рассматриваемых этапов руководство предприятий и хозяева реже прибегали к такой форме наказания стачечников как локаут или увольнение части рабочих. Причем, это происходит при одновременном росте доли конфликтов, в которых участвовали все рабочие предприятия.

Среди выдвигавшихся рабочими требований безусловное лидерство во всех трех промышленных районах в течение рассматриваемого десятилетия удерживает группа требований, связанных с оплатой труда, хотя самый высокий процент таких стачек дает ЦПР. На втором месте идут требования, связанные с длительностью и распорядком рабочего дня. Причем, если в 1895-1899 гг. самый высокий процент таких стачек дает ЦПР, то на втором этапе Южный район обходит остальные по данному показателю. Интересно, что в 1900-1904 гг. в ЦПР рабочие гораздо чаще требуют улучшить условия труда и быта, чего нельзя сказать о двух других регионах.

ЦПР и Урал дают больший процент выигранных стачек по сравнению с Южным районом, особенно на втором этапе. Для Центрального промышленного района нам удалось найти факторы, объясняющие в значительной степени результат стачек. На этапе экономического подъема 1895-1899 гг. положительный для стачечников этого региона исход конфликта на 35% объяснялся такими факторами как выдвижение требований повышения оплаты труда и урегулирование вопроса длительности и распределения рабочего времени. На этапе депрессии 1900-1904 гг. влияние второго фактора (рабочий день) на успех стачки составляет 40%. Таким образом, исход конфликта на предприятиях ЦПР в предреволюционное десятилетие в гораздо большей степени зависел от характера выдвигавшихся требований, чем от других факторов.

---

<sup>1</sup> См., например: Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX-XX вв. / отв. ред. И.М. Пушкарева. СПб.: Алетейя, 2011.

<sup>2</sup> Подробное описание базы данных «Трудовые конфликты в Российской империи: предреволюционное десятилетие (1895-1904)» см.: Бородкин Л.И., Пушкарева И.М., Шильникова И.В. База данных о рабочем движении в России конца XIX – начала XX вв. // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Кострома, 2010. С. 23-38.

<sup>3</sup> Здесь рассматриваются те случаи подачи рабочими жалоб и прошений, которые фигурируют в «Хронике» как отдельные конфликты; не учитываются те, которые происходили в ходе стачек, волнений и пр.

---

<sup>4</sup> В категорию коллективных стачек мы включаем те, которые в «Хронике» обозначены как коллективные, всеобщие, общегородские и общепрофессиональные.

**А.Л. Темницкий**

### **Процесс становления индивидуальной субъектности рабочих России в сфере трудовых отношений (конец XIX начало XXI вв.)**

Традиционно, под влиянием марксистской парадигмы обращение к проблеме субъектности рабочих связывается с их осознанием своих классовых интересов, с различными формами проявления забастовочной и революционной активности, коллективистскими формами солидарности. Облик рабочего класса при таком подходе наделяется коллективной волей и сознанием, в идеале рассматривается как монолитный, а каждый его представитель как неотъемлемая часть. Следуя сложившейся традиции и сегодня современные социологи в качестве ведущих факторов формирования субъектной активности рабочих называют: наличие развитой идеологии, классовой идентификации и солидарности, организаций, мобилизующих ресурс солидарности.<sup>1</sup> Несомненно, что при таком подходе речь идет о социальной субъектности, т.е. надличностной, институциональной, организованной силы и механизмов, призванных удовлетворять личные и общественные потребности и интересы вне связи с трудом на предприятиях. Успех социальной субъектности предполагает низкий уровень дифференцированности рабочего класса, его веру и высокую степень включенности в политические и профсоюзные организации, недовольство существующим режимом, работодателями, хозяевами предприятий. О том, что уже в дореволюционный период социальная дифференциация рабочих России была весьма заметным фактом, проявляющимся как в различиях по уровню участия в борьбе за свои экономические права, так и по степени сохранения традиций прошлого, например, связи с землей активно отмечается современными исследователями<sup>2</sup>.

Предполагается, что наряду с социальной субъектностью рабочих важно выделять, находить проявления и определять социальную роль индивидуальной субъектности. С позиций исторического подхода определяющим объектом исследования здесь становится личность рабочего, предметом – индивидуальные биографии. Такое обращение не носит самостоятельного характера, а является способом привлечь внимание историков к «моделям» личности работников и через нее

---

<sup>1</sup> © А.Л.Темницкий, 2012

представить социальную дифференциацию и социальные ожидания в широких пролетарских массах»<sup>3</sup>.

С позиций социологического подхода предполагается, что обращение к роли индивидуальной субъектности рабочих в сфере трудовых отношений, начиная с уровня рабочего места и непосредственных трудовых взаимоотношений, может рассматриваться как надежная предпосылка для выявления факторов перехода к участию в управлении делами предприятия, в солидарных коллективных действиях. В качестве объектов исследования здесь могут рассматриваться различные проявления индивидуальной субъектности рабочих в сфере трудовых отношений на предприятиях, предмета – их роль в становлении рабочего как подлинного субъекта труда и коллективных действий.

Акцентирование индивидуальной субъектности рабочих противостоит традиционно сложившимся взглядам на рабочих как только лишь представителей наиболее массовой группы наемных работников, олицетворяемой понятиями «рабочая сила», «рабочие ресурсы», «рабочий класс». «Смазывание» роли отдельной личности рабочего, его уровня относительной свободы в труде, самостоятельности в выборе способов достижения заданного результата, добровольной взаимопомощи в работе, ценностей личностного достоинства, профессиональной чести и других характеристик, подчеркивающих потенциал индивидуальной субъектности, приводит, на наш взгляд, в конечном итоге, к ослаблению их социальной ответственности и солидарности в коллективных действиях. Предполагается, что чувства классовой идентификации и коллективной солидарности в действиях являются приращением, а не отвержением индивидуальной субъектности рабочих.

Речь идет о конструктивных для становления личности рабочего и достижения целей предприятия проявлениях индивидуальной субъектности. Поэтому к ним нельзя относить те, которые, являются отклоняющимися от требований трудовой дисциплины, такие как, неповиновение, грубость, дерзость, буйство, пьянство, ссоры; прогул, поздняя явка на работу, самовольная отлучка с нее, неисполнение заданной работы; воровство, мошенничество.

Использование термина «субъект труда» применительно к рабочим связывается нами с актуализацией и эмпирическим выявлением всех тех признаков, которые указывают на активно – деятельностные стороны трудового поведения работника, рассмотрении его как рационально действующего субъекта, мотивированного и обладающего необходимыми ресурсами: знаниями, навыками для выполнения трудовых функций, и который в этом смысле противопоставляется понятию «рабочая сила».<sup>4</sup>

В многочисленных литературных источниках о рабочих в дореволюционной России тема проявлений индивидуальной субъектности в сфере труда затрагивается, но специально, как правило, не раскрывается.

Так, известный российский социолог И. Голосенко, приводя разработанную им классификацию тематики работ по рабочим, отмечает, что чаще всего изучался «рабочий вне производства», а также особенности рабочих России в сравнении с другими капиталистическими странами. Рабочий на производстве как объект исследования, если и затрагивался, то либо с позиций состояния условий труда, либо по вопросам профессиональной внутриклассовой дифференциации, адаптации к системе тейлоризма.<sup>5</sup>

Идущая от К. Маркса традиция описывать положение рабочих, подчеркивая их бедственность, способствовала созданию в России научных трудов с аналогичным названием, в которых последовательно, фактологически описываются многочисленные стороны условий труда и быта рабочих, но без попыток выявления связи между ними<sup>6</sup>. Это, скорее, как подчеркивал В. Леонтьев, самостоятельные распадающиеся очерки, не подчиняющиеся общему взгляду<sup>7</sup>. Еще жестче отозвался об этих работах со ссылкой на известного советского исследователя рабочего класса Панкратову А.М., Ю.И. Кирьянов: «Они дают сводку фактов (от семнадцатого века до 1923 г), оторванных от социально – политической эволюции, от тех социально – экономических сдвигов, которые происходили в стране. Все дается только под углом зрения борьбы за улучшение экономического положения. Большой материал без продуманной концепции убивает анализ».<sup>8</sup>

Представляется, что традиция рассмотрения в качестве объекта исследования: удручающее положение рабочего класса, требующего вспомоществования, воздействия извне, не позволяет рассматривать рабочих как активных самостоятельных субъектов по его изменению, направлена на поиск эффективного «поводыря». Следует согласиться с В.В. Леонтьевым, что выражение «*положение рабочих*» не представляет собой научного термина с формально установленным и общепризнанным содержанием. Оно не несет направленного содержания. Под ним можно понимать что угодно. «С методологических позиций нужно брать не отвлеченное понятие труд и его факторы, а его живого носителя – рабочего. Представляясь центром воздействия различных влияний, рабочий является одновременно живым субъектом, реагирующим на всю обстановку. Он и производитель и потребитель».<sup>9</sup>

В качестве основной исследовательской задачи предполагается поиск, раскрытие содержания и выявление роли проявлений индивидуальной субъектности рабочих во взаимосвязи с показателями коллективной ответственности и солидарности в поведении.

Применительно к сфере труда и трудовых отношений на предприятии можно предложить первоначальный набор показателей, отражающих проявления индивидуальной субъектности российских рабочих (табл.1).

Таблица 1. Показатели проявлений потенциала индивидуальной субъектности рабочих в сфере труда и трудовых отношений на предприятии

Показатели субъектности рабочих	
В выполняемой работе	В трудовых отношениях
Самостоятельность в работе	Требования уважение к себе со стороны администрации предприятия
Смекалка, сноровка, специфические умения и навыки как проявления профессиональной компетентности	Добровольная, бескорыстная взаимопомощь в работе
Стихийная инициативность, изобретательство и рационализаторство	Информированность о своих правах, способах их защиты
Автономность в работе	Жалобы администрации, фабричным инспекторам
Уважение профессионализма, профессиональная честь	Солидарность работников на основе консолидации их мнений
Добросовестность и ответственность в работе	Готовность к конфликтам
Участие в управлении по вопросам, связанным с выполняемой работой	Регулярность переговоров между рабочими и администрацией

Предполагается, что приведенные характеристики являются не только некоторым перечнем возможных проявлений индивидуальной субъектности рабочих, но и ее последовательными этапами процесса становления в идеальной модели. Актуализируя тему индивидуальной субъектности рабочих, мы не ставим в рамках данной статьи задачу раскрыть все указанные проявления, скорее, данный материал носит постановочный характер научно и практически значимой проблемы.

Рассмотрим лишь некоторые проявления индивидуальной субъектности рабочих, изложенные в научных изданиях по теме рабочих в дореволюционной, советской и современной России.

Самостоятельность в работе, предоставляемая рабочему - исполнителю, в технологическом смысле указывает на степень свободы и право планировать свою работу, определять темп работы, временной график и порядок ее выполнения. Вместе с тем самостоятельность в работе можно рассматривать не только как технологический признак, но и как социокультурную характеристику труда. Для представителей среднего класса самостоятельность в работе является одним из его атрибутивных

признаков. Служебные позиции, профессиональный профиль деятельности представителей среднего класса должны обеспечивать возможности влиять на решения, касающиеся организации труда, планировать и контролировать результаты своего труда и другие параметры своей деятельности, сохранять свою относительную автономию в труде. Поэтому, например, инженеры, которым в соответствующих служебных инструкциях приписываются данные функции, могут быть априорно причислены к среднему классу, а рабочие – нет. Для рабочих самостоятельность в труде - это либо результат достигательных усилий (высокой квалификации, доверия к ним со стороны руководства), либо представление таковой в силу невозможности, а зачастую нежелания со стороны руководства контролировать каждый параметр выполнения заданий.

Предполагается, что для российского рабочего быть и чувствовать себя субъектом труда в производственной организации – это, прежде всего, обладать определенным уровнем свободы в отношении выполняемой работы, режимов труда. Можно утверждать, что российский рабочий никогда не был только лишь функцией рабочего места, у него всегда сохранялось достаточное пространство возможностей для изменения режима работы и способов выполнения задания. Основы таких возможностей были заложены самим генезисом рабочего класса в России, когда завезенная Петром фабрика, рассматривалась прикрепленными к ней крестьянами как чуждое, противоречащее всем народным привычкам образование<sup>10</sup>. Поэтому фабрики как могли, обживались по-своему. Их устройство приспособлялось к привычкам, а не привычки к фабрике. Несмотря на всю жестокость принудительного труда и неэкономической зависимости исторически сложилась и закрепилась на долгое время практика договариваться с руководством (хозяином) на основе устных соглашений личного характера об условиях труда. Отсутствие четкой организации труда на российских предприятиях – привычная практика. Известный российский ученый Е. Дементьев отмечает, что на многих мелких фабриках нет никаких определенных правил. Отношение хозяев к рабочим и обратно носит патриархальный характер. Время начала и окончания работы устанавливается обычаем, подвергается постоянным изменениям вследствие различных случайных обстоятельств. Царит как произвол хозяев, так и рабочих. Произвол рабочих в фабричном (заводском) труде – это, прежде всего несоблюдение режима рабочего времени и дисциплины труда.<sup>11</sup> Лишь в 1835 г. был введен закон, подчеркивающий обязательность письменных условий найма. При этом фабричными инспекторами отмечалась поражающая их добросовестность рабочих. Так, С. Гвоздев приводит такие отзывы заведующих: «у нас народ хороший и добросовестный, из него хоть веревки вей. При 13 часовом

рабочем дне, иногда прибегали к сверхурочным, и рабочие, скрепя сердцем на них, соглашались».<sup>12</sup>

Подчеркивая ведущую роль рабочего контроля в советское время, отдельные исследователи утверждают, что «плановая экономика сделала рабочее место центром стихийной и более - менее автономной коллективной активности. Социализм вообще мог работать только на базе стихийной инициативы рабочего класса».<sup>13</sup> Роль формирования у рабочих коммунистической идейности подавляла организационные усилия по внедрению НОТ на базе тейлористских принципов. В итоге система Тейлора превращалась в очередной идеологический, а не экономически обоснованный проект.<sup>14</sup> Рабочие умело воспроизводили в новых социальных отношениях привычные для них формы решения производственных вопросов. Исследователи отмечают, что свое участие в управлении производством рабочие связывали не с целью добиться резкого улучшения своего материального положения, а скорее, продемонстрировать, что они сами, без хозяев могут поддерживать необходимый уровень трудовой дисциплины. Психологически это было выражением традиционного общинного сознания. Фабрично – заводской коллектив в сознании рабочих наделялся теми же правами, что и община в сознании крестьян.<sup>15</sup> В более поздний период развития социализма придание определяющей роли стихийной инициативности рабочих, их смекалке, и сноровке, а не четкой организации, технологиям и дисциплине труда отражалось в массовых явлениях сверхурочных работ, «черных» субботах, штурмовщине. Главное, что многое в повседневном труде, выполнении заданий отдавалось и по-прежнему отдается на откуп рабочим. Такого рода индивидуальную субъектность российских рабочих можно рассматривать как следствие, продолжение и развитие стихийной инициативности и автономности рабочих. Из этих условий может сформироваться как потенциал для развития субъектности более высокого уровня: переговоров, соглашений и договоров с администрацией, так и усиление автономизации, укреплению статусных позиций отдельных категорий рабочих (прежде всего высококвалифицированных, рабочих – «аристократов»). Исследователями отмечается, что на постсоветских предприятиях «руководители вынуждены считаться с положением высококвалифицированных рабочих, чтобы компенсировать недостатки управления и организации производства». «Рабочий по-прежнему имеет возможность регулировать дисциплину в зависимости от своего социального положения и наличия «покровителя» свыше».<sup>16</sup>

Предполагается, что для рабочих наличие самостоятельности важно в любом качестве, определяется ли она как набор опережающих действий по собственной инициативе и на основе собственных сил для лучшего выполнения порученной работы, либо является вынужденной реакцией на бездействие администрации по созданию нормальной организации труда.



И в том и в другом случае наличие самостоятельности в работе является потенциальным фактором роста властного влияния рабочего на процесс и результаты труда, и российские рабочие, умело этим пользовались и продолжают пользоваться в своих целях.

В трудовых взаимоотношениях с руководством и администрацией можно выделить две основные линии проявлений индивидуальной субъектности рабочих, отражающих их равнодушие к делам на предприятии, уважение к себе как личности и способность вырваться из тисков традиции патернализма.

Прежде всего, рабочих, особенно квалифицированных, работа которых была связана с металлом, отличало внутренне достоинство и гордость, ценность истинно просвещенного и гуманного отношения со стороны всякого рода начальства. Чувство собственного достоинства рабочего определялось, прежде всего, достоинством человека, создающего своими руками материальные ценности и прекрасно осознающего, что богатство его хозяина как и процветание страны держится на его труде. Требование вежливого обращения и уважения личности рабочего наряду с повышением зарплаты и восьми часовым рабочим днем – являлось одно из основных в конфликтах с администрацией в начале XXв., особенно в 1905г.<sup>17</sup>

Вторым заметным проявлением активности рабочих в трудовом поведении на предприятиях стало участие в написании жалоб на администрацию, обращаемых фабричным инспекторам, губернаторам. Так, отмечается, что рабочие жаловались фабричному инспектору, что на фабрике много простоев, за которые ничего не платят,<sup>18</sup> жаловались губернатору на фабриканта и не только на низкую зарплату, но и на употребление их на разного рода бесплатные работы, не относящиеся, по их мнению, к их прямым обязанностям.<sup>19</sup> Жалобы отражали, с одной стороны, отсутствие правовых положений о трудовых отношениях, с другой, при их наличии – игнорирование правовых норм как администрацией, так и самими рабочими, а в целом, их можно рассматривать как прообраз института социального партнерства.

В настоящий период процесс становления индивидуальной субъектности рабочих России вновь, как и 100 лет назад находится на начальном этапе. Его ориентиром является модель высококвалифицированного, достойного оплачиваемого рабочего, способного свободно высказывать свое мнение, уверенного в себе на рынке труда.

---

<sup>1</sup> Максимов Б.И. Факторы субъектности рабочего класса (опыт революции 1917 г.) <http://modern-marxism.livejournal.com/72379.html> 2010

<sup>2</sup> Пушкарева И.М. О социальной дифференциации и социальных ожиданиях рабочих России в дореволюционный период. Историография. Источники // Рабочие -

---

предприниматели - власть в конце XIX - начале XX в.: социальные аспекты проблемы. Материалы V Международной научной конференции. Кострома 23-24 сентября 2010 года. В 2- частях. Часть 1 / отв. ред. А.М. Белов. - Кострома: КГШУ им. Некрасова, 2010. С. 18-19.

<sup>3</sup> Пушкарева И.М. О социальной дифференциации и социальных ожиданиях... С. 21

<sup>4</sup> Социология труда. Теоретико – прикладной толковый словарь. Отв. ред. В.А. Ядов. СПб.: Наука, 2006. С. 319-320

<sup>5</sup> Голосенко И.А. Социологическая ретроспектива дореволюционной России: Избр. Соч. в 2-х книгах / Под ред. В.В. Козловского. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 146

<sup>6</sup> Берви – Флеровский В.В. Положение рабочего класса в России. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1869; Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. СПб.: Новый мир, 1906.

<sup>7</sup> Леонтьев В.В. Об изучении положения рабочих. Приемы исследования и материалы. СПб.: Типография М. Волковича, 1912. С.20

<sup>8</sup> Кирьянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России. М.: Наука, 1979. С. 17

<sup>9</sup> Леонтьев В.В. Об изучении положения рабочих. Приемы исследования и материалы. СПб.: Типография М. Волковича, 1912. С.20

<sup>10</sup> Туган – Барановский М.И.. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М.: Наука, 1997. С. 81-82.

<sup>11</sup> Дементьев Е.М. Фабрика. Что она дает населению и что она у него берет. М.: Типография т-ва И.Н. Кушнерев и К, 1893. С. 59

<sup>12</sup> Гвоздев С. Записки фабричного инспектора из наблюдений и практики в период 1894-1908 гг. Изд-е второе. М.Л. Гос. Изд-во., 1925. С. 11

<sup>13</sup> Буравой М. Концепции Поляньи применительно к России / Великая трансформация. К. Поляньи. Прошлое, настоящее, будущее. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2006. С. 355

<sup>14</sup> Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О Чуракова, П. Шульце. М.: Экономическая демократия, 2001. С. 90

<sup>15</sup> Рабочий класс в процессах модернизации России: исторический опыт. Под ред. А.В. Бузгалина, Д.О Чуракова, П. Шульце. М.: Экономическая демократия, 2001. С. 42

<sup>16</sup> Лыткина. Т.С. Управленческие стратегии реорганизации основного производства постсоветского предприятия: стимул и контроль за рабочими // Социальные проблемы труда в условиях перехода к инновационному развитию общества. Материалы Всероссийской научно- практической конференции. СПб., 24-26 апреля 2008. С. 285.

<sup>17</sup> Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (вторая половина XIX – начало XX века). М.: Изд-во «Слово», 2003. С. 102

<sup>18</sup> Гвоздев С. Записки фабричного инспектора из наблюдений и практики в период 1894-1908 гг. Изд-е второе. М.Л. Гос. Изд-во., 1925. С. 18

<sup>19</sup> Дюбок Е. Материалы к истории русской фабрики и рабочего класса в XVIII и XIX ст. Переславль- Залесский. Гос. типография №12, 1929. С. 5

### Краткий обзор источников личного происхождения для изучения неземледельческого отхода крестьян на заработки в столицу

Утверждение нового методологического подхода в постсоветский период, сформировавшегося под влиянием «новой исторической школы», инициировало поиск источников личного происхождения для реализации антропоцентрического принципа исторических исследований. Человеческое измерение актуально и при изучении неземледельческого отхода крестьян на заработки в столицу.

Деятнадцатый век – век стремительных изменений. Осознание изменчивости жизненной реальности пробудило потребность у современников зафиксировать приметы времени. Начало издания исторических журналов, расширение публикаций источников личного происхождения повлекли за собой и возникновение моды на писание дневников, воспоминаний и т.д.<sup>1</sup>. Пожалуй, это стремление особенно характерно для тех лиц, которым удавалось совершить социальное восхождение (к примеру, из крестьян в купцы). Для крестьян, совершивших социальное восхождение, доказательством их инаковости становились написание и публикация воспоминаний<sup>2</sup>. Подлинной находкой стал дневник крестьянина-отходника деревни Ерихово Ярославского уезда Ярославской губернии И.Г. Андреева. Он хранится в Государственном архиве Ярославской области<sup>3</sup>. Полное название документа «Дневник происшествий и приключений и разные заметки о погоде и т.п.». По-видимому, дневник И.Г. Андреев вёл на протяжении длительного периода. В архив попали только четыре тетради. На первых трех указаны номера: 20, 21, 22. Записи в тетрадях ГАЯО датируются 1911–1914 годами. В момент написания первой из этих тетрадей автору было 37 лет (следовательно, 1874 года рождения). По признанию И.Г. Андреева «с 9 лет он трёт лямку во служении».<sup>4</sup> В 1911 г. автор дневника – половой в трактире «Биржа» г. Ярославля. Дневник обрывается на том, что крестьянин после долгих и мучительных размышлений, экспериментов (пытался жить в деревне и там торговать) решил на переезд в город, подыскивал дом или место для усадьбы. Дневник сохранный.<sup>5</sup> Он предоставляет информацию, которую практически невозможно почерпнуть в других источниках. Это не разрозненные сведения, а «жизненная ткань». Городская жизнь крестьянина-отходника без утайки. Для нас является важным и то, что это дневник трактирного служащего. Как известно, для Ярославской губернии данный вид занятий отходников наиболее характерный. Спектр тем документа широк -

---

<sup>1</sup> © О.В.Смулова, 2012

распорядок жизни полового, его взаимоотношения с хозяевами, заработки, среда трактирщиков (хозяева и служащие), посетители чайной; городские новости; забота крестьянина о деревенском доме, земле, семье; взаимоотношения с женой, крестьянским миром, с городскими сословиями; городская повседневность и праздники; религиозная жизнь и т.д. Подобные источники позволяют тоньше осязать историческую реальность.

В XIX в. появился и такой вид источника как «записки». Авторами записок были и мастера-ремесленники. Таковы публикации В.А. Резанова, А.И. Таранцова др.<sup>6</sup> В предисловии А. Таранцов писал о мотивах, побудивших его взяться за «записки»: «русский ремесленник обойден литературным вниманием».<sup>7</sup> Автор «записок русского ремесленника» не из крестьян, отец его – военный писарь, но это нисколько не умаляет их значение. А. Таранцов воссоздал живую атмосферу ремесленной мастерской, взаимоотношений хозяина и учеников.

Довольно распространены в этот период записки путешественников (чиновников, перемещающихся по России по служебным делам, священников, студентов и т.д.). Наблюдения представителей высших сословий особенно ценны, так как их глаз сразу выхватывал этнографическое своеобразие местности и населения там проживавшего.<sup>8</sup> Вместе с тем, они нередко содержали категоричные оценки нравов, акцентировали внимание на негативных сторонах жизни простого народа.<sup>9</sup> Первые послереволюционные десятилетия оказались плодотворны на эмигрантские мемуары.<sup>10</sup> Они позволили живо представить атмосферу в русском обществе на рубеже веков, выявить тенденции, обозначившиеся в социальной жизни. Приметой времени явились и воспоминания рабочих, крестьян по происхождению.<sup>11</sup> В послевоенный период изредка публиковались воспоминания.<sup>12</sup>

Это время отмечено оживлением публикаций дневников, воспоминаний, записок и т.д. Особо хотелось бы отметить воспоминания петербуржцев Д.А. Засосова и В.И. Пызина.<sup>13</sup> Авторы, одарённые наблюдательностью и чувством юмора, увлекательно рассказывали о жизни петербуржцев различных сословий предреволюционной поры. Распространённость в столице выходцев из Костромской, Тверской и Ярославской губерний нашла своё отражение в том, что на страницах книги то и дело встречались рассказы о судьбах крестьян этих местностей (костромские Тарасовы, ярославец Тумпаков и др.).

Воспоминания М.И. Ключевой, белошвейки, работавшей в мастерской П.Я. Малыгиной в к. XIX – н. XX вв., содержат уникальный материал о столичном праздновании масленицы. Аналогичную информацию можно встретить и в других источниках. Однако, в данном случае, события переживались и описывались простой провинциальной девушкой.<sup>14</sup>

Социальное восхождение из крестьян в купцы можно проследить по воспоминаниям П.А. Бурышкина.<sup>15</sup> Автор, Павел Афанасьевич Бурышкин – из «новых купцов». Его отец, Афанасий Васильевич, родился в крестьянской семье господ Базилевских в Смоленской губернии. Мальчиком приехал в Москву, окончил мещанское училище, поступил на службу к купцам; прослужив 12 лет, в 1882 г. стал московским первой гильдии купцом. Павел Афанасьевич описывал торгово-промышленную Москву 1912-1918 гг. В провинции прослеживалась та же тенденция. Выходили в свет мемуары местных жителей, воспоминания потомков. Примером таких публикаций могут служить воспоминания ярославца-любимца В. Орлова,<sup>16</sup> а также костромича А. Волкова.<sup>17</sup> Влияние школы «Анналов» и отечественных медиевистов можно обнаружить и в интересе к простому человеку, «безмолвствующему» большинству. В постсоветский период составлялись и записывались крестьянские мемуары. Материалы полевых экспедиций были опубликованы.<sup>18</sup> И хотя их авторами выступали люди, родившиеся уже при советской власти, всё равно всплывало «отходническое прошлое».

Эпистолярное наследие – достаточно редкое для крестьянской среды. Но отнюдь не столько потому, что до недавнего времени крестьянство принято было считать чуть ли не поголовно неграмотным. Больше из-за ограниченной потребности в письменных сообщениях тех же крестьян, а также из-за недооценки письма как источника со стороны самих исследователей. Между тем, сокращающийся на наших глазах источник (если не считать Интернет-сообщения), обладает редкостными возможностями. Письмо предполагает даже большую сокровенность, чем устная речь: как трудно бывает произнести то, что легко повернется бумаге. Письменная речь более близка к внутреннему голосу человека. Она почти визуально помогает ощутить конкретность жизни до мельчайших сплетений жизненной ткани. Содержание писем в основе своей традиционно для крестьянской среды. В этом можно убедиться, сопоставляя с их с другими крестьянскими письмами, относящимися примерно к тому же времени (О.С. – архив автора насчитывает около 300 писем). Корреспонденты посылали поклоны всем своим родственникам поименно, а, поскольку роды были большими, то и приветствия, порою занимали несколько страниц. Но, все же, в письмах встречались сведения и другого характера – о работе, заработках, купленных подарках, впечатлениях от городской жизни (крайне редко), погоде, о времяпровождении в праздники, взаимоотношениях внутри семьи, с хозяевами, родственниками, знакомыми, топографические детали и т.д.

Наконец, письма интересны для нас и тем, что они, по сути, являются каналом новаций для деревенской, традиционной культуры. Традиционность не исключает новаций, однако внедряются они постепенно. Как и через кого идут эти изменения? Путешественники,

наблюдавшие деревню в изучаемый нами период, этнографы замечали, что представителям российской деревни всегда был присущ интерес к человеку со стороны или человеку крестьянской общины, но находившемуся временно вдали от родины. По-видимому, это было необходимым элементом саморазвития и одним из тех каналов, по которому поступала информация, подталкивавшая к новациям в собственной среде. Первым оценил значимость этого вида источника Д.Н. Жбанков, автор известного историко-этнографического очерка «Бабыя сторона». Им были собраны и опубликованы письма крестьян-отходников.

В фондах Солигаличского краеведческого музея Костромской области хранится переписка семьи Жижиковых н. XX в. Письма передала в дар музею (благодаря изыскательским способностям директора музея Солдовской Татьяны Валентиновны) Ольга Павловна Касторская (дочь Александры Васильевны Жижиковой) после смерти отца Павла Николаевича Касторского. Переписка состоит из 55 писем [6 из них опубликованы;<sup>19</sup> Состав семьи: отец, Василий Петрович, мать, Анна Ивановна, сыновья: Павел Васильевич, Пётр Васильевич, Иван Васильевич, Алексей Васильевич, дочь – Александра Васильевна. Место отхода – Санкт-Петербург. Первыми туда уехали отец и старший сын Павел. Затем, один за другим, отправились и подростки – Пётр и Иван. Автором писем из Солигалича являлась мать, Анна Ивановна. Письма датировались 1905–1915 годами. Жижиковы – крестьяне деревни Колесниково Зашугомской волости Солигаличского уезда Костромской губернии (об этом мы узнали из паспорта, выданного Петру Васильевичу Жижикову 13 марта 1915 года). Но фактически на момент переписки семейство, по-видимому, проживало уже в Солигаличе. Кроме писем, в фондах музея имеются фотографии некоторых членов этой семьи: Петра, Павла, Ивана и Алексея, а также – некоторые документы: паспорт, расчетная книжка Санкт-Петербургской цеховой управы слесарно-кузнечного цеха Ивана Жижикова, отрезные купоны о денежных переводах.<sup>20</sup>

Таков корпус источников личного происхождения, которые могут быть использованы при изучении неземледельческого отхода крестьян на заработки в Санкт-Петербург. Их достоинство заключается в том, что они позволяют увидеть историческое прошлое в человеческом измерении.

---

<sup>1</sup> Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.Н. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцева. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1998. С. 490; Крылов Н.А. Воспоминание мирового посредника 1 призыва // Русская старина. 1892. Т. 74. С. 80; Макаров Н.П. Мои семидесятилетние воспоминания и с тем вместе моя полная предсмертная исповедь : в 2-х ч. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1881 ; Максимов К. Из петроградских переживаний: Воспоминания старожила // Наша старина. 1915. № 5. С. 473-476;

---

Суворов П.П. Записки о прошлом. М., 1898; Василич Г. Москва 1850-1910 г. // Москва в её прошлом и настоящем. 1912.

<sup>2</sup> Бобков Ф. Из записок крепостного человека // Исторический вестник. Т. CVIII. С. 448; Пурлевский С.Д. Воспоминания крепостного // Русский вестник. 1877. Т. 130. № 7. С. 320-347; Т. 131. С. 34-67; Серяков Л.А. Моя трудовая жизнь // Губернский дом. 1995. № 4. С. 52-55; Витковский И. 10 лет службы одного приказчика в трех крупнейших фирмах Петербурга. СПб., 1913; Гнусин Д.Е. Печных дел мастер // Русская старина. Т. 51. 1886. № 9. С. 631-637; Слонов И.А. Из жизни торговой Москвы (Полвека назад). М.: Тип. рус.тов-ва печ. и изд. дела, 1914. 247 с.

<sup>3</sup> ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 1172, 1173, 1174, 1175

<sup>4</sup> ГАЯО. Ф. 582. Оп. 1. Д. 117.

<sup>5</sup> Смурова О.В. «Дневник происшествий и приключений и разные заметки о погоде и т.п.» крестьянина Ярославского уезда Ярославской губернии И.Г. Андреева // Человек и культура в культурно-историческом пространстве России: опыт региональных и краеведческих исследований : материалы международной научной конференции. 22-24 мая 2002 г. Кострома, 2002. С. 31-33.

<sup>6</sup> Взгляд на ход портного мастерства в России / соч. В.А. Резанова. СПб.: В Гутенберговой типографии, 1847. 25 с. с чертежами; В мастерской. Из записок русского ремесленника (Очерки А. Таранцова). М.: Издательство редакции «Ремесленной газеты», 1887. 75 с.

<sup>7</sup> Там же. С.3.

<sup>8</sup> Безобразов В.П. Край отхожих промыслов (Из путевых воспоминаний) // Новь. 1885. Вып. 10. С. 265-275; Вып. 11. С. 375-383; Кольшко И.И. Очерки современной России. СПб.: тип. Т-ва «Обществ. польза», 1887. 530 с.; С.И.К. Наше народное образование (из записок священника) // Костромские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1 декабря. 1887 г. С. 911-918; Поездка по Вологодской губернии к нефтяным ее богатствам на реку Ухту. СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1908. 141 с.

<sup>9</sup> Студент С.И. Трухин. Отчеты и заметки временно работавшего летом 1905 г. в земствах Костромской губернии медицинского персонала. Несколько слов о врачебно-наблюдательном пункте в Чернопенье летом 1905 г. // Врачебно-санитарный обзор Костромской губернии. 1905. С. 37.

<sup>10</sup> Врангель Н.Г. Воспоминания (от крепостного права до большевиков). 1924; Оболенский В.А. Очерки минувшего. Белград, 1931.

<sup>11</sup> Абашкина М., Илюшина А., Карпухин Ф. Повесть о трёх. М.: Профиздат, 1935; Горячев И.Т. Один из многих: Воспоминания рабочего. М.: Федерация, 1930. 168 с.; Кузнецов Н.А. Мастеровщина : из моей жизни. Л.: Лен. губпрофсовет, 1927. 102 с.; Киселев Я.И. Из моего и книжного прошлого // Книга и её работники. Л., 1926. С. 25-39.

<sup>12</sup> Курбатов А. Записки старого повара // Наш современник. 1967. № 1. С. 99-108; Соколов В.Н. Партбилет № 0046340. В 3-х ч. М.: Изд-во «Старый большевик», 1932.

<sup>13</sup> Засосов Д.А. Пызин В.И. Из жизни Петербурга 1890-1910 годов. Записки очевидцев. Санкт-Петербург: Лениздат, 1999. 413 с.

<sup>14</sup> Ключева М.И. Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880-1910. Публикация А.Л. Дмитренко // Невский архив: историко-краеведческий сб. Вып. III. СПб.: Феникс, 1997. С. 164-235.

<sup>15</sup> Бурышкин П.А. Москва купеческая: мемуары. М.: Высшая школа, 1991. 352 с.

<sup>16</sup> Орлов В.Л. Старый Любим и вся Россия. Ярославль: Александр Рутман, 2000. 416 с. (серия «Граждане Ярославля»)

<sup>17</sup> Волков А. Отходники // Губернский дом. 2000. № 1. С. 59-63.

---

<sup>18</sup> Голоса крестьян: Сельская Россия XX в. в крестьянских мемуарах. М., 1996. 413 с.

<sup>19</sup> Губернский дом. 1995. № 4. С. 47-51.

<sup>20</sup> См.: приложения к монографии Смуровой О.В. № 1, 2, 3, 4; 20: Смурова О.В. Между городом и деревней (образ жизни крестьянина-отходника во второй пол. XIX- начале XX вв). Кострома: изд-во КГТУ, 2009. 203 с.



## **РАЗДЕЛ II. ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ РАБОЧИХ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ РУБЕЖА XIX-XX ВВ.**

**В.Ю. Карнишин**

### **Модернизация в восприятии российского общества в начале XX века**

Восприятие российским обществом реалий модернизационного процесса – одна из актуальных тем российской историографии. В начале XX века спрессовались события, содержание и смысл которых, как известно, воспринимались по-разному среди представителей социальных страт. Экономический кризис 1900-1903 гг., русско-японская война, революция 1905-1907 гг., становление отечественного парламентаризма, реформаторская политика, связанная с именем П.А. Столыпина, расцвет культуры Серебряного века порождали всплеск эмоций, перепады в политизации населения, кризис в системе ценностей населения страны.

В.В. Шелохаевым справедливо отмечалось, что центральной осью конфликта между авторитарным режимом и обществом стали две взаимосвязанные проблемы: борьба за власть и борьба за передел собственности прежде всего в аграрном секторе, который в своей основе оставался традиционным и слабо вовлеченным в систему рыночных отношений.<sup>1</sup>

Рассматривая отношения общества к власти в контексте модернизации, следует обратить внимание на ряд особенностей.

Рост интереса к политике был достаточно правомерен на фоне возраставшего недовольства проводимой внешней и внутренней политикой.

Обратим внимание на содержательную переписку адъютанта Великого князя Константина Николаевича А.А. Киреева и сына видного славянофила Ф.Д. Самарина. Для них, сторонников консерватизма, становилась очевидность необходимости перемен. При этом, А.А. Киреев постановил: «Многое у нас следует изменить, отменить, улучшить, но этого можно достигнуть и безо всякой ломки, удерживая и даже усиливая наш исконный политический и самодержавный строй».<sup>2</sup> Соглашаясь со своим корреспондентом, Д.Ф. Самарин констатировал, что «общество, а с ним вместе и правящая бюрократия убеждены, что с самодержавием

---

<sup>1</sup> © В.Ю.Карнишин, 2012

несовместимы ни свобода совести, ни свобода личности, ни законный порядок управления».<sup>3</sup>

Какие предложения по стабилизации ситуации в стране стали предметом дискуссий между корреспондентами?

А.А. Киреев исходил из необходимости ослабить зависимость императора от министров (для этого не предполагалось присутствие на докладах лиц, «не связанных с докладчиками и ни в каком отношении от них не зависящих»). Представляют интерес и другие инициативы: представление министрами программ их деятельности, изъятие печати из-под административного произвола, проведение административной децентрализации, представление земствам права ходатайств лично императору<sup>4</sup>

Соглашаясь, в принципе, с разработкой вдумчивой политики, Ф.Д. Самарин с осторожностью замечал, что, сочувствуя А.А. Кирееву, он настаивал на оговорке: «Наше общество незрело, не в версту таким мерам, его надо подучить, доразвить».<sup>5</sup> Аргумент о том, что «времени нет», Ф.Д. Самарин явно недооценивал: «Да, положение наше несомненно, очень серьезно, но столько времени еще оно может так протянуться без окончательного крушения – об этом судить мудрено... Думаю, что и теперь, при всей неопытности кормчего (Николая II.- В.К.) мы, Бог даст, минуем благополучно те подводные камни и скалы, которыми усеян наш путь».<sup>6</sup>

Таким образом, явная недооценка остроты политической ситуации становилась политическим фактором, в конечном итоге, предопределившим принятие важнейших государственных решений с явным отставанием от событий. Справедливо замечание А.В. Репникова о том, что немногими консерваторами ставилась задача не только подготовки «элиты», но и возможного политико-правового воспитания народа при том, что сильное государство и сильная власть связывались в представлении консерваторов только с монархической системой. Что касается модернизационных изменений, то монархическая система по мнению консерваторов, наиболее полно отвечала славянскому культурно-историческому типу.<sup>7</sup> Это положение разделялось самим монархом. При этом, следует отметить, что он воспринимал государственную политику безусловно приватным делом верховного носителя власти, что явно противоречило динамичной политической жизни начала XX века.<sup>8</sup>

Модернизационные процессы болезненно воспринимались большой частью помещного дворянства. Помимо «оскудения» дворянского землевладения, в этой среде по-прежнему сохранялось неуважение к крестьянам. Контент-анализ выступлений помещного дворянства на корпоративных и земских собраниях, писем, дневников, воспоминаний позволил выявить оценочные суждения и социально-психологические реакции помещиков на поведение крестьянства. Среди определений

данному крестьянскому сословию преобладают эпитеты: «невежественный», «глупый», «подлый», «ленивый», «несчастный», «бедный», «некультурный», «темный», «неграмотный», «темная масса». Небезынтересны оценочные высказывания, относящиеся к революционному выступлению крестьян: «бунт», «крамола», «пугачевщина», «грабеж», «бедствие», «измена».<sup>9</sup>

Для прагматиков-дворян (их количество было явно невелико) было свойственно стремление увеличить число членов дворянских корпораций путем приема в эту среду лиц православного вероисповедания, владевших землей и зарекомендовавших себя с положительной стороны в общественной деятельности.<sup>10</sup> Однако данное предложение А.А. Наумова, являвшегося губернским предводителем в Самаре, не встретило понимания в своей среде. Симптоматичной была позиция представителей поместного дворянства, отвергших компромисс с правительством П.А. Столыпина в прениях о проектах реформ в Совете по делам местного хозяйства. Конфронтационность «старой гвардии поместных землевладельцев» блокировала саму возможность проведения столь очевидных преобразований в сфере местного управления.<sup>11</sup>

Вместе с тем, исследователями обращается внимание на формирование новой социальной группы – дворянской интеллигенции, что, в свою очередь, содействовало сближению дворян с другими земельными собственниками, а также вхождение её в состав буржуазии<sup>12</sup>

Достаточно противоречивым оставалось положение крестьянства, облик которого претерпевал существенные изменения под влиянием событий начала XX века. В отчете, адресованном Директору Департамента полиции, отмечалось, что «сельское население по своему направлению можно подразделить на три части: первая – старики, люди спокойные, в большинстве религиозные, по своим убеждениям – монархисты; вторая – люди среднего возраста, участники аграрных движений в 1905-06 гг.; третья часть – молодежь, в большинстве просто развращенные, хулиганствующие люди, не признающие никаких авторитетов».<sup>13</sup> Заметим, что властям не удалось разработать комплекс мер, призванных учесть растущую дифференциацию доходов и усиление конфликтности в деревенской среде.

Новации, порожденные модернизационным процессом, призванные совершенствовать хозяйствование в сельской общине, не редко порождали отторжение правительственных проектов. При реализации аграрной реформы П.А. Столыпина, как отмечал корреспондент «Саратовского листка», «было распространено предубеждение, что крестьяне по свойственному им инертности и консерватизму отнесутся к господским проектам, если не отрицательно, то индифферентно».<sup>14</sup> С другой стороны, сохранялась подозрительность в оценках намерений властей. Когда прибывший в одно из сел под Симбирском губернатор пытался убедить

слушателей в преимуществах выхода из общины, крестьяне предпочли отправить своих представителей «за советом» в землеустроительные комиссии. Но посланцы, вернувшись из города, не смогли развеять предубеждений односельчан: «Правительство велит вот нам на вырезку укрепиться... Как нам лучше? А нам сумнительно».<sup>15</sup> Подобные настроения были характерны не только в крестьянской среде. Общественный и государственный деятель Ф.В. Шлиппе вспоминал, что московский губернский предводитель дворянства А.Д. Самарин демонстративно не являлся на заседания губернской землеустроительной комиссии, членом которой он состоял согласно уставу. А на состоявшемся в Москве Всероссийском съезде земских агрономов один из докладчиков представил ряд тезисов, в которых призвал к порицанию переход к единоличному хозяйству.<sup>16</sup>

Проблемы восприятия передового опыта хозяйствования крестьянства российской провинции постоянно вызывали повышенное внимание в различных стратах общества. В этой связи заслуживает особого внимания исследование американского историка Я. Коцониса, посвященное развитию сельскохозяйственных корпоративов в России в контексте аграрного вопроса. Автор далек от оценки кооперации как своего рода «ключа» к решению аграрного вопроса. Резюмируя, Я. Коцонис утверждает: «Теория и практика кооперативного движения в России свели образ самостоятельного кооперативного крестьянства к логическому оксюморону, а право, традиционные представления и местная практика продолжали твердить, что в сельской среде нет иной власти, кроме, как привнесённой извне. Закон и его практическое исполнение не способствовали также и формированию самосознания местного общества».<sup>17</sup> Заметим, что последнее суждение автора монографии общественной активности крестьянства в период избирательных кампаний по выборам в Государственную Думу говорит об обратном. При этом следует согласиться с выводом о том, что процесс вовлеченности в избирательные кампании имел региональные особенности, как различной была и степень вовлеченности населения, когда участие в выборах ограничивалось лишь выбором выборщиков.<sup>18</sup>

Начало XX века – период, связанный с глубокими переменами в облике рабочих. Их повседневная жизнь была далека от многих оценок, сформулированных в работах ряда историков. Новейшие исследования 1990-х-2000-х гг. внесли глубокий вклад в осмысление содержания рабочего движения.

А.М. Беловым отмечалось, что до начала революции 1905-1907 гг. рабочие России предпочитали практические действия теоретическим рассуждениям лидеров социал-демократии, явно отстававших от динамики общественно-политического процесса. Игнорировать рабочий вопрос не могли те политические партии, которые возникли в условиях нарастания

протестного движения, вовлекшего в свою орбиту новые социальные группы.<sup>19</sup>

Политизация рабочих проходила достаточно сложно. Нижегородский краевед Д.Н. Смирнов, современник событий начала XX века, в своих неопубликованных в советские годы очерках, оставил воспоминания об облике городских рабочих, часть которых «ради двух-трех часов иллюзий, миражей и самообмана ходили по воскресеньям в трактиры».<sup>20</sup>

Другая часть рабочих впитывала новые ценности. В 1897 г. усилиями сормовских учителей и заводских интеллигентов была устроена библиотека – читальня, организованы любительские актерские кружки.<sup>21</sup>

Неоднозначность суждений о своем месте в меняющейся России может быть уяснена с учетом привнесенных в городскую среду деревенских стандартов поведения. Речь идет, во-первых, о понимании самодержавия не как государственного устройства, а как произвола администрации. Во-вторых, достаточно ярко проявлялось негативное отношение к частной собственности. Наконец, вплоть до 1905 г. в рабочей среде сохранялось господство патриархально-патерналистских отношений.<sup>22</sup>

Уяснить причины радикализации в рабочей среде (особенно в февральском Петрограде) возможно с учетом вступления в активную политическую жизнь нового поколения городской молодежи, достигшего трудового возраста после революции 1905-1907 гг. Л. Хаймсон конкретизировал ее облик со свойственной ему точностью: «Не имея опыта революционной борьбы она не знала и горечи поражений, не участвуя в профсоюзном движении и других рабочих организациях в годы реакции, она не испытала и их здорового влияния. Именно эта молодежь, «горячая и импульсивная», «не закаленная в классовой борьбе», служила в это время средним звеном между лидерами партии большевиков и трудовыми массами».<sup>23</sup>

В конечном итоге, новое поколение стало активной мощной силой социально-политического протеста, взорвавшего страну в 1917 г. По замечанию В.П. Булдакова, «фактор так называемой юношеской деструктивности перерос рамки конфликта «отцов и детей» и стал социально значимой силой».<sup>24</sup>

Изучение состояния российского общества в контексте модернизационного процесса позволяет прийти к выводу о сохраняющемся социокультурном расколе в обществе, крайней болезненности адаптации различных страт к переменам. Привнесение норм общинной жизни в городскую среду отражалось на мироощущениях и стандартах социального поведения населения, вовлекавшегося в политическую жизнь без должного осмысления опыта реформирования.

Подобные явления порождали новые деструктивные процессы, переросшие в общенациональный кризис.

- 
- <sup>1</sup> Шелохаев В.В. Общенациональные интересы в конфронтационном обществе // Россия: государственные приоритеты о национальные интересы / отв. ред. О.В. Волобуев. М.: РОССПЭН, 2000. С.214.
- <sup>2</sup> Киреев А.А. Россия в начале XX столетия. СПб., 1903. С.14.
- <sup>3</sup> Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина/Публикация, вступительная статья и комментарии И.В. Лукоянова//Нестор. 2000. №3. С.40.
- <sup>4</sup> Там же.С.40-43.
- <sup>5</sup> Там же.С.48-49.
- <sup>6</sup> Там же.С.49.
- <sup>7</sup> Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX–начало XX веков). – М.: Готика, 2006. С.165-166.
- <sup>8</sup> Фирсов С.Л. Николай II: пленник самодержавия. – М.: Молодая гвардия, 2010. С.208.
- <sup>9</sup> Баринаева Е.П. Российское дворянство в начале XX века: социокультурный портрет. – Самара: Издательство «Самарский университет», 2006. С.164.
- <sup>10</sup> Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний 1868-1917. Книга I. – Нью-Йорк, 1954. С.347.
- <sup>11</sup> Могилевский К.И. Столыпин и общество: опыт взаимодействия по делам местного хозяйства// «Проблемы российской и социальной истории: Сборник научных статей/Под ред. Н.А. Носкова. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2011. С.256.
- <sup>12</sup> Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII–начало XX века). – М.: Новый хронограф, 2010. С.226.
- <sup>13</sup> Государственный архив Саратовской области. Ф. 53. Оп. 8. Д. 21. Л.Л. 10 об.-11.
- <sup>14</sup> Саратовский листок. 1909. 6 апреля.
- <sup>15</sup> Народные вести. 1908. 25 февраля.
- <sup>16</sup> Шлиппе Ф.В. «Построить здоровую Россию на основах сильного крестьянства»// П.А. Столыпин глазами современников/Под общ.ред. П.А. Пожигайло. М.: РОССПЭН, 2008.С.190.
- <sup>17</sup> Коцонис Я. Как крестьян делали отстающими: сельскохозяйственные кооперативы и аграрный вопрос в России 1861-1914 гг. – М.: Новое литературное обозрение, 2006.С.279.
- <sup>18</sup> Селунская Н.Б., Тоштендаль Р. Зарождение демократической культуры: Россия в начале XX века. М.: РОССПЭН, 2005.С.318.
- <sup>19</sup> Белов А.М. Рабочие и самоопределение политических партий России в 1905-1907 гг.//Рабочие-предприниматели-власть в конце XIX -начале XX вв.: социальные аспекты проблемы. Материалы V Международной научной конференции. Кострома, 23-24 сентября 2010 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.rummuseum.ru/zabochie\\_515.php](http://www.rummuseum.ru/zabochie_515.php).
- <sup>20</sup> Смирнов Д.Н. Очерки жизни и быта нижегородцев в начале XXвека. – Н.Новгород: РИ «Бегемот», 2001.С.112.
- <sup>21</sup> Там же. С.104.
- <sup>22</sup> Борисова А.В. Влияние крестьян-отходников на менталитет рабочего класса // Предприниматели и рабочие России в трудах историков XX века. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти профессора М.Н. Белова. Ч.1. Кострома: Изд-во КГУ им. Н.А. Некрасова. 2001.С.134-135.

---

<sup>23</sup> Хаймсон Л. Проблемы социальной стабильности в городской России 1905-1917 гг. // Нестор. 2000. №3. С.137.

<sup>24</sup> Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. С.23.

**Е.А. Беседина**

**Актуальные проблемы историографии изучения механизмов  
адаптации российских крестьян к городской жизни  
на рубеже XIX-XX вв.**

Процессы модернизации, происходившие в России в конце XIX – начале XX вв. не могли не отразиться на изменении социальной структуры общества, различные аспекты изучения которой стали актуальными проблемами в современной отечественной историографии<sup>1</sup>. В частности, к числу важнейших вопросов можно отнести изучение миграционных процессов, охвативших российское общество на рубеже веков, и как следствие этих процессов — адаптационные практики тех слоев населения, которые так или иначе изменили свое социальное положение.

Важнейшей составляющей частью миграционных потоков необходимо назвать переселенческое движение на окраины империи, вызванное аграрным перенаселением Европейской России и усилившееся в 1890-е гг. Также причиной роста миграционной активности сельского населения стал процесс социально-экономической дифференциации крестьянства, наиболее ускоренными темпами проявившийся в районах распространения торгового земледелия. Одновременно наблюдался и массовый отток крестьян в города в поисках работы<sup>2</sup>. В пореформенный период (до начала XX в.) количество крестьян – горожан выросло в 4,6 раза.

Изучение механизмов адаптации крестьян к городской жизни ставит перед исследователями необходимость решения ряда задач, обусловленных социально-стратификационными, экономическими, юридическими, социокультурными аспектами<sup>3</sup>.

В числе важнейших вопросов, к которым обратились отечественные исследователи социальной истории в последнее время, можно назвать этот – что представлял собой российский город на рубеже XIX – XX веков?

Б.Н. Миронов в своем фундаментальном исследовании по социальной истории России периода Империи убедительно доказал, что начиная с XVII в. и город, и деревня проделали большой эволюционный путь. С точки зрения изучения различий между городом и деревней, автор предложил новую периодизацию: «1) до середины XVII в.: город и деревня

---

<sup>1</sup> © Е.А.Беседина, 2012

не были отделены друг от друга, а представляли как бы единое административное, социальное, экономическое и культурное пространство; 2) середина XVII в. – 1775 – 1785 гг.: происходило отделение города от деревни во всех аспектах; 3) 1785 – 1860-е гг.: город отделился от деревни экономически и их дифференциация во всех отношениях достигла своего апогея; 4) 1860-е гг. – 1917 г.: дифференциация города и деревни сменилась процессом их интеграции»<sup>4</sup>. При этом исследователь сделал важный вывод о том, что необходимо отказаться от историографической традиции рассмотрения города и деревни как противоположностей, особенно применительно к периоду второй половины XIX – начала XX вв.<sup>5</sup>.

Историк особо подчеркнул возрастающее влияние, начиная с пореформенных десятилетий, деревни на «культуру и менталитет горожан, прежде всего рабочего класса». Массовая миграция крестьян в города послужила причиной процесса «окрестьянивания» городского населения, что, по мнению Б.Н. Миронова, тормозило формирование буржуазного образа жизни<sup>6</sup>.

В целом, история городских центров на рубеже XIX – XX вв., ее социально-экономических, социокультурных аспектов, повседневной жизни городского населения стала одной из центральных тем современной отечественной историографии.

Изучение массовых миграционных процессов из деревни в город привело к пониманию того, что приобщение людей к новым ценностям шло намного медленнее, чем сам рост городов. В результате в фабричных поселках и на рабочих окраинах промышленных центров происходило сосредоточение людей, не уверенных в своем будущем, пытавшихся порвать с прошлым, смутно ориентировавшихся в настоящем.

Современная отечественная историография дает примеры изучения миграционных процессов в контексте теории маргинальности. Рассмотрев малоизученные проблемы российской модернизации, Т.М. Братченко и А.С. Сенявский пришли к выводу не только о ее либеральной форме, но и о том, что ее социальными последствиями стала массовая маргинализация российского общества<sup>7</sup>, проявившаяся дихотомично.

Социальная маргинализация проявлялась, с одной стороны, в том, что город – «социальный авангард» модернизации – оказался наводнен, как сказали бы сегодня, сельскими мигрантами, – огромной массой людей, неадаптированных к условиям, нормам, ценностям, моделям урбанизированной жизни»<sup>8</sup>. С другой, в течение, по крайней мере,



полувек а происходило «размывание» традиционалистской, патриархальной, общинной деревни, - как основ ее жизни, так и менталитета крестьянства, дезориентация в нормах и ценностях. Авторы поддержали вывод о том, что в этом можно видеть одну из причин социальных потрясений, испытанных нашей страной в XX в.

Маргинальные слои населения в социальной структуре Москвы второй половины XIX в. изучены Ю.М. Полянской. Исследователь рассмотрела особенности экономического положения, правового статуса, социально-психологических характеристик данного слоя<sup>9</sup>. Автор обратила внимание на проблему связи мигрантов, ставших рабочими, с прежней социальной средой через наличие земледельческого хозяйства: зависимость от прежней социальной среды породила весьма шаткое экономическое положение группы<sup>10</sup>. Связь с землей обуславливала наличие смешанных деревенско-городских черт психологического склада этой социальной группы.

По-прежнему привлекает внимание исследователей комплекс вопросов, связанных с изучением крестьянского отходничества<sup>11</sup>.

Работы О.В. Смуровой наглядно показывают, каким образом социально-экономическое исследование проблемы может быть дополнено социокультурным аспектом изучения неземледельческого отходничества как социального явления на рубеже XIX-XX веков<sup>12</sup>. Впервые в отечественной историографии на основе историко-культурологического подхода в качестве самостоятельной проблемы автором был рассмотрен неземледельческий отход крестьян в российские столицы в контексте его влияния на эволюцию образа жизни. Автору удалось изучить каналы, формы и степень влияния отходников на представителей городских сословий, их образ жизни; воссоздать картину пребывания крестьянина-отходника в городе; охарактеризовать наиболее типичные изменения в образе жизни деревни под влиянием отхода крестьян на заработки.

Перемещаясь в город, попадая в иную социальную среду, привлекательную своей возможностью альтернативной деятельности, крестьянин должен был выработать алгоритм поведения, позволявший, с одной стороны, преодолеть свое различие с горожанами, а с другой, оставаться «своим» в кругу земляков. Своеобразным пропуском в другое социальное пространство стал городской костюм. Манеры, привычки, стереотипы повседневного поведения крестьянина-отходника также менялись под воздействием городских слоев. Устойчивой становилась привычка к чтению газет, позволявшая кроме всего прочего

компенсировать нехватку общения в городе. По наблюдениям О.В. Смуровой, «стремление больше выглядеть горожанином усиливалась во время приезда в деревню», но «подобная приверженность новшествам носила временный характер и была как бы съемной»<sup>13</sup>. Более того, в столице, «он даже пытался воссоздать формы общения, свойственные деревенской среде» (гуляния, кулачные бои). Таким образом, «островки» деревенской культуры сохранялись в городском социо-культурном пространстве и также становились одним из вариантов адаптационных практик крестьян.

В современной историографии формируется устойчивый интерес к социальной истории детства<sup>14</sup>. И в этой связи можно сказать, что особым аспектом изучения проблемы отходничества и адаптации крестьян в городской среде выделяется проблема изучения воспитания детей крестьян-отходников и городского ученичества крестьянских детей.

По наблюдениям О.П. Илюха, подростковое отходничество на рубеже XIX-XX вв. «оставалось одной из распространенных форм социального лифта, выбор которого осуществлялся родителями сообразно с их видением жизненной стратегии собственных детей». В условиях городского ученичества подросток оказывался вырванным из привычной детской и крестьянской повседневности и «в одночасье оказывался в повседневности взрослой, результатом чего являлась ускоренная социализация <...> преждевременное освоению социальных ролей взрослого человека, различного рода девиации»<sup>15</sup>.

К числу актуальных тем, имеющих отношение к вопросу адаптации крестьян в городской среде, можно отнести и проблему городского фольклора как феномена массовой культуры начала XX в. По наблюдению Е.Р. Секачевой, в условиях, когда для известной части населения разрыв с традиционной культурой формировал новые потребности, когда новый образ жизни требовал иных регулирующих культурных норм, «городской фольклор стал продуктом культурного кризиса, изменения в системе ценностей на рубеже XIX – XX вв., культурного перелома»<sup>16</sup>. В нем сочетается и традиция крестьянского фольклора, и тенденции, характерные для массовой культуры.

---

<sup>1</sup> Наприм., Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX- начале XX века. М.: Наука, 2004.

<sup>2</sup> Мякотина С.В. Российское общество конца XIX – начала XX вв. в контексте модернизации в современной отечественной историографии // Проект Ахей [http://mmj.ru/new\\_history.html?&article=204&cHash=9ab8a7222b](http://mmj.ru/new_history.html?&article=204&cHash=9ab8a7222b) 21.09. 2004.

<sup>3</sup> Одним из центров изучения проблем истории города и деревни стал межвузовский научно-образовательный центр «Новая локальная история», регулярно проводящий конференции по различным аспектам исследования этой проблемы.

<http://www.newlocalhistory.com/node/45>

---

<sup>4</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.) СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. Т. I. С.282.

<sup>5</sup> Там же. С. 349.

<sup>6</sup> Там же. С. 342.

<sup>7</sup> Братченко Т.М., Сенявский А.С. Раннеиндустриальная модернизация дореволюционной России // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2007. Т.9. № 2. С. 315-326.

<sup>8</sup> Там же. С. 325.

<sup>9</sup> Полянская Ю.М. Классические маргинальные слои в социальной структуре Москвы второй половины XIX в. // Экономическая история. Обзорение / Под ред. Л.И.Бородкина. Вып. 9. М.,2003. С. 112-121

<sup>10</sup> Там же. С. 121.

<sup>11</sup> Полянская Т.М. Отхожие промыслы крестьян Московской губернии в конце XIX – начале XX вв. Автореф... дисс. канд. ист. наук. М., 2008.; Александров М.Н. Отход как форма обеспечения рабочей силой промышленности России в конце XIX- начале XX в. (по материалам губерний Верхнего Поволжья) // Рабочие – предприниматели – власть в конце XIX – начале XX в.: социальные аспекты проблемы: материалы V Междунар. науч. конф.: в 2 ч. / отв. ред., сост. А. М. Белов. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010 – Ч. I. С. 103-110.; Ратьков А. От отходника до гастарбайтера // Актуальная история <http://actualhistory.ru/gasterbaitery> и др.

<sup>12</sup> Смурова О.В. Неземледельческий отход крестьян в столицы и его влияние на трансформацию культурной традиции в 1861–1914 гг. (по материалам Санкт-Петербурга и Москвы, Костромской, Тверской и Ярославской губерний): Кострома, 2003.

<sup>13</sup> Смурова О.В. Характеристика столичного образа жизни и социально-психологические изменения в среде крестьянства // Вестник Костромского государственного технологического университета. 2008. №19. С. 40.

<sup>14</sup> Илюха О.П. Традиционные и новые пути социализации подрастающих поколений в карельской деревне в конце XIX - начале XX вв. // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: Материалы IV Международной научной конференции «Рябининские чтения-2003». / Отв. Ред. Иванова Т.Г. Петрозаводск, 2003; Она же. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX-XX вв.: модернизация и этнокультурная традиция. Автореф... дисс... докт. Ист. наук. СПб, 2010.

<sup>15</sup> Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне... С. 26.

<sup>16</sup> Секачева Е.Р. Городской фольклор как феномен массовой городской культуры начала XX в. // Новый исторический вестник. 2001. №5. С. 67-74.

**А.Ю. Володин**

### **Фабричная реформа и фабричные инспектора в Российской Империи в 1880-е годы**

Трудовые отношения в пореформенной России переживали существенные изменения. Бурный рост промышленности, а в связи с ней и рабочего класса оказывали существенное влияние на капиталистическое развитие Империи. Предприниматели и управляющие предприятий

---

<sup>1</sup> ©А.Ю. Володин, 2012

становились нанимателями, а рабочие их фабрик и заводов превращались в наёмных работников. Подобные отношения найма должны были быть не только урегулированы трудовым договором, за ними следовало установить надзор. Опыт реализации фабрично-заводских законов (предтечи трудового права) уже в середине XIX в. свидетельствовал, что нормы без постоянного надзора остаются мертвой буквой. Общая для Европы практика доказывала необходимость создания государственного учреждения, осуществляющего контроль за взаимоотношениями рабочих и предпринимателей, а также для разрешения конфликтов между ними.

Классическим примером подобного органа надзора стала инспекция, созданная в 1830-е гг. в Великобритании в рамках т.н. фабричной реформы. Вслед за Англией инспектораты стали появляться во многих странах Европы (в немецких землях, Дании, Франции, Швейцарии, Австро-Венгрии). Подобная государственная служба появилась и в России в 1882 г.

Формирование историографии фабричной инспекции относится к первым годам становления самого института. Первые отчеты инспекторов (И.И. Янжул, П.А. Песков, Я.Т. Михайловский), описывающие успехи и неудачи введения в действие фабричного закона 1882 г., являются первыми живыми свидетельствами истории нового учреждения<sup>1</sup>. Подробная критика фабричного законодательства и фабричной инспекции звучит на страницах труда В.П. Безобразова<sup>2</sup>. Журналы как литературные, так и специальные рассматривают историю фабричной инспекции, предлагая свое мнение по вопросам ее развития.

Особым периодом в изучении истории фабричной инспекции стало первое десятилетие XX века. Выходят исторические исследования и воспоминания ведущих деятелей инспектората (А.Н. Быков (Ф. Павлов), В.Е. Варзар, Е.М. Дементьев, А.К. Клепиков (С. Гвоздев), В.П. Литвинов-Фалинский, А.А. Микулин, В.В. Святловский, И.И. Янжул)<sup>3</sup>, а вместе с ними и полемические статьи о пути развития фабричной инспекции в России (В.И. Ленин, М.Г. Лунц)<sup>4</sup>.

В советской историографии фабричная инспекция исследовалась в контексте вопросов охраны труда (С.И. Каплун<sup>5</sup>), изучения фабрично-заводского законодательства (И.И. Шелымагин<sup>6</sup>) и проблем антирабочей политики царского правительства (А.Ф. Вовчик<sup>7</sup>). В.Я. Лаверычев изучил роль фабричной инспекции в правительственной политике по рабочему вопросу<sup>8</sup>, Л.Е. Шепелев – в торгово-промышленной политике царизма<sup>9</sup>.

Российский опыт фабричной инспекции был исследован и зарубежными исследователями (Дж. Уолкин, Т. фон Лауэ, Ф. Джифин, Й. фон Путткамер др.)<sup>10</sup>.

В России развитие фабричного инспектората было во многом отличным от европейских прототипов. Отличия состояли в фактическом отсутствии профессиональных союзов, в специфике подчинения института

инспекторов центральным учреждениям власти и, как следствие, межведомственной борьбе за управление инспекцией, и, что особенно важно, в постоянном запаздывании принципиальных решений по рабочему вопросу. Рассмотрению названных отличий и посвящена статья, призванная объяснить, каким образом задуманный независимым институт по контролю за конфликтами рабочих и предпринимателей оказался неспособным предупредить и урегулировать конфликт рабочих и предпринимателей в 1905 г.

Отмена крепостного права явилась «переломным пунктом» индустриального развития России, сопровождавшегося формированием двух новых классов российского общества – рабочих и предпринимателей. Предоставив свободу миллионам крестьян, реформа 1861 г. положила начало формированию широкого рынка свободной рабочей силы. Число всех категорий рабочих в стране за 1860-1900 г. выросло с 3,2 млн. до 14,0 млн. человек, или в 4,4 раза. На крупных промышленных предприятиях в 1860 г. было занято 720 тыс., а в 1900 г. – уже 3,20 млн. человек. Отряд индустриальных рабочих составлял более 20% общей численности рабочего класса<sup>11</sup>. Решение “рабочего вопроса” становилось государственной необходимостью.

Первые реформистские порывы в области рабочего движения были заявлены во второй половине 1850-х гг. Однако, создание многочисленных комиссий (самые известные — А.Ф. Штакельберга, И.П. Игнатьева, П.А. Валуева) привело больше к накоплению интеллектуального опыта, чем к конкретным решениям. В то же время можно говорить и о том, что как раз в борьбе этих проектов сложилось основное направление решения все более ясного “рабочего вопроса”. Л.В. Куприянова указывала на то, что «уже тогда наметился отказ от либерально-буржуазного принципа свободы отношений между трудом и капиталом и связанной с ней свободой стачек и рабочих организаций, рабочего представительства в выборных органах (в частности — в промышленных судах по проекту комиссии Штакельберга), что оказалось несовместимым с самодержавным строем»<sup>12</sup>. Формирование правовых основ отношений рабочих и предпринимателей проходило *in spe*.

Сильный подъем рабочего движения смог ускорить законодательную работу. Высочайше утвержденное 12 мая 1880 г. мнение Государственного совета указывало на более или менее существенные неудобства в узаконениях о найме, что стало достаточным основанием для разработки проекта министрами, прежде всего, финансов и внутренних дел.

В 1880 г. в программной записке Н.Х. Бунге «Улучшение положения промышленности, обрабатывающей и торговой» писал, что «Россия не имеет законов, регулирующих наемный труд, т.е. определяющих возраст малолетних, употребляемых в работы, продолжительность дневных и ночных занятий»<sup>13</sup>. Уже будучи министром финансов, Н.Х. Бунге выражал

обеспокоенность нерешенностью вопроса о законных отношениях предпринимателей и рабочих, т.к. за отсутствием регламентации могут скрываться, помимо прочего, и массовые выступления рабочих. После своей отставки в записке, адресованной императору, Н.Х. Бунге опять же отмечал необходимость борьбу с социалистическими идеями, как с помощью рабочего законодательства, так и с специальными мерами «по установлению более тесной связи между интересами рабочих и фабрикантов»<sup>14</sup>. Именно воззрения Н.Х. Бунге определили суть первого фабричного закона Российской империи, внесенного в Государственный совет по его представлению<sup>15</sup>. В России началась эра фабричного законодательства<sup>16</sup>.

1880-е гг. открыли новую эру: законы 1882, 1884, 1886, 1894 и 1899 гг. можно считать этапами фабричной реформы, как по примеру Великобритании называли в XIX веке череду законов, которые устанавливали нормы труда сначала детей, потом женщин и, наконец, всех наёмных рабочих<sup>17</sup>. Понятно, что Высочайше утвержденное мнение Госсовета «Об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, поступающими на оные по найму» от 24 мая 1835 г.<sup>18</sup> уже не соответствовало реалиям времени<sup>19</sup>. Проекты 1830-40-х гг., в частности, «мануфактурной расправы» и «института посредников» с выборными от рабочих не были одобрены властями. Однако жизнь не снимала вопроса с повестки дня, представляя все новые примеры неудовольствия как рабочих, так и работодателей.

Выработанный по Министерству финансов и внесенный в Государственный совет за подписью четырех министров — народного просвещения А.П. Николаи, юстиции Д.Н. Набокова, внутренних дел Н.П. Игнатьева и финансов Н.Х. Бунге – законопроект об ограничении работы малолетних и об учреждении особой инспекции для надзора за работою и обучением малолетних содержал статью об учреждении инспекторского надзора на частных промышленных предприятиях России<sup>20</sup>. Многие современники признавали за начинанием 1882 г. принципиальное значение. Несмотря на противодействие московских фабрикантов, правительство сделало первый шаг в области защиты интересов рабочих. «Фабричный инспектор, – как отмечал, в частности, М.И. Туган-Барановский, – эта новая фигура на фабрике – должен был внести новые начала в отношения хозяев к рабочим»<sup>21</sup>.

С инициативой развития фабричного законодательства выступает министр внутренних дел Д.А. Толстой. Видимо, предполагая, что фабрики и заводы, которые всё чаще становятся центрами “общественного беспокойства” могут выйти вовсе за сферу компетенции его ведомства, Д.А. Толстой пишет Н.Х. Бунге о самой настоятельной необходимости «ныне же приступить к составлению, в развитие фабричного действующего законодательства, таких нормальных правил, которые в

известной степени, ограничивая произвол фабрикантов, способствовали бы устранению в будущем повторения прискорбных случаев рабочих выступлений»<sup>22</sup>. Создание особой комиссии по данному вопросу поручается товарищу министра внутренних дел В.К. Плеве<sup>23</sup>. По этой причине грядущий фабричный закон выйдет по представлению МВД. Первый его проект был вынесен на обсуждение 19 мая 1885 г. под названием «О надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих»<sup>24</sup>.

Новый этап развития фабричной инспекции начался с изданием 3 июня 1886 года закона «О найме рабочих на фабрики, заводы и мануфактуры и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих». А.А. Микулин (мнение 1906 г.) считал, что этот закон – «краеугольный камень ныне действующего законодательства»<sup>25</sup>. В.П. Литвинов-Фалинский указывал на то, что основу взаимоотношений «были положены начала договорного права со многими однако изъятиями, исключаящими равенство договаривающихся сторон»<sup>26</sup>. С.И. Каплун уже годы спустя утверждал, что этот закон вводит во внутреннюю фабричную жизнь «некоторую “конституцию”, известные строго определенные правовые взаимоотношения между предпринимателями и рабочими, которые обязательны для обеих сторон под угрозой кары»<sup>27</sup>.

Действительно, как содержание, так и последствия закона были очень важны. «Приведя три существенных закона, которыми взяты были под особую защиту детский и женский труд, Министерство финансов приступило к коренной реформе существовавших до тех пор условий найма рабочих»<sup>28</sup>. Именно на законе 3 июня 1886 г. держалось фабричное законодательство в России до Октябрьской революции 1917 г. Для фабричных инспекторов этот закон был долгожданным расширением объемов надзора. Теперь в интерес фабричного инспектора входили не только малолетние и женщины, но и вся сфера взаимоотношений рабочих и предпринимателей, сфера их договорных отношений. Однако, такая трактовка была ограничена территориально. Как известно, закон разделялся на две части. В первой части собственно трактовались понятие взаимоотношений рабочих и фабрикантов, их условия, права и обязанности. Во второй же части закона, названной «Правила о надзоре за заведениями фабрично-заводской промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих», содержались правила и формальные требования надзора, который распространялся только на Петербургскую, Московскую и Владимирскую губернии. Таким образом, складывалась парадоксальная ситуация – фабричный надзор существовал в 9 *округах*, надзор же за взаимоотношениями рабочими и предпринимателей утверждался лишь в 3-х *губерниях*. Штат фабричной инспекции увеличивался на десять помощников.

Сложилась удивительная ситуация, которая, возможно, имела корни в желании изменить, реформировать систему управления фабричной жизнью. Существующая схема административно-территориального выделения округов надзора фабричной инспекции делала их совершенно независимыми от местных властей. Таким образом, можно предположить, что уменьшение “уровня” надзора с округа на губернию имело далекие планы подчинения фабричных инспекторов губернской власти. Первым органом, “включающим” фабричных инспекторов в орбиту влияния местной власти стали, учрежденные законом 3 июня 1886 г. губернские по фабричным делам присутствия. Главными исполнителями новых законов 1880-х гг. становились фабричные инспекторы.

Несмотря на принципиальное и важное решение для отечественной промышленности, появление новой фигуры – фабричного инспектора – осложнялось. Во-первых, действие закона было отложено до мая 1883 г. (почти на год!), из-за бюрократической и канцелярской волокиты, а также под нажимом, в первую очередь, московских фабрикантов, этот срок был отодвинут еще на год, до 1 мая 1884 г. Во-вторых, не так-то просто было найти и подходящих людей для нового и важного дела, требующего сочетания как личных нравственных качеств, так и глубоких знаний экономических, законодательных и технических. Поэтому восторженное восклицание “19 февраля!” московский прокурор П.Н. Обнинский продолжает замечанием о зловещей аналогии – «и тогда, точно так как теперь, выпало на нашу личную долю приводить в исполнение закон, которого так горячо ждала жизнь и который так холодно принимали люди: внизу – злобное сопротивление, сверху – циркуляры и “разъяснения”, и только в глубине непорочного сердца мечтателей-исполнителей святая верность великой идее законодателя и юношеский жар в тщетном стремлении воплотить эту идею во всей ее девственной чистоте и неприкосновенности»<sup>29</sup>. Мечтателями-исполнителями стали инспектора “первого призыва”.

Начало личному составу инспектората было положено 27 июня 1882 г. в 1 час дня в ресторане Промышленной выставки в Москве. По письменной договоренности в этом месте встречались Е.Н. Андреев, занятый по отделению кустарной промышленности и уже надеющийся получить должность главного фабричного инспектора, и И.И. Янжул, приехавший специально ради этой встречи с дачи в Соколове. Предметом обсуждения было предложение Е.Н. Андреева И.И. Янжулу стать фабричным инспектором в Московском округе, объединившем Московскую, Тверскую, Смоленскую, Тульскую, Рязанскую, Калужскую губернии. На этой же встрече Янжул предложил к рассмотрению на должность фабричного инспектора кандидатуру П.А. Пескова, известного своими санитарными исследованиями во Владимирской и Московской губерний. Так, началась фабричная инспекция в России.<sup>30</sup> 23 июля 1882 г.



Е.Н. Андреев был назначен первым главным фабричным инспектором в России<sup>31</sup>.

Предложение Е.Н. Андреева вызвало многие размышления и переживания у И.И. Янжула, но вскоре, «взвесив по-Франклиновски доводы pro и contra», он дал принципиальное согласие<sup>32</sup>. Иван Иванович Янжул (родился в 1845/46), сын черниговского дворянина, ученик “Благородного пансиона” при рязанской гимназии, окончивший Московский Университет, был известен и среди ученых и среди промышленников. Экономистам были известны его “Исследование о косвенных налогах” (1874 г.) и два тома “Английской свободной торговли” (периоды меркантильный и свободной торговли, изданные в 1876, 1882 годах). И.Х. Озеров писал, что «едва ли есть вопрос из прикладной политической экономии, который бы не затронул Янжул в его многочисленных научных или публицистических трудах»<sup>33</sup>. Известен был Янжул и по деятельности т.н. “Саблинской” комиссии, инициированной московским губернатором князем В.А. Долгоруковым, “для осмотра фабрик и заводов в Москве”. В первом выпуске “Трудов комиссии” И.И. Янжул опубликовал перевод английских фабричных законов с пояснениями, исследование об инспекторате в Швейцарии и Англии и об ответственности хозяев за несчастия с рабочими<sup>34</sup>. Также Янжул опубликовал в 1882 г. в “Отечественных записках” статью о труде малолетних и женщин. Иными словами, по трудам он был известен многим, в том числе и Н.Х. Бунге. И.И. Янжул вспоминал даже, что на первой встрече с Н.Х. Бунге министр отметил: «Мне хорошо известны все Ваши труды по рабочему вопросу и мы должны просить Вашего извинения, что, – как он выразился, – Вас несколько обобрали по этому предмету»<sup>35</sup>. По мнению Н.Х. Бунге, всегда чрезвычайно важен «в каждом новом учреждении первый состав служащих, который, так сказать, служит прецедентом и образцом для будущего»<sup>36</sup>. “Первый призыв” фабричных инспекторов вышел поистине образцовым, но не многочисленным. 30 августа 1882 г. И.И. Янжул был утвержден «в должности инспектора над занятиями малолетних» Московского округа<sup>37</sup>. 7 ноября 1882 г. П.А. Песков стал фабричным инспектором Владимирского округа<sup>38</sup>.

Несмотря на малый состав фабричная инспекция приступила к работе. Как уже упоминалось, действие закона 1 июня 1882 г. откладывалось, что, с одной стороны, размывало основания деятельности фабричной инспекции, а, с другой стороны, изменяло самый характер этой деятельности. Главным назначением фабричной инспекции в первый год ее существования стало собирание и обработка сведений о фабриках и завода, прежде всего, Московской и Владимирской губерний, а также их округа, объединенной в округа, соответственно Московский и Владимирский.

Так, И.И. Янжул указывает на отношение № 15 от 17 сентября 1882 г., в котором главный фабричный инспектор Е.Н. Андреев ознакомил окружных фабричных инспекторов с характером их отношений к владельцам промышленных заведений и к полиции и изложил программу деятельности до вступления в силу закона 1 июня 1882 г. Ближайшим делом инспекторов должно было стать посещение и осмотр фабрик и иных промышленных заведений «в видах собрания сведений». Е.Н. Андреев просил инспекторов заносить в путевые заметки даже не являющиеся предметом специального исследования стороны фабричного быта (особенно его волновало соотношение заработков и расходов фабричных рабочих)<sup>39</sup>. Первый период истории фабричной инспекции, лишенный достаточных оснований для исполнения контрольных функций можно считать познавательным, именно в это время центральная власть, знавшая именитых промышленников, знакомилась с фабричным производством и фабрично-заводскими рабочими<sup>40</sup>.

Однако, реализация даже познавательной функции фабричной инспекции была сложной задачей. Так, Е.Н. Андреев не создал единообразной программы осмотров, считая ее не нужной, так как в силу недостаточности времени «придется ограничиться записыванием лишь общих впечатлений, отдельных данных и цифр лишь относительных»<sup>41</sup>. Опытность в деле сбора информации и ее обработки как у И.И. Янжула, так и у П.А. Пескова, смогли преодолеть это затруднение. В то же время были затруднения и насчет элементарного поиска тех заведений, которые необходимо изучить. И.И. Янжул пишет, что опирался на данные устаревшего Атласа Маттисена, Указатель Орлова, данные для Всероссийской художественно-промышленной выставки 1882 г., а также полицейский список фабрик, составленный по распоряжению обер-полицмейстера. «Все эти данные, однако, – заключает И.И. Янжул, – как и можно было предполагать, оказались далеко неполными»<sup>42</sup>. Действительное количество фабрик оказалось большим, а численность рабочих на фабриках когда гораздо меньшей, когда гораздо большей. Наибольшую сложность для изучения (а, следовательно, и для последующего надзора) составляли небольшие предприятия. Сложность была, сначала, в том, чтобы их разыскать, потом, чтобы их осмотреть, а уже позже, с введением полноправного контроля, чтобы водворить на них порядок. В нахождении положения конкретных фабрик, путей и способов сообщения с ними даже «географические карты Ильина и Генерального Штаба мало при этом помогали делу»<sup>43</sup>.

Такие обстоятельства не способствовали делу. О другом препятствии к изучению фабрик и заводов П.А. Песков пишет в своем первом «Отчете» так: «Первоначально, особенно на мелких фабриках, возникали нередко недоразумения относительно моего звания, одни из владельцев или управляющих принимали меня за судебного следователя, другие – за

губернского техника, третьи – за кого-нибудь из служащих при земстве. Вообще, в начале мне нужно было употребить немало времени на то, чтобы разъяснить фабричной администрации содержание закона 1-го июня, настоящее мое назначение и цель моего посещения. Но и после долгих иногда бесед об этом, мне приходилось убеждаться в смутном все-таки понимании со стороны собеседника того, что ему мною разъяснялось»<sup>44</sup>.

28 апреля 1883 г. Е.Н. Андреев письмом сообщил И.И. Янжулу о своей отставке, объясняя её тем, что министр финансов, не находя в его деятельности удовлетворения своим предположениям и усматривая частые разногласия по вопросам инспекции<sup>45</sup>. Такое изменение скорее пошло на пользу инспекции, нежели разрушило ее еще шаткое здание, т.к. отставка Е.Н. Андреева привела в фабричную инспекцию Якова Тимофеевича Михайловского. Я.Т. Михайловский, литератор и педагог, был членом, секретарем, председателем Санкт-петербургского комитета по грамотности, в 1878 г. участвовал в систематическом обзоре русской народной учебной литературе, преподавал в разных средних учебных заведениях<sup>46</sup>. В 1883-1894 (т.е. вплоть до отмены должности) Я.Т. Михайловский был Главным фабричным инспектором, запомнился как публикатор первого годового сводного издания – “О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора” (СПб., 1886). Помимо этого, Я.Т. Михайловский вел частую и подробную переписку, а также живо участвовал в осмотрах фабрик вместе со своими подчиненными.

Принятие закона 1882 года (пусть и отложенного в действии<sup>47</sup>) не разрешало вопросов практики, так как «вследствие медлительности нашей государственной колесницы» не были сразу вместе с законом изданы “Правила для фабрикантов” и “Инструкция для фабричных инспекторов”. Это обстоятельство ставило инспекторов в неудобное положение. Янжул вспоминал, что без “Правил” и “Инструкции” «невозможно было приступить к истинному надзору, и инспектор являлся на фабриках, при мало-мальски любезном и любознательном хозяине и его доверенном, истинным межеумком и мучеником, который на многие естественные и вполне уместные вопросы их вынужден был отвечать лишь междометиями или ничего незначащими фразами»<sup>48</sup>.

Такой непродолжительный, но насыщенный и многотрудный опыт фабричных инспекторов получил свое отражение в новом для России виде издания – отчете фабричных инспекторов, основанных не на косвенных или опосредованных данных, но написанных только о виденном и пережитом. Две книги – “Фабричный быт Московской губернии” И.И. Янжула и “Фабричный быт Владимирской губернии” П.А. Пескова – вышли (иногда даже в одном переплете) в Санкт-Петербурге в 1884 г. Издание отчетов вызвало общественный интерес и отклик публицистики.

Так, например, К.К. Арсентьев высказал мнение, что «если выбор лица для заведования Московским фабричным округом – не счастливая случайность, а плод обдуманной системы, и если развитие этой системы ничем не будет ни остановлено, ни извращено, то успех нового закона можно считать обеспеченным»<sup>49</sup>.

Однако, если присмотреться, то система еще и не сложилась, к 1 мая 1884 году (времени вступления закона 1 июня 1882 г. в силу) ни “Правила для фабрикантов”, ни “Инструкция для фабричных инспекторов” не были готовы. И.И. Янжул даже указывает на конфиденциальное предложение Я.Т. Михайловского к временному прекращению осмотров фабрик, дабы не быть смешными и не разводиться беспомощно руками<sup>50</sup>.

Между тем, 12 июня 1884 года был принят закон “О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции”, который предоставил владельцам фабрик открывать школы для обучения малолетних, а на фабричную инспекцию возложил попечение об открытии таких школ. Этим же законом были учреждены 9 фабричных округов с одним инспектором и одним помощником в каждом, а также предоставлено министру финансов издать по соглашению с министрами внутренних дел и народного просвещения подробные правила по применению законов о малолетних и об обязанностях инспекции. Это событие опять откладывало издание “Инструкции” и “Правил”.

Пока же закон водворялся не по правилам, а “по знакомству”. Так, несмотря на жалобы И.И. Янжула, что он всем отвечает, как папа Пий IX: “Non possum”, в его распоряжении была власть, врученная не законом, а заседаниями в комиссиях под председательством и генерал-губернатора, и обер-полицмейстера. Он при случае говорил, что при свидании расскажет о положении дел на предприятии князю В.А. Долгорукову или генералу А.А. Козлову<sup>51</sup>. Обычно этого было достаточно.

26 февраля 1885 г. состоялось наконец обнародование “Инструкции чинам фабричной инспекции по надзору за исполнением постановлений о малолетних, работающих на заводах, фабриках, мануфактурах” и “Правил для фабрикантов”, приведенных в согласование с законами 1884 г.<sup>52</sup> Фабричная инспекция расширилась и в смысле территорий, и в смысле личного состава. Фабричный инспекторат был представлен следующими людьми. В Московском округе остался на своем месте И.И. Янжул, а во Владимирском округе – П.А. Песков, в Санкт-Петербургском округе фабричным инспектором стал К.В. Давыдов, в Харьковском – В.В. Святловский, в Киевском – И.О. Новицкий, в Казанском – А.В. Шидловский, в Воронежском – С.И. Миропольский, в Виленском – Г.И. Городков и в Варшавском – К.А. Блюменфельд.

Расширение личного состава, введение должности помощника фабричного инспектора позволило более точно распределить работу и

разделить территории надзора. Так, например, И.И. Янжул разделил Московский округ со своим помощником доктором Д.М. Рахмановым: инспектору достались Московская и Тверская губернии, помощнику — Смоленская, Тульская, Рязанская, Калужская<sup>53</sup>.

В 1885 г. деятельность фабричных инспекторов пошла более активно, что нашло свое выражение в “Отчетах” каждого из фабричных инспекторов<sup>54</sup>, а также первым сводным изданием Я.Т. Михайловского “О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора”.

В “Отчете” главный фабричный инспектор Я.Т. Михайловский одним из главных затруднений в создании фабричной инспекции считал сложности в формировании первого контингента, так как не существовало специальных учебных заведений, нельзя пригласить к надзору и бывших фабрикантов, а земские врачи, подходящие для этой деятельности более всего, малочисленны<sup>55</sup>. В фабричном инспекторе, по мнению Я.Т. Михайловского, должны были быть представлены по крайней мере две из специальностей врача, технолога и педагога<sup>56</sup>. При всем этом, «необходимы были люди, которые с надлежащими нравственными качествами, с высшим образованием и с житейской опытностью соединяли бы в то же время основательное знакомство с заводско-фабричным бытом, а также способны были бы вполне проникнуться высокогуманной идеей закона и проводили бы ее в жизнь с той осторожностью, тактом и беспристрастием, какие требуются важностью затрагиваемых этим законом материальных и нравственных интересов, целого миллиона фабричного населения»<sup>57</sup>.

Все эти требования не облегчали жизни и труда будущего инспектора, который «побыв час, другой в стенах заведения при температуре в 30-35 и более градусов теплоты, например, на сахарных заводах, где рабочие, по причине высокой температуры, часто работают нагишом, словно дикари, инспектор, обливаясь потом, переходит затем на холод градусов в 10-15, рискуя каждый раз сильно простудиться, да и простужается часто»<sup>58</sup>.

Инспектор должен был всегда находиться в гуще фабрично-заводских событий, наблюдать промышленную жизнь и блюсти законодательство. «Подобно солдату, — пишет Я.Т. Михайловский, — фабричный инспектор не может руководствоваться личными своими удобствами при выборе погоды, средств передвижения, путей сообщения, места ночлега, а иногда и самого заведения, которое он хотел бы посетить: все это, можно сказать, находится вне его воли и обуславливается обстоятельствами, часто от него совсем не зависящими»<sup>59</sup>. Главным обстоятельством, не зависящим от воли инспектора, можно считать состав инспектируемого участка, его территориальные размеры, количество фабрик и рабочих.

Сразу после отставки Н.Х. Бунге с поста министра финансов в 1887 г. Д.А. Толстой поставил вопрос о «настоятельно необходимой», как говорилось в документах, передаче фабричной инспекции в ведение Министерства внутренних дел<sup>60</sup>. И.А. Вышнеградский согласился, и, как свидетельствует его восклицание о станowych приставах, был уверен, что такое административное изменение будет достаточно скорым. Обязательным условием такого перевода И.А. Вышнеградский считал подчиненность инспектората непосредственно губернскому начальству, а не Департаменту полиции (эту идею поддерживал, по всей видимости, и В.К. Плеве, который в начале XX века возьмется за её реализацию). Однако, уже в 1888 г. И.А. Вышнеградский переменял мнение о роли инспекции, а значит и о её месте в чиновничьем аппарате. Под влиянием промышленников, которые в этом вопросе оказались на стороне инспекторов и настаивали на их подчинении Министерству финансов, Вышнеградский заявил: «Возбуждение вопроса о передаче фабричной инспекции в ведомство Министерства внутренних дел было несвоевременным и неудобным»<sup>61</sup>. Короткий срок, прошедший со времени издания закона 1886 г. и ограниченный опыт его применения стали основными аргументами в пользу такого решения финансового ведомства. Но несмотря на то, что инспекция была оставлена в Департаменте торговли и промышленности в годы И.А. Вышнеградского её значение понизилось. Связано это было ещё и с негласным запретом печати отчётов инспекции, привлёкших немалое внимание журналов и газет.

Положительным итогом введения закона 1886 г. стали определенность в основах заключения договоров найма, причем договор стал двухсторонним, хотя и с условным участием рабочих (слабейшей стороны). Фабричная инспекция нашла свое применение уже в более широкой сфере рабочей жизни – сфере наемных отношений, однако, география контроля была сильно ограничена.

Как говорилось в официальном обзоре деятельности Министерства финансов: «Можно представить, какие затруднения должны были возникнуть от немедленного введения юридического порядка в отношения, которые до тех пор всецело покоились исключительно на обычаях. Проекты такого рода реформ вызывали ломку нашего законодательства и в других частях, не касавшихся промышленных заведений»<sup>62</sup>. Заметим, что реформы в фабрично-заводском (вернее – рабочем) законодательстве сильно укрепили влияние Министерства финансов.

Даже скептически настроенный к институту фабричной инспекции академик В.П. Безобразов, отправившийся в путешествие по губерниям надзора, чтобы оценить практические успехи инспектората в своих наблюдениях, отозвался весьма доброжелательно и об инспекции, и новых законах, назвав первый призыв инспекторов – блестящим, а законы – реформой. При этом, Безобразов настоятельно повторял:

«Государственный закон и администрации бессильны в изменении хода этой (фабричной. – *А.В.*) жизни и экономических отношений нанимателей и нанимаемых; вторжение их в эту область сопряжено только с прискорбными практическими недоразумениями, между прочим, с неудовлетворенными правительственными ожиданиями от и него и притязаниями рабочего»<sup>63</sup>. Тем самым, академик подчеркивает желательность неучастия государства в решении рабочего вопроса. А, значит, путь развития инспекции и фабричного законодательства лежит только в уточнении юридических норм и упрочнении контроля над их исполнением.

Я.Т. Михайловский, выступая на Всемирной промышленной выставке в Чикаго в 1893 г. (незадолго до отставки), положительно оценил проведенную фабричную реформу, во главе реализации которой он оказался: «Семилетний опыт показал своевременность и целесообразность закона 3 июня 1886 г.

Благодаря энергии, беспристрастию и нелицеприятию чинов фабричной инспекции и тому доверию, каким они пользуются у рабочих и фабрикантов, а также благодаря строгому отношению к делу фабричных присутствий, означенный закон ныне исполняется в точности, а вместе с тем устанавливаются более рациональные отношения между предпринимателями и рабочими, в обоюдных их интересах, а главное устраняются, да и устранены уже в большинстве случаев, те ненормальные явления фабричной жизни, которые прежде так вредно влияли на материальное положение рабочего»<sup>64</sup>. Ключевую роль в успехе первых лет проведения «фабричной реформы» сыграли, конечно, фабричные инспектора.

---

<sup>1</sup> *Янжул И.И.* Фабричный быт Московской губернии. Отчет за 1882-1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. СПб., 1884; *Песков П.А.* Фабричный быт Владимирской губернии. Отчет за 1882-1883 годы фабричного инспектора по надзору за малолетними. СПб., 1884; [*Михайловский Я.Т.*] О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора. СПб., 1886.

<sup>2</sup> *Безобразов В.П.* Наблюдения и соображения В.П. Безобразова относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции. СПб., 1888.

<sup>3</sup> *Быков А.Н.* Фабричное законодательство и развитие его в России. СПб., 1909; *Павлов Ф.* За 10 лет практики фабричного инспектора. Б/м, 1901; *Гвоздев С.* Записки фабричного инспектора. (Из наблюдений и практики в период 1894-1908 гг.). М., 1911; М., 1925; *Литвинов-Фалинский В.* Фабричное законодательство и фабричная инспекция в России. СПб., 1900; СПб., 1904; *Микулин А.А.* Фабричная инспекция в России. 1882-1906. Киев, 1906; *Святловский В.В.* Фабричный рабочий. Варшава, 1888; [*Янжул И.И.*] Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора Московского округа И.И. Янжула. СПб., 1907.

<sup>4</sup> *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2; *Луниц М.Г.* Из истории фабричного законодательства, фабричной инспекции и рабочего движения в России. Сб. ст. М., 1909.

- 
- <sup>5</sup> Каплун С.И. Охрана труда и ее органы. 2-е изд. М., 1922.
- <sup>6</sup> Шелымагин И.И. Фабрично-трудовое законодательство в России (2 пол. XIX в.) М., 1947; Он же. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900-1917. М., 1952.
- <sup>7</sup> Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период (1885-1904). Львов, 1964.
- <sup>8</sup> Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России (1861-1917). М., 1972.
- <sup>9</sup> Шепелев Л.Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981.
- <sup>10</sup> Walkin J. The Attitude of the Tsarist Government Toward the Labour Problem // American Slavic and East European Review. Vol. 13. No. 2 (Apr., 1954). P. 163-184; Laue T.H., von. Factory Inspection under the "Witte System": 1892-1903 // American Slavic and East European Review. Vol. 19. No. 3 (Oct., 1960). P. 347-362; Idem. Tsarist Labour Policy // The Journal of Modern History. Vol.34. No. 2 (Jun., 1962). P. 135-145; Giffin F.C. The Formative Years of the Russian Factory Inspectorate, 1882-1885 // Slavic Review. Vol. 25. Issue 4 (Dec., 1966). P. 641-650; Puttkamer J. von Fabrikgesetzgebung in Russland vor 1905 (regierung und unternehmenschaft beim ausgleich ihrer interessen in einer vorkonstitutionellen ordnung). Koln, 1996.
- <sup>11</sup> Рабочий класс в России от зарождения до начала XX в. М., 1989. С. 272-274.
- <sup>12</sup> Куприянова Л.В. «Рабочий вопрос» в России во второй половине XIX- начале XX в. // История предпринимательства в России. М., 1999. Кн. 2. С. 354-355.
- <sup>13</sup> Погребинский А.П. Финансовая политика царизма в 70-80-х годах XIX в. // Исторический архив.- 1960.- № 2. С. 136.
- <sup>14</sup> РГИА Ф. 1263 (Комитет министров). Оп. 1. Д. 54936. Л. 148.
- <sup>15</sup> Степанов В.Л. Н.Х. Бунге: судьба реформатора. М., 1998. Гл. 4.
- <sup>16</sup> В 1881 г. Отто фон Бисмарк объявил открытой “эру фабричного законодательства” в Германии.
- <sup>17</sup> Ср. с фабричными реформами в Великобритании в 1830-е гг. и с „эрой рабочего законодательства», начало которой О. Фон Бисмарк провозгласил в 1881 г. в Германии. При участии Т. Ломана Бисмарк содействовал разработке и принятию целого ряда законов: о страховании от болезни (1883 г.), от несчастных случаев (1884 г.), по старости и инвалидности (1889 г.).
- <sup>18</sup> ПСЗ. II. СПб., 1836. Т. X. № 8157.
- <sup>19</sup> Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. СПб., 1904. С. 2; Лаверычев В.Я. Царизм и рабочий вопрос в России. М., 1972. С. 15.
- <sup>20</sup> См. подробнее: Микулин А.А. Фабричная инспекция в России. 1882-1906. Киев, 1906. С. 5-7.
- <sup>21</sup> Туган-Барановкий М.И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М., 1997. С. 390-391.
- <sup>22</sup> РГИА Ф. 20. Оп. 2. Д. 1802. Л. 3-4.
- <sup>23</sup> Там же. Л. 4-4 об.
- <sup>24</sup> РГИА Ф. 1152. Оп. 24. Д. 211. Л. 2-3, 4 об.
- <sup>25</sup> Микулин А.А. Указ.соч. С. 11.
- <sup>26</sup> Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. СПб., 1904. С. 100.
- <sup>27</sup> Каплун С.И. Указ.соч. С. 53.
- <sup>28</sup> Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III. СПб., 1902. С. 464.



- 
- <sup>29</sup> *Обнинский П.Н.* Новый закон об организации фабричного надзора // Юридический вестник. 1887. Кн. 1. С. 115.
- <sup>30</sup> См.: *Янжул И.И.* Из воспоминаний... С. 24-25.
- <sup>31</sup> Об этом он сообщал И.И. Янжулу письмом. (См. подробнее: *Янжул И.И.* Из воспоминаний... С. 27-28.)
- <sup>32</sup> *Янжул И.И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 27.
- <sup>33</sup> *Озеров И.Х.* Янжул // ЭСБиЕ. СПб., 1904. Т. 82. С. 668.
- <sup>34</sup> См.: Труды комиссии, учрежденной московским генерал-губернатором князем В.А. Долгоруковым для осмотра фабрик и заводов в Москве. Иностранное фабричное законодательство. Вып. 1. Англия. Б/м, б/г.
- <sup>35</sup> *Янжул И.И.* Из воспоминаний и переписки... С. 28.
- <sup>36</sup> Там же.
- <sup>37</sup> *Янжул И.И.* Фабричный быт Московской губернии. СПб., 1884. С. I
- <sup>38</sup> *Песков П.А.* Фабричный быт Владимирской губернии. СПб., 1884. С. I
- <sup>39</sup> *Янжул И.И.* Фабричный быт... С. I-II.
- <sup>40</sup> Указание на центральную власть в лице Министерства Финансов важно в силу того, что местные власти, хотя и неполно, но знали и следили за собственной промышленностью (преимущественно, конечно, за крупной). Однако общего и, главное, точного, представления о промышленном производстве сложиться еще не могло. Особый интерес вызывали конкретные случаи, например, забастовок или данные разрозненных санитарных обследований, основания же для планомерного и систематического учета закладывались именно в это время.
- <sup>41</sup> *Янжул И.И.* Фабричный быт... С. II.
- <sup>42</sup> Там же. С. X.
- <sup>43</sup> Там же. С. XV.
- <sup>44</sup> *Песков П.А.* Фабричный быт Владимирской губернии. СПб., 1884. С. VI. Со схожим затруднением столкнулся и И.И. Янжул, указывающий на «полнейшее незнание со стороны большинства фабрикантов, особенно вне Москвы, не только о моем назначении и должности и моих будущих и настоящих обязанностях, но даже о самом законе 1-го июня 1882 года о работе малолетних» (*Янжул И.И.* Фабричный быт... С. XVI).
- <sup>45</sup> *Янжул И.И.* Из воспоминаний и переписки... С. 39.
- <sup>46</sup> Михайловский // ЭСБиЕ. Т. XIX (38). С. 493-494.
- <sup>47</sup> 13 апреля 1883 г. введение в действие закона 1 июня 1882 г. (исключая учреждение фабричной инспекции) отсрочено до 1 мая 1884 г.
- <sup>48</sup> *Янжул И.И.* Из воспоминаний... С. 42-43.
- <sup>49</sup> *Арсентьев К.К.* Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – 1884.– Ноябрь.
- <sup>50</sup> *Янжул И.И.* Из воспоминаний... С. 51.
- <sup>51</sup> *Янжул И.И.* Из воспоминаний... С. 41.
- <sup>52</sup> Помимо названного закона от 12 июня 1884 г., имеются в виду распоряжение от 1 июня “О заводах, фабриках и мануфактурах, в отношении которых допускаются отступления от правил о работе малолетних, и о производствах и операциях, при которых безусловно воспрещается работа малолетних” и закон от 5 июня “О взысканиях за нарушение постановлений о работе малолетних на заводах, фабриках, и ремесленных заведениях”.
- <sup>53</sup> *Янжул И.И.* Из воспоминаний... С. 65.
- <sup>54</sup> В пример, свидетельствующий о внимании журналистов к отчетам фабричных инспекторов, можно привести статью А. Мунуилова “Очерк нашего фабричного быта

---

(На основании отчетов фабричных инспекторов за 1885 г.” (Юридический вестник. 1887. Т. XXIV (Кн. 3, Март).

<sup>55</sup> [Михайловский Я.Т.] О деятельности фабричной инспекции. Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора Я.Т. Михайловского. СПб., 1886. С. 2.

<sup>56</sup> Там же. С. 5.

<sup>57</sup> [Михайловский Я.Т.] Указ.соч. С. 1.

<sup>58</sup> Там же. С. 25.

<sup>59</sup> Там же. С. 23-24.

<sup>60</sup> РГИА Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 1. Д. 696. Л. 130, 132.

<sup>61</sup> РГИА Ф. 1282 (Канцелярия министра внутренних дел). Оп. 1. Д. 696. Л. 129, 133.

<sup>62</sup> Обзор деятельности Министерства финансов в царствование императора Александра III. СПб., 1902. С. 457.

<sup>63</sup> Безобразов В.П. Наблюдения и соображения относительно действия новых фабричных узаконений и фабричной инспекции. СПб., 1888. С. 111-112.

<sup>64</sup> Михайловский Я.Т. Заработная плата и продолжительность рабочего времени на фабриках и заводах // Фабрично-заводская промышленность и торговля России. СПб., 1893. С. 283.

**С.Р. Глазунов**

### **Правовая практика против забастовщиков в России в конце XIX – начале XX вв.**

Пореформенный период модернизации России, ознаменовавший ее вступление на путь индустриализации, вызвал высокий уровень концентрации производства и рабочей силы, обеспечивающий наибольший рост прибылей для фабрикантов. Развитие капиталистической промышленности сопровождалось усиливавшимися нужды и лишения многочисленных рабочих острыми и затяжными кризисами перепроизводства. Забастовочное движение, получившее в этот период массовый характер, стало играть важную роль в системе общественных отношений. В условиях самодержавной России стачка являлась одной из форм проявления социальной активности промышленных рабочих и действенным средством отстаивания жизненно-важных интересов трудящихся масс. Отношение самодержавной власти к рабочим, определявшее характер внутренней политики правительства, особенно рельефно проявлялось в антизабастовочном законодательстве и системе наказаний рабочих за участие в стачках.

Анализ законов, направленных против стачек рабочих, позволяет определить характер антизабастовочного законодательства, дает основание полнее представить и оценить основные направления политики самодержавного правительства по рабочему вопросу.

---

<sup>1</sup> © С.Р.Глазунов, 2012

По фабрично-трудоу законодательству под стачкой подразумевался каждый случай волнений и беспорядков на фабриках и заводах, когда они сопровождались одновременным самовольным прекращением работ рабочими всего заведения или отдельными группами рабочих, «с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к повышению заработной платы или изменению других условий найма до истечения срока последнего»<sup>1</sup>.

До 1905 г. любая экономическая стачка, даже не сопровождаемая беспорядками и повреждением фабричного имущества, по российскому законодательству была наказуемым деянием. Первая карательная статья за участие в стачке появилась в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных», изданном 15 августа 1845 г. Новое Уложение значительно усиливало ранее узаконенные наказания за массовые выступления рабочих против хозяев промышленных заведений. Согласно ст. 1791 «в случае явного неповиновения фабричных и заводских людей владельцу или управляющему заводом, оказанного целою артелью или толпою, виновные подвергаются наказаниям, определенным в ст. 284, 285, 286, 287, 289, 290 и 294 сего Уложения, за восстание против властей правительством установленных»<sup>2</sup>. По перечисленным статьям виновные подвигались суровому наказанию – от ареста до каторжной работы. Например, по ст. 284 они подлежали лишению прав состояния и ссылке на каторжные работы в рудниках на срок от пятнадцати до двадцати лет.

Ст. 1792 впервые в России устанавливала наказание за стачки рабочих: «За стачку между работниками какого-либо завода, фабрики или мануфактуры, прекратить работы прежде истечения установленного с содержателями сих заведений времени для того, чтобы принудить хозяев к возвышению получаемой им платы, виновные подвергаются аресту: зачинщики на время от трех недель до трех месяцев, а прочие – от семи дней до трех недель»<sup>3</sup>. Содержание этой статьи было заимствовано из иностранного законодательства, а в комментариях комиссии, составлявшей проект, было сказано, что довольно умеренное наказание за ее нарушение объяснялось мирными условиями стачки. За буйство во время забастовки рабочие привлекались по предыдущей статье<sup>4</sup>.

Закон 15 августа 1845 г. также включал статьи против незаконных действий предпринимателей по отношению к рабочим, которые могли привести к стачкам. В этом случае ст. 1794 Уложения предусматривала для них довольно строгое наказание: «Если содержатели фабрик, заводов и мануфактур прежде истечения, установленного с работниками сих заведений времени, самовольно понизят плату своих работников, или же будут заставлять их, вместо следующей им платы деньгами, получать ее товарами, хлебом или другими какими-либо предметами, то они за сие подвергаются: денежному взысканию от ста до трехсот рублей, лишению некоторых особенных на основании ст. 53 сего Уложения прав и

преимуществ и заключению в смиренном доме на время от двух до трех лет»<sup>5</sup>.

Стачка как категория историческая появляется в условиях капиталистического производства и вырастает на базе противоречия труда и капитала. Введение уголовного наказания за стачки рабочих и за действия предпринимателей, которые могли привести к тем же стачкам, указывало на важность нарождавшейся проблемы и стремление правительства урегулировать этот вопрос правовым путем.

В 1870-80-е гг. страну поразило несколько мощных забастовок. Крупные стачки на Невской бумагопрядильне (май 1870 г.), на Кренгольской мануфактуре (август 1872 г.), на Никольской мануфактуре в Орехово-Зуеве (январь 1885 г.) обратили на себя пристальное внимание властей. С этого времени стачки становятся более частыми и многочисленными.

С изданием нового фабрично-трудового закона 1886 г. было признано необходимым не только сохранить действие статей против стачек, но и усилить наказание за организацию и участие в них. Закон 3 июня 1886 г. «О надзоре за заведениями фабричной промышленности и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих и об увеличении числа чинов фабричной инспекции» в изменение и дополнение соответствующих статей «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» издания 1885 г. содержал три новые статьи, предусматривающих наказание для рабочих и одну – для заведующих фабрикой или заводом<sup>6</sup>. За стачку «с целью принуждения фабрикантов или заводчиков к повышению заработной платы или изменению других условий найма до истечения срока последнего, – говорилось в ст. 2, отд. III закона 3 июня 1886 г., – виновные подвергались: подстрекавшие к началу или продолжению стачки к заключению в тюрьму на срок от четырех до восьми месяцев, а прочие участники – от двух до четырех месяцев. Участники стачки, прекратившие ее и приступившие к работам по первому требованию полицейской власти от наказания освобождались». По ст. 3 того же раздела «участники стачки, причинившие повреждение или уничтожение» заводского и фабричного имущества, а также имущества служащих, «буде содеянное ими не составляет более тяжкого преступления», подвергались наказанию: руководители – к тюремному заключению на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев, а другие участники – тюремному заключению от четырех до восьми месяцев. «Участники стачки, принудившие других рабочих, посредством насилия или угроз, прекратить работу или не возобновлять прекращенную, буде учиненное ими насилие не составляет более тяжкого преступления, – гласила ст. 4, – подвергаются: подстрекавшие к сим действиям или распоряжавшиеся толпою – тюремному заключению на время от восьми месяцев до одного года и

четырёх месяцев, а прочие участники – тюремному заключению на время от четырёх до восьми месяцев».

В законе 3 июня 1886 г. и в Уложении о наказаниях также содержались статьи, предусматривавшие наказания для предпринимателей. За самовольное увольнение, понижение заработной платы до окончания срока трудового договора или оплату труда вне денежного эквивалента (товарами, продуктами, купонами и т.п.) ст. 1359, 1359(1) Уложения о наказаниях предусматривали для владельцев фабрик и заводов наказание в виде штрафа до 300 руб. и компенсацию рабочим за понесенные вследствие этого убытки. «За совершение незаконных действий, предусмотренных в статьях 1359 и 1359(1) Уложения о наказаниях в третий раз или хотя бы в первый и второй раз, но когда эти действия вызвали на фабрике или заводе волнение, сопровождавшееся нарушением общественной тишины и порядка, и повлекли принятие чрезвычайных мер для подавления беспорядков» ст. 1, отд. III закона 3 июня 1886 г. подвергала заведующих фабрик и заводов аресту на срок до трех месяцев и навсегда лишала их права управлять промышленными заведениями.

Правительство посчитало, что те последствия, которыми угрожали забастовки, переходившие в беспорядки, сопровождавшиеся повреждением оборудования и имущества фабрик, стали носить опасный характер для общественного спокойствия и порядка, а предусмотренное законом наказание за стачки, не имело достаточно угрожающего и сдерживающего фактора особенно для рабочих. По мнению комиссии под председательством В.К. Плеве, разрабатывавшей в 1885 г. проект закона 3 июня 1886 г., в условиях того времени стачки требовали более, чем когда-либо, серьезной кары закона<sup>7</sup>. Эта рекомендация была принята Государственным Советом. Закон 3 июня 1886 г. предусматривал более строгие, чем ранее меры наказания за стачки рабочих, а Уложение о наказаниях было дополнено четырьмя статьями (1358(1), 1358(2), 1358(3), 1359(2)). Дела по стачкам, а также о насильственных действиях и угрозах были переданы из мировой юстиции, которой они были подсудны на общих основаниях, в окружные суды.

Издавая новый закон о стачках, законодатель стоял на полицейско-охранительных позициях. Стачки воспринимались как нарушение общественного порядка и были запрещены законом. Основная тяжесть наказания ложилась на рабочих, т.к. от них, по мнению властей, исходила реальная угроза беспорядков и общественного спокойствия в стране. Вместе с тем, определенная ответственность за «провоцирование» стачек возлагалась на предпринимателей, и они вынуждены были считаться с ограничениями закона в свой адрес, сдерживавшими их произвол на фабриках и заводах.

Из-за трудностей, с которыми сопряжено привлечение к суду многочисленных участников стачек, против забастовщиков все чаще

применялись меры административного воздействия. Наиболее распространенным средством борьбы со стачками рабочих была высылка под надзор полиции в отдаленные губернии или на родину, к которой местные власти стали прибегать после утверждения «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г.<sup>8</sup>

Пятый раздел (ст. 32-36) Положение об охране устанавливал «Правила об административной высылке». Местные административные органы власти имели право выслать частных лиц административным порядком в какую-либо определенную местность Европейской или Азиатской России с обязательством безотлучного пребывания в течение назначенного срока, который устанавливался в размере от одного года до пяти лет. Губернаторы и градоначальники, убедившись в необходимости высылки какого-либо частного лица, делали об этом представление министру внутренних дел с подробным объяснением причин к принятию этой меры и своими предложениями о сроке высылки. Решение о высылке принималось Особым совещанием, образуемом при Министерстве внутренних дел под председательством одного из товарищей министра из четырех членов (двух от Министерства внутренних дел и двух от Министерства юстиции), и затем утверждалось министром внутренних дел. Начальникам губернской полиции и начальникам губернского жандармского управления предоставлялось право подвергать подозреваемых в совершении государственных преступлений или в причастности к ним, а также в принадлежности противозаконным сообществам предварительному аресту на срок не более семи дней и проводить у таких лиц, обыски и изъятия. По распоряжению министра внутренних дел предварительный арест лиц, предназначенных к высылке, мог быть продлен до окончания расследования.

Положение об охране 14 августа 1881 г. было ангажировано властью из арсенала средств борьбы с терроризмом, развязанным против правительства в конце 1870-х – начале 1880-х гг. экстремистскими группами революционного народничества, для ликвидации беспорядков, сопровождаемых почти все крупные стачки рабочих. Не было ни одной значительной забастовки, где бы не применялась эта мера воздействия.

Во время стачки на Никольской мануфактуре Морозова в 1885 г. министр внутренних дел Д.А. Толстой телеграфировал владимирскому губернатору И.М. Судьенко: «Имейте в виду, что при упорстве рабочих весьма полезно последовательно отделять уроженцев других губернии и уездов и немедленно отправлять их на родину. Мера эта принесла пользу во время недавних беспорядков рабочих в Московской губернии». Это указание администрация выполнила «неукоснительно». За участие в стачке было предано суду по двум процессам 52 человека, а в административном порядке выслано 606 рабочих<sup>9</sup>.

Что же касается судебной расправы, то она касалась меньшего количества рабочих. Рабочие Ярцевской льнопрядильной фабрики В.Ф. Демидова (Владимирская губерния), забастовавшие в январе 1887 г. по поводу введения расчетных книжек нового образца в связи с изданием закона 3 июня 1886 г., сопроводили свой отказ от работы погромом фабрики. За это они были отданы под суд, и восемь человек было приговорено к тюрьме на один год четыре месяца каждый, семь – на восемь месяцев и т.д.<sup>10</sup>

Воспользовавшись тем, что стачка на Егорьевской бумагопрядильной фабрике Хлудовых (Рязанская губерния) летом 1893 г., во время которой рабочие требовали увеличения заработной платы, уменьшения штрафов и т.д., сопровождалась волнениями и погромом фабрики, местные власти завели на «зачинщиков» дело по ст. 1358(1), 1358(2) «Уложения о наказаниях». В результате рязанский окружной суд приговорил к тюремному заключению на три месяца четырех человек, на два месяца – трех, семнадцать рабочих – к аресту на три недели при полиции<sup>11</sup>. Подобным наказаниям по ст. 1358(1) были подвергнуты 7 рабочих Тверской мануфактуры за участие в стачке в июне 1893 г.<sup>12</sup>, 20 рабочих ткацких фабрик Терентьева г. Шуи за участие в стачке в июне 1893 г.<sup>13</sup>

По подсчетам А.Ф. Вовчика, за участие в стачках за семь лет (с января 1896 г. по ноябрь 1901 г.) Особым совещанием по 282 делам а порядке Положения об охране к обвинению были привлечены 2926 рабочих, и 2463 из них понесли административное наказание<sup>14</sup>.

Судебные процессы над рабочими, участвовавшими в стачках, были менее частыми, т.к. дела решались в основном в административном порядке. В 1900-1901 гг. за участие в стачках и волнения к суду были привлечены 246 рабочих. За тот же период по 9 стачкам, проходившим в 1898-1901 гг., было осуждено 119 человек<sup>15</sup>.

В условиях нарастания революционных событий 24 ноября 1905 г. Совет министров, а 28 ноября 1905 г. Государственный совет на своем чрезвычайном общем собрании пришли к единому мнению, что «стачка есть само по себе явление, органически связанное с экономическими условиями промышленной жизни, возможное везде, где имеет применение наемный труд. К тому же стачки, возникшие на чисто экономической почве, и проникнутые исключительно экономическими целями, не поддаются подавлению и пресечению мерами уголовного воздействия, как это доказывается опытом всех стран, пытавшимися бороться с указанным явлением путем уголовной репрессии»<sup>16</sup>.

2 декабря 1905 г. последовал высочайший указ Сенату «О временных правилах о наказуемости участия в забастовках в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных, и об обеспечении судьбы тех

служащих, кои, не принимая участия в забастовках, пострадали от учиненного над ними насилия»<sup>17</sup>.

По мнению представителя либеральной прессы О. Бужанского, закон 2 декабря 1905 г., введший новые начала, изменил политику правительства по рабочему вопросу<sup>18</sup>. Советский историк И.И. Шелымагин придавал новым правилам частный характер и видел в них стремление правительства предупредить надвигающуюся третью железнодорожную забастовку<sup>19</sup>.

Второй раздел закона 2 декабря 1905 отменял ст. 1358 и 1358(1) «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», сохраняя прочие положения о стачках. Изданный закон запрещал преследование рабочих за прекращение работ с целью принуждения фабрикантов и заводчиков к повышению заработной платы и изменению других условий найма до истечения срока последнего, но оставлял наказание за стачки, «причинившие повреждение или уничтожение заводского или фабричного имущества, лиц, служащих на заводе или фабрике», а также за принуждение других рабочих, «посредством насилия или угроз, прекратить работу или не возобновлять прекращенную» (ст. 1358(2) и 1358(3)).

Закон 2 декабря 1905 г. поощрял тех рабочих, кто противодействовал или не участвовал в стачке. Законодатель счел «справедливым озаботиться обеспечением судьбы тех служащих и их семей, кои, не принимая участия в забастовках, пострадали при исполнении долга от учиненного над ними насилия». Ст. 1 отд. III нового закона пострадавшим в случае причинения им повреждения здоровья гарантировала пособие в размере годового оклада или действительного заработка, ст. 2 в случае постоянной утраты трудоспособности - пенсию в таком же размере, ст. 3 в случае смерти – пенсию членам семьи в соответствии с окладом умершего.

Временные правила в дополнение и изменение действовавших законов устанавливали суровые наказания за «самовольное, по взаимному соглашению, прекращение работ и занятий в предприятиях, имеющих общественное или государственное значение, а равно в учреждениях правительственных», забастовки на которых представляли «существенную опасность для спокойствия и порядка» и «наносили самым жизненным интересам страны и угрожали гибельными последствиями ее населению». По ст. 2 отд. I закона 2 декабря 1905 г. рабочие и служащие таких предприятий, участвовавшие в стачках, и «виновные в умышленном повреждении имущества, принадлежавшего таким предприятиям или служащим в них лицам» наказывались «заключением в тюрьме на время от четырех месяцев до одного года и четырех месяцев». Такому же наказанию подвергались рабочие и служащие вышеперечисленных предприятий, призывавшие (ст. 1 отд. I) или принуждавшие (ст. 5 отд. I) к забастовке, а также лица, «пользовавшиеся правами государственной службы» (ст. 3



отд. I). Особенно строгое наказание грозило подстрекателям и организаторам стачек, состоявшим в рядах партий и союзов. Ст. 6 отд. I «виновного в участии в сообществе, направлявшем свою деятельность к возбуждению» к стачке карала «заключением в крепости на время от одного до четырех лет, с лишением по статье 50 Уложения о наказаниях некоторых особенных, лично по состоянию присвоенных, прав и преимуществ».

Указ от 2 декабря 1905 г. впоследствии вошел в Уложение о наказаниях по продолжению 1906 г. под статьями 1359(3)-1359(8). Согласно закону 2 декабря 1905 г. дела о забастовках велись окружными судами в общем порядке судопроизводства, т.е. без участия присяжных заседателей.

Правила 2 декабря 1905 г. отменяли уголовное преследование за участие в экономических стачках, носивших мирный характер. Предоставив рабочим новым законом о стачках право коллективной защиты их интересов, правительство в политике по рабочему вопросу ознаменовало переход с откровенно полицейско-охранительных позиций на умеренно-либеральные.

Стачки как часть объективного процесса трансформации российского общества являлись негативным следствием индустриализации второй половины XIX – начала XX в. В России роль государственного начала в реформе трудового права была традиционно значительна. Однако история антизабастовочного законодательства, носившего до 1905 г. полицейско-охранительный характер, показывает пробелы государственной политики, которые не позволили адекватно и в срок реагировать на вопросы, поставленные быстрым развитием страны (как в экономической, так и в социальной сфере). Темп модернизации превышал чувствительность самодержавного бюрократического аппарата.

---

<sup>1</sup> ПСЗ-III. Т. VI. № 3769.

<sup>2</sup> ПСЗ-II. Т. XX. № 19283.

<sup>3</sup> ПСЗ-II. Т. XX. № 19283.

<sup>4</sup> Туган-Барановский М.Н. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. М., 1997. С. 213.

<sup>5</sup> ПСЗ-II. Т. XX. № 19283.

<sup>6</sup> ПСЗ-III. Т. VI. № 3769.

<sup>7</sup> Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. СПб., 1904. С. 265; Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964. С. 252.

<sup>8</sup> ПСЗ-III. Т. I. № 350.

<sup>9</sup> Рабочее движение в России в XIX в. М., 1952. Т. III. Ч. 1. С. 134.

<sup>10</sup> Рабочее движение в России в XIX в. М., 1952. Т. III. Ч. 1. С. 464-466.

<sup>11</sup> Рабочее движение в России в XIX в. М., 1952. Т. III. Ч. 2. С. 339, 351.

<sup>12</sup> Рабочее движение в России в XIX в. М., 1952. Т. III. Ч. 2. С. 357.

- 
- <sup>13</sup> Рабочее движение в России в XIX в. М., 1952. Т. III. Ч. 2. С. 376.
- <sup>14</sup> Вовчик А.Ф. Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. Львов, 1964. С. 263.
- <sup>15</sup> Вовчик А.Ф. Указ. соч. С. 261.
- <sup>16</sup> Шельмагин И.И. Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900-1917. М., 1952. С. 171.
- <sup>17</sup> ПСЗ-III. Т. XXV. № 26987.
- <sup>18</sup> Бужанский О. Законопроекты о рабочих союзах и стачках в России // Право. 1905. № 37.
- <sup>19</sup> Шельмагин И.И. Указ. соч. С. 173.

**В.Н. Фаронов**

### **Людность семей рабочих Томской губернии начала XX в.**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Рабочая семья Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.», проект № 12-01-00100а*

Модернизация сибирского общества, связанная, в первую очередь, со строительством на рубеже XIX–XX вв. Транссибирской железной дороги, оказывала огромное влияние на все стороны общественной жизни и, не в последнюю очередь на демографическое поведение населения. Особенно серьезные демографические изменения наблюдались в среде рабочего класса. Это и не удивительно, ведь промышленный рабочий является продуктом модернизации и, по своей сути, должен в наибольшей степени отличаться от социальных групп традиционного общества. Однако в рассматриваемый период в Сибири рабочий класс только складывался и потому, в демографическом поведении, был еще очень близок к тем социальным слоям, из которых черпал свои кадры.

В данной статье рассматривается один из важнейших семейных демографических показателей – людность семьи – на материалах Томской губернии в административных границах начала XX в. Томская губерния в это время являясь наиболее промышленно развитой сибирской губернией, имела в своем составе все категории рабочих, присутствующих в Сибири в целом.

Людность, или количественный состав семьи, является важнейшим показателем изучения структурно-количественных характеристик семейной ячейки. С помощью него мы определяем среднее количество человек, приходящихся на семью в исследуемой социальной группе.

---

<sup>1</sup> © В.Н.Фаронов, 2012

В ходе изучения следующих архивных источников были получены такие результаты: по анкетам найма рабочих на казённый винный склад в г. Томске от 16 июня 1901 г.<sup>1</sup> было исследовано 27 семей. Большинство анкетированных лиц были выходцами из Европейской России, почти все имели образование и являлись потомственными квалифицированными рабочими (машинисты, помощники машинистов). Средняя людность их семей составила 3,8 чел. на семью. Размеры семей: 1–5 чел. – 88,9% семей, 6–10 чел. – 11,1%. Количество детей в детных парах – 1–6 чел. Средняя людность детей составляла 1,7 ребёнка на пару, средняя людность внуков – 0,3 на семью.

Согласно делам о назначении пенсий и пособий рабочим Гурьевского и Сузунского заводов, Риддерских и Сокольных рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи (1909–1913 гг.)<sup>2</sup> было исследовано 126 семей. Средняя людность здесь составляла 3,7 чел. на семью. По половому признаку людность была такова: среди мужчин 1,8 чел. на семью, среди женщин 1,9 чел. на семью. Размеры семей: 1–5 чел. – 73,8% семей, 6–10 чел. – 24,6%, более 10 чел. – 1,6%. Количество детей в детных парах составляло 1–7 чел. Средняя людность детей равнялась 1,8 ребёнка на семью, людность внуков – 0,2 на семью.

По Списку рабочих, оставшихся за штатом после разгрома и пожара в Барнаульском винном складе<sup>3</sup>, от 21 августа 1914 г. исследовано 34 семьи, средняя людность которых была 3,1 чел. на семью. Размеры семей: 1–5 человек – 94% семей, 6–10 чел. – 6%. Количество детей в детных парах 1–4 чел. Средняя людность детей составляла 1,3 ребёнка на семью.

По подворным карточкам всесоюзной переписи 1920 г.<sup>4</sup> было исследовано 25 семей рабочих Кузнецкого уезда, Кузнецкой волости, селения Завод Площадка. Средняя людность здесь составляла – 4,1 чел. на семью. Размеры семей: 1–5 чел. – 80% семей, 6–10 чел. – 20%. Количество детей в детных парах было 1–6 чел. Средняя людность детей составляла 1,9 ребёнка на семью, средняя людность внуков – 0,3 на семью.

По спискам рабочих, находящихся в Материалах по решению жилищного кризиса в Кольчугинском горном районе (декабрь 1921 г.)<sup>5</sup>, было исследовано 83 семьи, средняя людность которых составляла 3,6 чел. на семью. Размеры семей: 1–5 чел. – 79,5% семей, 6–10 чел. – 20,5%. Количество детей в детных парах составляло 1–7 чел. Средняя людность детей – 1,8 ребёнка на семью.

По опросным листам об оказании материальной помощи рабочим Ново-Николаевска<sup>6</sup> за 1923 г. была исследована 61 семья. Средняя людность составила здесь 3,4 чел. на семью. Размеры семей: 1–5 чел. – 80,4% семей, 6–10 чел. – 19,6%. Количество детей в детных парах 1–5 чел. Средняя людность детей – 1,8 ребёнка на семью, средняя людность внуков – 0,3 на семью.

По семейным карточкам всероссийской городской переписи населения по городу Барнаулу<sup>7</sup> 1923 г. было исследовано 1960 семей. Средняя людность составила здесь 3,9 чел. на семью. По половому признаку людность была такова: среди мужчин 1,9 чел. на семью, среди женщин 2,0 чел. на семью. Размеры семей: 1–5 чел. – 82,7%, 6–10 чел. – 17,2%, свыше 10 чел. – 0,1%. Средняя людность детей составляла 1,8 ребенка на семью, средняя людность внуков – 0,2 на семью.

По квартирным карточкам всероссийской городской переписи по городу Барнаулу<sup>8</sup> 1923 г. было исследовано 682 семьи. Средняя людность здесь составила 4,6 чел. на семью. По половому признаку людность была такова: среди мужчин 2,2 чел. на семью, среди женщин 2,4 чел. на семью. Размеры семей: 1–5 чел. – 65,5%, 6–10 чел. – 33,8%, свыше 10 чел. – 0,7%.

По спискам рабочих и служащих пимокатной мастерской 1-го Барнаульского кредитного товарищества, водного транспорта, деревообделочников, типографии ОМХ Алтайгубисполкома, завода «Серп и молот», дрожжевинокуренного и пивоваренного заводов и кузнечно-экипажной мастерской на получение сенокосных участков<sup>9</sup> 1924 г. было исследовано 310 семей. Средняя людность здесь составила 4,6 чел. на семью. Размеры семей: 1–5 чел. – 70,3%, 6–10 чел. – 29,7%.

Анализируя полученные результаты, мы видим, что средняя людность рабочей семьи варьировалась между 3,3–4,6 чел. на семью. Теперь проведем сравнение со средней людностью других социальных слоев. Такое сравнение может быть полезно для характеристики демографических процессов, протекавших в исследуемых семьях рабочих.

**Таблица 1**

**Средняя людность рабочих семей**

Местность, год	Количество семей	Количество человек	
		абс.	ср.
Томск. 1901 г.	27	102	3,8
Алтайский округ. 1900–1913 гг.	98	367	3,7
Барнаул. 1914 г.	34	106	3,1
Кузнецкий уезд. 1920 г.	25	103	4,1
Кольчугинский горный район. 1921 г.	83	300	3,6
Новониколаевск. 1923 г.	61	207	3,4
Барнаул. 1923 г. (по семейным карточкам)	1960	7703	3,9
Барнаул. 1923 г. (по квартирным карточкам)	682	3113	4,6
Барнаул. 1924 г.	310	1411	4,6

Источники: ГАНО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736; Ф. 10. Оп. 1. Д. 555; Ф. 1328. Оп. Д. 135; ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 136, 327; ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 101, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123; Ф. Р. 14. Оп. 1. Д. 206; Ф. Р. 212. Оп. 1. Д. 801–823, 950–1001.

При сравнении с семьями других социальных слоев, обнаруживается близость этого показателя у городской семьи Барнаула в 1897 г., который был равен 4,4 чел. на семью, у городской семьи Бийска того же года, равного 4,9 чел. и Томска, где этот показатель равнялся 4,0 чел.<sup>10</sup> Среди сословий Барнаула в 1897–1913 гг. средняя людность, наиболее близкая к рабочей семье, была у семей мещан (4,1–4,7) и семей, живущих в городе крестьян (3,3–5,5)<sup>11</sup>, из рядов которых пролетариат черпал основную часть своих кадров. И напротив, этот показатель более всего разнился с семьями духовенства (6,5–7,0) и купечества (4,4–5,4)<sup>12</sup>, т.е. с теми сословиями, которые в сибирском городе были наиболее консервативны. Это же относится и к показателям семей купцов других городов Томской губернии. Так, людность купеческой семьи в Томске равнялась в 1899 г. 4,8 чел. на семью и 5,1 в 1904 г., бийская купеческая семья в среднем состояла из 5,2 чел. в 1910 г. и 5,5 в 1916 г., в Мариинске людность купеческой семьи была еще большей и достигала в 1908 г. 6,2 чел.<sup>13</sup> Не менее сильно разнился этот показатель и с размерами средней людности семьи крестьян Сибири, которая, по данным В.А. Зверева, равнялась в 1897 г. 5,7 чел. на семью и в 1917 г. 6,1 человек на семью<sup>14</sup>. Такая же, как и у рабочих, была людность в семьях дворян и чиновников, составлявшая в среднем 3,2–4,8 чел. на семью и у военных (нижних чинов) – 3,3–4,8 чел. на семью<sup>15</sup>. Но здесь мы имеем дело не с влиянием развития капиталистических отношений, а скорее с традиционной малочисленностью семей, обусловленной иными обстоятельствами. Тем более, что эта категория населения ввиду своей малочисленности, не оказывала большого влияния на общий ход семейного состояния.

Нужно также сделать оговорку о данных людности семей духовенства. Ю.М. Гончаров отмечает: «Повышение средней людности семей духовенства с 4,0 чел. в 1885 г. до 7,0 чел. в 1913 г. может и не отражать реального положения дел, в силу того, использованы данные только по одному церковному приходу, в котором насчитывалось всего 2–3 семьи духовенства»<sup>16</sup>. Однако, по мнению Б.Н. Миронова, духовенство в целом являлось самым многодетным сословием России из-за раннего вступления в брак, относительного благосостояния и отрицательного отношения ко всякому ограничению деторождения и достигало средней величины семьи в середине XIX в. 5,17 чел.<sup>17</sup> Отсюда вполне можно допустить если и не точное отражение отмеченным показателем людности семей духовенства, то его вероятностную близость к точному показателю.

Таким образом, налицо близость исследуемых семей рабочих по количественной характеристике людности семьи в целом к семьям мещан и живущих в городе крестьян, и в то же время наблюдаются значительные отличия в сторону уменьшения рабочей семьи от семей купцов, духовенства и крестьян, живущих на селе.

При этом следует обратить внимание на результаты изменения показателей людности семей рабочих в исторической динамике. Если, по данным материалов 1901–1914 гг., средняя людность равнялась 3,1–3,8 чел. на семью, то в начале 1920-х гг. наблюдается значительное увеличение людности рабочей семьи. В эти годы она составила 3,6–4,6 чел. на семью. Это объясняется, прежде всего, ухудшением жизненных условий, вызванных Гражданской войной и политикой военного коммунизма, а также и значительным притоком в ряды рабочего класса представителей крестьянства, продолжавшегося в эти годы наряду с миграцией городского населения в сельскую местность. Однако характеристика увеличения людности семей рабочих в начале 1920-х гг. по отношению к тому же показателю дореволюционного периода не является основанием для вывода о регрессе в развитии семьи.

Учитывая вышеприведенную оговорку можно констатировать факт того, что людность рабочих семей в дореволюционный период была более низкой, чем у мещан и городских крестьян, а также и у горожан в целом. Лишь объективные неблагоприятные обстоятельства привели позднее к временной тенденции увеличения численности рабочих семей. Но даже и тогда она оставалась меньшей, чем сельская семья России начала 1920-х гг., которая, по данным А.Г. Вишневого, в среднем состояла из 5,6 чел., хотя и превышала средний показатель тех же лет городской семьи, равный 3,9 чел.<sup>18</sup>

Необходимо отдельно оговорить показатель людности 3,7 чел. в семьях рабочих из бывших мастеровых. У этой категории несколько иная ситуация, чем у прочих исследуемых рабочих. Дело в том, что в среде мастеровых относительно низкая людность семей наблюдалась и ранее. По подсчетам Н.В. Никишиной, средняя людность семей мастеровых Алтая составляла в XVIII – первой половине XIX в. 4,1–3,9 чел. (т.е. людность уменьшалась)<sup>19</sup>. При этом людность крестьянского двора в XVIII в. составляла 6,5–8,2 чел.<sup>20</sup> Причины такого количественного различия, на наш взгляд, заключались в подневольном положении мастеровых, которое крайне отрицательно сказывалось на их семейной демографии. Об этом, в частности, писал в 1830-е гг. начальник Штаба Корпуса горных инженеров В.Г. Чевкин: «положение мастерового населения столь стеснено, что самое благосостояние заводов требует неминуемо некоторого улучшения их содержания... в течение 18 лет, протекших между 7 и 8 переписями, алтайское мастерское народонаселение, живущее в одной из стран России самых благодатных, едва увеличилось на 5%, когда соседние им крестьяне

заводские... получили приращение гораздо большее»<sup>21</sup>. Это предположение подтверждает и факт низкой людности в семьях мастеровых из старообрядцев – 3,1 чел., – в целом отличавшихся своей многочисленностью<sup>22</sup>.

Отметим и то, что подобного рода явление не было уникальным для России XVIII – первой половины XIX вв. Еще В.О. Ключевский так определил ситуацию: «Известно, что труд подневольный... убивает энергию, ослабляет предприимчивость, развращает нравы и даже портит расу физически. В последние десятилетия перед освобождением крестьян у нас стал прекращаться естественный прирост крепостного населения, т.е. начинала вымирать целая половина сельской России»<sup>23</sup>. Действительно, доля помещичьего крестьянства в общем населении страны неизменно сокращалась с началом XIX в.: в 1796 г. – 53,9%, в 1811 г. – 51,7%, в 1833 г. – 44,9%, в 1857 г. – 39,2%, а с 1830-х гг. полностью прекратился рост его абсолютной численности<sup>24</sup>. Наиболее отрицательно это сказалось на приросте населения Центрально-промышленного района России, имевшего самую высокую долю крепостного населения, где с 1719 по 1857 г. наблюдался самый низкий среднегодовой прирост, составлявший 0,38%, в то же время по России он в среднем равнялся – 0,81%<sup>25</sup>.

Вполне закономерным, исходя из вышеотмеченного, следует признать, что подневольное правовое положение алтайских мастеровых и все вытекающие из этого последствия стали главными причинами низкой людности их семей. Таким образом, этот показатель в семьях бывших мастеровых начала XX в. является, по преимуществу не результатом модернизации сибирского общества, а пережитком феодальной зависимости этой категории населения от Кабинета.

**Таблица 2**

**Средняя людность мужчин и женщин в рабочих семьях**

Местность, год	Количес тво семей	Мужчины		Женщины	
		абс.	ср.	абс.	ср.
Алтайский округ, 1909–1913 гг.	90	178	1,8	189	1,9
Кузнецкий уезд, 1920 г.	25	53	2,1	50	2,0
Барнаул, 1923 г. (по семейным карточкам)	1960	369 9	1,9	400 4	2,0
Барнаул, 1923 г. (по квартирным карточкам)	682	148 6	2,2	162 7	2,4

Источники: ГАНО. Ф. 1328. Оп. 1. Д. 135; ЦХАФ АК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 1001, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065. 1067,

1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.; Ф. Р. 212. Оп. 1. Д. 801–823, 950–1001.

Рассматривая людность семей по половому признаку, мы видим в большинстве случаев численное превосходство женщин, исключая данные Кузнецкого уезда за 1920 г., где средняя людность мужчин превышает женскую на 0,1 единицу. В остальных случаях средняя людность женщин превышает мужскую на 0,1–0,2 единицы. Однако согласно материалам переписи 1897 г. половое соотношение внутри семей рабочих Томской губернии на 1897 г. было противоположным, т.е. количество мужчин превосходило количество женщин – мужчин было 70860 чел. (53,4%), женщин – 62114 чел. (46,6%) (см. приложение 4)<sup>26</sup>. Такая диспропорция полов вполне нормальна для регионов с ростом урбанизации и развивающейся экономикой, в которой мужские труд и активность более востребованы. Томская губерния начала XX в. относилась именно к такому типу регионов, и среди рабочих естественно было бы ожидать и в дальнейшем диспропорцию полов в пользу мужчин. На наш взгляд, приведенная в начале абзаца статистика не отражает ситуацию в целом. Данные, говорящие о количественном превосходстве женщин, относятся к семьям рабочих Алтайского округа из бывших мастеровых и к семьям рабочим Барнаула 1923 г. Можно предположить, что среди этих групп пролетариата преобладали устойчивые семейные отношения, свойственные рабочим, осевшим и укоренившимся в определенном месте. Это не вызывает сомнения относительно рабочих из бывших мастеровых. Что же касается барнаульских рабочих, то в их отношении подобная версия весьма гипотетична, и вполне возможно, имеется другое объяснение, связанное с Гражданской войной и послевоенной ситуацией. Тем более, что вначале 1920-х гг. переселения в Сибирь и в Томскую губернию (в границах 1917 г.) значительно сократились, достигая в среднем, исключая 1921 г., 1–2 тыс. чел. ежегодно. Кроме того, с начала и до середины 1920-х гг., наблюдался отток значительной части городского населения в сельскую местность, где можно было легче прокормиться<sup>27</sup>. Все это вполне могло стать причиной перемены показателя половой диспропорции в пользу количественного превосходства женщин, так как в первом случае снизился приток преимущественно мужского контингента, являвшегося основным в переселенческом потоке, во втором случае среди мигрантов в деревню, также преобладали мужчины, ранее приехавшие в город на заработки. Наконец, не последнюю роль должны были сыграть военные потери и мобилизационные перемещения многих рабочих на фронт и в прифронтную зону. При этом данные о рабочих Кузнецкого уезда полностью вписываются в типологию полового соотношения в регионах, охваченных процессом модернизации, в которых значительную роль играло пришлое, преимущественно мужское население. Вероятнее



всего, именно эти данные и являлись наиболее характерными для семей рабочих Томской губернии исследуемого периода.

Подводя итог можно сделать вывод о том, что начавшийся в конце XIX в. в Сибири новый этап модернизации оказывал серьезное воздействие на демографическое поведение населения и, в первую очередь, на местный пролетариат, в наибольшей степени вовлеченный в индустриализацию. Размеры семей рабочих рассматриваемого периода и их общая людность были близки к размерам и людности семей мещан и городских крестьян, хотя и немного ниже. Однако, в начале 1920-х гг. наблюдалось увеличение размера и людности рабочей семьи, объяснимое, прежде всего ухудшением жизненных условий, вызванных Гражданской войной и политикой военного коммунизма, что вынуждало многие семьи жить совместно – так было легче выжить, а также значительным притоком в ряды рабочего класса представителей крестьянства. Можно констатировать, что в большинстве своем семьи исследованных групп рабочих уже относились к новому типу малой семьи, возникавшему в ходе модернизации на основе разложения семьи старого патриархального типа, и были в авангарде этого процесса.

---

<sup>1</sup> Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 209. Оп. 1. Д. 136.

<sup>2</sup> Государственный архив Алтайского края (далее – ГААК). Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 101, 1002, 1016, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.

<sup>3</sup> ГАТО. Ф. 209. Оп. 1. Д. 327.

<sup>4</sup> Государственный архив Новосибирской области (далее – ГАНО). Ф. 1328. Оп. 1. Д. 135.

<sup>5</sup> ГАНО. Ф. 1 Оп. 1 Д. 736.

<sup>6</sup> ГАНО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 555.

<sup>7</sup> ГААК. Ф. Р. 212. Оп. 1. Д. 950–1001.

<sup>8</sup> ГААК. Ф. Р. 212. Оп. 1. Д. 801–823.

<sup>9</sup> ГААК. Ф. Р. 14. Оп. 1. Д. 206; 801–823.

<sup>10</sup> Гончаров, Ю.М. Городская семья Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2002. С. 366.

<sup>11</sup> Там же. С. 368.

<sup>12</sup> Там же. С. 368.

<sup>13</sup> Гончаров Ю.М. Сибирская купеческая семья второй половины XIX – начала XX в. (по материалам компьютерной базы данных купеческих семей Томской губернии) М., 1999. С. 217–218.

<sup>14</sup> Зверев В.А. Региональные условия воспроизводства крестьянских поколений в Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1998. С. 35.

<sup>15</sup> Гончаров, Ю.М. Городская семья... С. 142.

<sup>16</sup> Там же. С. 149–150.

<sup>17</sup> Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). СПб., 1999. Т. 1. С. 224.

<sup>18</sup> Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 138.

---

<sup>19</sup> Никишина Н.В. Семья горнозаводского населения Алтая второй половины XVIII – первой половины XIX в.: дис. ... к.и.н. Барнаул, 2004. С. 54, 65.

<sup>20</sup> Борисенко М.В. Семья и двор русских крестьян Западной Сибири конца XVI – середины XIX в. СПб., 1998. С. 73.

<sup>21</sup> Никишина Н. В. Указ. соч. С. 61.

<sup>22</sup> Там же. С. 62.

<sup>23</sup> Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций. Книга первая. Минск; Москва, 2000. С. 24.

<sup>24</sup> Миронов Б. Н. Указ. соч. Т. 1. С. 188.

<sup>25</sup> Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России XVIII – первой половины XIX в. (По материалам ревизий). М., 1971. С. 16.

<sup>26</sup> Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 79: Томская губерния. СПб., 1904. С. 245.

<sup>27</sup> Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население. Томск, 2000. С. 126.

**В.А. Скубневский<sup>1</sup>**

### **Традиции потребления спиртных напитков рабочими Сибири во второй половине XIX – начале XX века**

Еще в дореволюционной литературе утвердилось мнение, что в Сибири народ больше пристрастен к алкоголю, чем в Центральной России. Среди причин назывались и суровость климата, который провоцировал в зимний период людей «разогреваться» таким путем, и специфика состава населения (много ссыльных) и общий низкий уровень культуры в регионе. Н.М. Ядринцев в известном труде «Сибирь как колония» писал: «Оно (пьянство) распространено среди крестьян, где пьют на сходках, где праздники и свадьбы ведут к недельным запоям; наконец, пьянство не чуждо и городским людям. Все это способствует вырождению и психическим расстройствам среди потомства»<sup>1</sup>. А ссыльный народник С.Л. Чудновский назвал Енисейскую губернию «пьяной»<sup>2</sup>.

Разумеется, вопрос об алкоголизации пролетарских слоев Сибири не остался без внимания исследователей, как в дореволюционный период, так и в последующем. Наиболее досконально осветил данный вопрос известный историк В.И. Семевский в труде «Рабочие на сибирских золотых промыслах» (СПб., 1898), в котором он приводит огромный фактический материал по вопросу потребления алкоголя рабочими в золотопромышленности Сибири XIX в. В советской и постсоветской историографии данная проблема фактически специально не рассматривалась, хотя историки рабочего класса, разумеется, не могли пройти мимо нее (А.А. Мухин, С.Ф. Хроленок, А.Е. Плотников, В.П. Зиновьев и др.). В частности, В.П. Зиновьев, анализируя

---

<sup>1</sup> © В.А.Скубневский, 2012

экономическое положение горняков Сибири, приводит интересные подсчеты о расходах приисковых рабочих на алкоголь и доле этих расходов в бюджетах<sup>3</sup>. Тем не менее даже в обобщающей коллективной монографии «Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период» (Новосибирск, 1982) этому вопросу уделено немного места.

Рассмотрение вопроса о роли алкоголя в жизни рабочих, с нашей точки зрения, необходимо по целому ряду причин. Требуют уточнения сюжеты о потреблении алкоголя рабочими разных профессий, о побудительных мотивах, роли самих предпринимателей и государства в распространении или сдерживании пьянства, о традициях застолья во время праздников, для характеристики социокультурных процессов в рабочей среде. Интересен вопрос: касалось ли трезвенное движение рабочих региона и насколько оно было распространено. О трезвенном движении в Сибири писали Г.А. Бочанова и А.Л. Афанасьев, но в их работах мало материала именно о рабочих<sup>4</sup>.

Хронологически данная статья охватывает период с середины XIX в. до начала Первой мировой войны, когда в стране фактически был введен «сухой закон». Внутри этого периода следует выделить два этапа: с 1863 до 1902 г. в Западной Сибири и до 1904 г. в Восточной Сибири, когда действовала акцизная система. В 1902 г. в Западной и в 1904 г. в Восточной Сибири была введена монополия государства на производство и продажу водки.

Помимо уже упомянутого выше труда В.И. Семевского, который в определенной мере носит и характер источника, так как включает большие фрагменты документов делопроизводственного характера, при написании статьи также использовались материалы периодики, особенно сибирских газет, в которых уделялось должное внимание «рабочему вопросу» («Сибирская жизнь», «Восточное обозрение», «Сибирь»), и другие источники, в том числе архивные.

Особенно остро стоял вопрос пьянства рабочих на золотых приисках Сибири. Следует учесть, что в структуре сибирской промышленности золотопромышленность занимала весьма важное место. А пьянство рабочих на приисках неразрывно было связано с кражами золота и его сбыта кабатчикам и спиртоносам, что, естественно, наносило урон не только владельцам приисков, но и государству. На протяжении второй половины XIX в. численность рабочих на частных золотых приисках Сибири составляла более 27 тыс. чел., что на фоне слаборазвитой фабрично-заводской промышленности выглядит солидной цифрой<sup>5</sup>. При этом традиционно в составе данного отряда рабочих было много ссыльных, в том числе осужденных и по уголовным преступлениям, что, разумеется, влияло на их облик. Как отмечал А.Е. Плотников, «В массе своей ссыльно-поселенцы привносили в социально-психологическую атмосферу приисков обычаи и нравы уголовного и бродяжного мира.

Разгульное пьянство, азартные игры в карты, в «орлянку», драки, воровство и т.п.»<sup>6</sup>.

В.И. Семевский приводил свидетельства современников о различиях в поведении рабочих отходников из числа крестьян Европейской России и сибирских ссыльно-поселенцев: «Рабочие из Европейской России совсем иное дело. Они живут на приисках тихо и большую часть денег отправляют домой по почте»<sup>7</sup>.

Особый разгул на приисках царил в период первой волны золотой лихорадки, т.е. в 30 – 50-е гг. XIX в., когда администрация пыталась вовсе запретить потребление алкоголя во время приисковых работ. Хотя в Горном уставе 1857 г. было сказано, что завозить на прииски горячительные напитки в «самом ограниченном размере» все же можно<sup>8</sup>. Но нельзя было открывать кабаки ближе 50 верст от приисков. Это порождало ажиотаж у рабочих до начала приисковых работ и после их окончания. Некоторые рабочие брали в золотопромышленных конторах по сто и более рублей задатка и новую одежду в долг и стремились все это скорее пропить. Напомним, что зарплата приисковых рабочих делилась на задаток, т.е. аванс, который выдавался при найме и додачу, т.е. деньги, которые выплачивались после окончания сезона.

Еще большее пьянство охватывало рабочих, когда они двигались с приисков после окончания сезона. «Кабаки были расположены с стратегическим знанием дела у всех выходов из тайги... Ближайший к приискам кабак являлся для них (т.е. рабочих) раем обетованным, местом, с которого начинался их ежегодный периодический запой»<sup>9</sup>. Отдельные рабочие требовали шампанского, – «вина, что господа пьют», которого им, разумеется, не давали и нюхать, продавая по 7 – 8 р. за бутылку какой-нибудь бурды вместо клико»<sup>10</sup>.

В.И. Семевский приводит свидетельство некоего современника, который пытался выяснить у рабочих, почему они пьют. И рабочие ему отвечали: «что они знают свою глупость, знают, что много денег у них пропадает в пьяном виде, но что вино их единственное утешение в горькой доле»<sup>11</sup>.

В 50-е гг. на приисках стали во время работ выдавать винные порции. Но пьянству способствовало и то обстоятельство, что нередко золотопромышленник и откупщик это одно лицо. Были факты, когда подобный «предприниматель» рассчитывался с рабочими в своем же кабаке и не деньгами, а спиртным. В целом же в 30 – 50-е гг. на приисках наблюдалась тенденция не только к разрешению выдавать рабочим спиртное во время приискового сезона, но и поощрять владельцев делать это. Так, в 1859 г. председатель Кабинета Его Императорского Величества барон Мейендорф разрешил ежегодно выделять 2 тыс. руб. для закупки мяса и вина для выдачи больным рабочим на кабинетском Царево-Александровском прииске на Алтае<sup>12</sup>. А в октябре 1863 г. Главное

управление Восточной Сибири разослало горным исправникам циркуляр, в котором генерал-губернатор М.С. Корсаков рекомендовал выдавать рабочим ежедневную порцию вина, чтобы после окончания сезона они не пускались в загул. Но в то время владельцы приисков не готовы были исполнить подобную рекомендацию, так как не заложили в сметы подобные расходы.

В 1863 г. было разрешено открывать кабаки на расстоянии 20 верст от приисков. В это же время активизировали свою деятельность спиртоносы. В частности, тайной продажей спиртных напитков занимались арендаторы покосов, которые арендовали луга вовсе не для сенокосения, а для тайной виноторговли.

В 70-е гг. генерал-губернатор Восточной Сибири Синельников пытался принять ряд мер к сокращению пьянства рабочих. Так, он в 1871 и 1873 гг. обращался в Министерство финансов с предложением вновь ввести 50-верстную зону вокруг приисков свободную от кабаков. Но министр Рейтерн в письме от 2 февраля 1871 г. ответил ему, что это «неудобоприменяемая практика, ибо она приведет к развитию безпатентной торговли вином»<sup>13</sup>.

В администрации Восточной Сибири постоянно дискутировался вопрос о нормах спирта, отпускаемого рабочим, и как показала практика, несмотря на ряд попыток сократить поток спирта на прииски, он все же рос. Если в 1850-х гг. на одного рабочего завозили по ведру спирта, то в 80-е гг. от 2,5 до 3 ведер 80-градусного спирта<sup>14</sup>. Ведро вмещало 12,3 литра спирта, а винные порции отмерялись сотками, т.е. либо одна сотая ведра (120 г), либо две сотых (240 г), при этом спирт разбавлялся до крепости в 40 градусов.

Создается впечатление, что в Западной Сибири, особенно к концу века потребление алкоголя было меньше, чем в Восточной Сибири и объяснить это можно меньшей долей ссыльных в составе рабочих Западной Сибири. Так, в 1890 г. на приисках Восточной Сибири (Прибрежно-Витимская, Бодайбинская, Компания промышленности и др.) расход спирта на одного человека за сезон составлял от 2 до 3 ведер<sup>15</sup>. Несколько иная картина была на приисках Алтайского горного округа, на территорию которого массовая ссылка была запрещена, хотя ссыльно-поселенцы и приходили на заработки из сопредельных территорий. В операции 1893/94 г. на прииски Южно-Алтайского золотопромышленного дела было завезено 544 ведра спирта (рабочих мужчин – 316, женщин – 134, служащих – 28), на прииски Алтайского золотопромышленного дела завезли 893 ведра (рабочих мужчин – 515, женщин – 177, служащих – 65)<sup>16</sup>. В 1897 г. на 59 приисков Алтайского округа, где в указанном году было занято рабочих мужчин 2183, женщин – 267, служащих – 198, завезли 3248 ведер спирта, при этом 18 ведер остались неизрасходованными<sup>17</sup>.

В пореформенный период речь о запрете выдавать рабочим винные порции вовсе не шла. При этом утвердилось мнение среди медиков и чиновников, а также части владельцев, что, учитывая суровость климата и тяжесть работ, водка рабочим необходима для поддержания сил. Так, в циркуляре от 22 апреля 1877 г. генерал-губернатор Восточной Сибири барон Фредерикс потребовал отпуска «достаточных для поддержания сил винных порций, в особенности в ненастное время»<sup>18</sup>.

Обычными винные порции были по воскресным дням, в праздники, в ряде случаев при аварийных работах или особо тяжелых работах. На некоторых приисках Иркутской губ. (1889 г.) винные порции выдавались ежедневно, на других – три раза в неделю. На приисках пили и женщины, детям (работали с 12 лет) винные порции не были положены, но их угощали. При этом к алкоголю приучались не только мальчики, но и девочки. Об обстановке на приисках Томской губ. в воскресные дни писал один из современников: «Все с нетерпением ждут 11 часов дня, когда выдается в кабачке общая порция – две сотых ведра на каждого. С выдачей этих сотых как будто и начинается праздник... В казармах начинаются беседы, споры, пение и пляски под игру на гармонике, снова усиленно начинают прикладываться к водке, которую раздобыть на приисках всегда можно...»<sup>19</sup>.

Впрочем, если рабочий отказывался от винных порций, то их стоимость могла переводиться в денежный эквивалент и пополнять зарплату. На одном из приисков Восточной Сибири 50% рабочих отказывались от водки и имели доплату размером 6 руб. в месяц. Но на приисках Лензото в то же время (90-е гг.) за отказ от водки денег не выдавали<sup>20</sup>.

Огромный урон золотопромышленным компаниям, да и самим рабочим наносили спиртоносы, особенно в Витимской тайге. Здесь спиртоносы запасались водкой в с. Витим, они передвигались по тайге шайками численностью по несколько десятков человек и были вооружены. Шайка Чагина насчитывала до 40 чел., при подступах к прииску они прятали емкости со спиртом в снегу либо мху, посылали своего человека на прииск, чтобы тот сообщил рабочим и те по очереди ходили в тайгу для встречи со спиртоносами и, как правило, меняли спирт на утаенное, фактически сворованное, золото.

В пореформенный период, как и до 1861 г., настоящие оргии рабочих шли во время движения с приисков после окончания сезона, особенно в городах Енисейске, Мариинске, селах Витим и Тисуль, последнее в Томской губ. В 70-е гг. генерал-губернатор Восточной Сибири даже отдавал распоряжения, чтобы рабочих везли в обход Енисейска, но это приводило к еще более уродливым явлениям. Торговцы, а с ними и проститутки выезжали на дороги навстречу отрядам рабочих для «общения», что финансам рабочих наносило еще больший урон.

Важные подсчеты о доле расходов на спиртное в бюджетах рабочих сделал В.П. Зиновьев<sup>21</sup>. В бюджетах холостых рабочих в 1900/1 г. они составляли от 20 до 25% или от 4,8 до 6 руб. Это много, если сопоставить с аналогичными расходами холостых же рабочих в Европейской России, где в начале XX в. они составляли (вместе с расходами на табак) 8,1% у питерских рабочих и 6,2% у киевских<sup>22</sup>. Во взаимоотношениях рабочих и приисковых управлений винные порции часто становились предметом торга и отстаивания интересов каждой из сторон. В хронике рабочего движения в Сибири отмечены 7 стачек и волнений, в которых рабочие требовали винных порций<sup>23</sup>. И эта статистика, конечно, неполная. И сказанное относится не только к рабочим золотых приисков, но и другим категориям, например, строителям Обь-Енисейского канала<sup>24</sup>.

И после перехода к казенной продаже водки, пьянство на золотых приисках не прекратилось. Так, на Всероссийском съезде золотопромышленников в 1907 г. отмечалось, что «Все золотопромышленники указывают на развитие на промыслах пьянства. Рабочий в большинстве пропивает весь свой заработок»<sup>25</sup>.

К сожалению, информации в источниках относительно рабочих обрабатывающей промышленности значительно меньше, отчасти это объясняется отсутствием здесь до 1914 г. фабрично-заводской инспекции и земства. И все же определенная картина, благодаря источникам личного происхождения и периодической печати, складывается. Разные источники свидетельствуют, что в Сибири в начале XX в. и в городской, и в сельской местности употребление алкоголя было больше, чем в Центральной России. По сведениям за 1906 г., на основе статистики по казенной продаже питей, среднее потребление по уездам Сибири составляло 0,58 ведра на человека ( в России – 0,46 ), в городах, соответственно, 3,06 и 1,76. Но самые высокие показатели в городах Забайкальской обл. ( 7,25 ), Иркутской губ. ( 5,39 ), Якутской обл. ( 5,23 )<sup>26</sup>.

Особенно часты были сообщения о пьянстве рабочих кожевников, пимокатов, шубников, сапожников. Вспомним поговорку: «Пьет как сапожник». Связать такую ситуацию можно с тяжелыми условиями труда и в то же время с низким образовательным уровнем. Томский социал-демократ В.Е. Воложанин под псевдонимом «Volana» в начале 900-х гг. разместил ряд острых публикаций в иркутской газете «Восточное обозрение» о положении рабочих в Томске. В одной из заметок он писал: «Пьянство распространено очень сильно, тем оно сильнее, чем тяжелее условия труда. Развито оно среди кузнецов, столяров, но особенно на кожевенных и овчинно-шубных заводах<sup>27</sup>. Тюменские кожевники были пристрастны не только к выпивке, но и жестоким кулачным боям, на которые собирались толпы по 200 чел.<sup>28</sup>

У булочников Томска, по свидетельству врача Мультиановского, алкоголь был единственной утехой. Труд этой категории рабочих был

очень тяжел (ручной замес теста, в основном в ночное время), они не имели собственного жилья и проживали, точнее – существовали при пекарнях и булочных. Профессиональными болезнями были грыжи и пороки сердца, семьями не обзаводились и к 30 – 35 годам становились инвалидами или даже умирали<sup>29</sup>.

Выпивка после получения зарплаты была известной в России традицией и Сибирь не была в этом отношении исключением. В качестве примера можно привести спичечную фабрику Кухтериных в Томске<sup>30</sup>. Нередко владельцы предприятий поощряли рабочих алкоголем в случае сверхурочных работ или получения большого заказа. В Петуховских мастерских Переселенческого управления в Омском уезде, где было занято 80 рабочих, после успешной установки новой вагранки и трансмиссии, им выдали 23 руб. на водку. Кстати, часть рабочих предлагала эти деньги израсходовать на книги и журналы, но они оказались в меньшинстве<sup>31</sup>. В томских типографиях рабочие за сверхурочные работы также получали деньги на водку, здесь традиционно рабочих владельцы угощали 1 сентября в связи с началом зимнего сезона. Суть в том, что в соответствии с контрактами, с указанной даты рабочий день должен был сокращаться, но этого не происходило и рабочие трудились, как и в летний период, по 11,5 часов<sup>32</sup>.

Барнаульские пимокаты фабрики купца И.И. Полякова 1 мая 1904 г. пришли поздравить владельца с праздником! Он отреагировал своеобразно, дав рабочим денег на два ведра водки, которую они и выпили, но только после окончания рабочего дня. Таким образом, и стачки владельцу удалось избежать, а рабочим праздник отметить<sup>33</sup>.

Причины пьянства рабочих в Сибири не отличались от общероссийской картины, да и зарубежных стран так же. Еще Ф. Энгельс в работе «Положение рабочего класса в Англии» писал: «Пьянство перестало здесь (т.е. в рабочих семьях – В.С.) быть пороком, за который можно осуждать того, кто им заражен; оно становится необходимым явлением, неизбежным следствием определенных условий, которые воздействуют на объект...»<sup>34</sup>.

Но и другие категории населения Сибири не блистали трезвостью. Пьянство было распространено и среди крестьянства, самого значительного слоя. Один из исследователей данной темы (А.А. Базин) отметил: «Судя по крестьянским корреспонденциям (в газету Алтайский крестьянин – В.С.), пили все – от мала до велика. Так, в одном из сельских училищ Томской губ. был проведен опрос учеников об употреблении ими вина. Из 70 опрошенных учеников пили вино все, допьяна напивались 15 мальчиков в возрасте от 9 до 16 лет. Из 40 опрошенных девочек пили все, но допьяна не напивалась ни одна»<sup>35</sup>.

О понимании частью общества проблемы пьянства свидетельствовали не только материалы периодики, но и создание обществ



трезвости, в создании которых главную роль играла Православная церковь. Всего в Сибири к 1911 г. было создано 80 обществ, в основном в сельской местности (71) и только 9 в городах. В среднем на одно общество приходилось 124,4 чел.<sup>36</sup> Надо признать, что это более чем скромные показатели.

Таким образом, можно констатировать, что потребление алкоголя рабочими Сибири было неотъемлемой составляющей их повседневной жизни и обычно привыкали к алкоголю они еще в детстве. Алкоголь расценивался как вознаграждение за тяжелый труд и все тяготы жизни вообще. Вопрос о вреде алкоголя для здоровья рабочими вовсе не ставился и если они осознавали вред пьянства, то только из-за материальных расходов. Алкоголь играл важную роль во взаимоотношениях предпринимателей и рабочих, его рабочие могли получать как поощрение за сверхурочные или особенно тяжелые работы, в дни праздников. Сильнее всего алкоголизация наблюдалась в среде рабочих золотых приисков, кожевников, пимокатов, шубников, пекарей и некоторых других, т.е. в основной массе мануфактурных, а не фабрично-заводских рабочих.

---

1. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Новосибирск, 2003. С.105.
2. Чудновский С. Енисейская губерния к трехсотлетнему юбилею Сибири (социально-публицистические этюды). Томск, 1885. С. 114.
3. Зиновьев В.П. К вопросу об экономическом положении горнорабочих Сибири (1895 – 1914 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 154.
4. Афанасьев А.Л. Сведения об обществах трезвости Сибири и Дальнего Востока на 1911 г. // Из истории революций в России (первая четверть XX в.): Материалы Всерос. симпозиума, посвященного памяти И.М. Разгона. Томск, 1996. Вып. 1. С. 129 – 134; Бочанова Г.А. Попечительства о народной трезвости в Западной Сибири (конец XIX – начало XX в.). Сибирь в ХУП – XX веках: демографические процессы и общественно-политическая жизнь: Сборник науч. тр. Новосибирск, 2006. С. 124 – 146.
5. Зиновьев В.П. Очерки социальной истории индустриальной Сибири XIX – начало XX в. Томск, 2009. С. 185, 194.
6. Плотников А.Е. О формировании социального облика рабочих сибирской золотопромышленности (1895 – 1904 гг.) // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 8. С. 90.
7. Семевский В.И. Рабочие на сибирских золотых промыслах: Историческое исследование. СПб., 1898. Т.1. С. 157.
8. Семевский В.И. Указ. Соч. Т. 2. С. 39.
9. Семевский В.И. Указ. Соч. Т.1. С. 257.
10. Там же. С. 158.
11. Там же. С. 156.
12. Там же. С. 280.
13. Там же. Т. 2. С. 16.
14. Там же. С. 52.
15. Там же. С. 392.

16. Государственный архив Алтайского края ( ГААК ). Ф. 189. Оп.1. Д. 4. Л. 17об., 33.
17. Там же. Д. 14. Л. 5об.
18. Семевский В.И. Указ. Соч. Т. 2. С. 388.
19. Колычев А. Рабочие на приисках Сибири. Томская горная область. СПб.,1904. С. 59.
20. Семевский В.И. Указ. Соч. Т. 2. С. 392,393.
21. Зиновьев В.П. К вопросу об экономическом положении. С. 154.
22. Условия быта рабочих в дореволюционной России. М.,1958. С. 35, 36.
23. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика. Томск,1988, Т.1. С. 171, 173, 174, 176, 179, 181,190.
24. Агеев И.А. История Обь-Енисейского соединительного пути: Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. Томск, 2012. С. 19.
25. Романов Ф. Сибирь на Всероссийском съезде золотопромышленников // Сибирские вопросы. 1907. 8 апреля.
26. Сибирь (Иркутск). 1909. 23 июня.
27. Восточное обозрение (Иркутск). 1900. 9 марта.
28. Мишин М. Тюменская организация РСДРП в 1905 – 1917 гг. // Каторга и ссылка. 1934. Кн. 4. С. 34.
29. Мультиановский П. Булочники и условия их труда в Томске // Гигиена и санитария (СПб.). 1912. № 23 – 24. С. 15.
30. Рябов Ю., Кузьменко И. Фабрика «Сибирь». Томск, 1950. С. 9.
31. Звезда: Полный текст. № 1 – 96.1910 – 1912. Вып. 7. Невская звезда. № 1 – 14. 1912. М.,1934. С. 142.
32. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6864. Оп.1. Д. 185. Л. 3.
33. Шуманов И.Р. Откуда появились первые революционные пимокаты (из воспоминаний пимоката) // Барнаульские пимокаты. Барнаул,1927. С. 55.
34. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии по собственным наблюдениям и достоверным источникам // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. С. 337.
35. Базин А.А. Проблема пьянства и борьба с ним в сибирской деревне начала XX в. (по материалам региональной периодики) // История и культура Сибири в исследовательском и образовательном пространстве (к юбилею Е.И. Соловьевой). Новосибирск,2004. С. 255.
36. Афанасьев А.Л. Указ. Соч. С. 131 – 133.

**В.М. Марасанова<sup>1</sup>**

### **Положение рабочих Верхневолжских губерний России в начале XX века в освещении центральной периодической печати**

Верхневолжский регион является частью Центрального крупного экономического района России. Его современные границы включают пять областей РФ – Владимирскую, Ивановскую, Костромскую, Тверскую, Ярославскую, а в начале прошлого века – это те же губернии, за исключением Иваново-Вознесенского промышленного района,

---

<sup>1</sup> © В.М. Марасанова, 2012

относившегося к Владимирской губернии. В начале XX столетия в Верхнем Поволжье сосредотачивались значительные промышленные и торговые центры, развитые транспортные коммуникации. На городских и сельских фабриках сформировались значительные группы кадровых и потомственных рабочих, многие из которых активно включались в общественно-политическое движение и становились членами оппозиционных партий и профессиональных союзов. В связи с этим ценным источником для изучения положения рабочих региона, дополняющим данные фабричной инспекции, является периодическая печать левых партий и профсоюзов.

В результате проведенного исследования на страницах оппозиционной периодики (учитывались издания, по политической направленности стоявшие левее кадетов) за годы первой российской революции было выявлено 40 публикаций, касавшихся положения различных групп рабочих. В том числе 20 публикаций было выявлено в социал-демократической печати, 8 – в народнических изданиях и 12 – в профсоюзной прессе. По годам публикации на данную тему распределялись довольно равномерно: 1905 г. – 16, 1906 г. – 14, первая половина 1907 г. – 10.

Среди всех публикаций по изучаемому вопросу преобладали специальные корреспонденции – 25. Отдельные стороны жизни рабочих (рост цен безработица и т.д.) могли затрагивать телеграммы официальных правительственных телеграфных агентств – 11. Остальные 4 публикации представляли собой обзоры положения рабочих Центрального района России, подготовленные для профсоюзного журнала «Рабочий союз» и меньшевистской газеты «Дело жизни»<sup>1</sup>. Данные о положении рабочих довольно часто отражались в требованиях стачечников, и по региону удалось выявить 42 таких публикации. Большинство из них касалось Владимирской губернии – 18. В результате общее число публикаций, составивших источниковую базу данного исследования, достигло 82.

Количество и содержание публикаций о положении рабочих достаточно четко отражали их профессиональный состав. Основная часть информации была связана с положением самой крупной группы рабочих Верхнего Поволжья – текстильщиков (53 публикации). Информация о металлистах и железнодорожниках была связана исключительно с их участием в забастовочном движении. Отдельных публикаций о положении этих категорий рабочих не удалось выявить даже в их отраслевых профсоюзных органах печати.

Требования, выдвигаемые во время стачек металлистами и железнодорожниками, являлись типичными для всех отраслей промышленности и категорий трудящихся. Например, рабочие литейно-механического завода Смолякова в Ярославле в феврале 1905 г. предъявили администрации следующие требования: 1) 8-часовой рабочий

день; 2) отмена обысков; 3) вежливое обращение; 4) повышение платы на 20% и т.д.<sup>2</sup>. Недовольство рабочих механических заводов Г-ва Кольчугина вол Владимирской губернии вычетами из заработной платы вылилось в 6-часовую забастовку в феврале 1907 г.<sup>3</sup>

Если о текстильщиках писали периодические издания различных партий, а о некоторых категориях рабочих, например, портных, можно было прочитать только в их профессиональных органах<sup>4</sup>. В то же время о положении грузчиков на пристанях г. Рыбинска в Ярославской губернии писали социал-демократические газеты, а о строительных рабочих Ярославля газеты трудовиков<sup>5</sup>.

Основная доля публикаций о положении текстильщиков региона была закономерной. В Костромской и Владимирской губерниях текстильщики составляли до 90% всех промышленных рабочих, а в Ярославской губернии – около половины и т.д. Текстильщики оставались наиболее крупным отрядом рабочих для Твери, Иваново-Вознесенска, Ярославля, Кинешмы, Орехово-Зуева. В то же время среди текстильщиков была довольно массовой группа рабочих, еще сохранивших связи с крестьянским хозяйством. Это так называемые «ближняки», «зимники» по выражению авторов корреспонденций. Не случайно вплоть до весны 1905 г. наиболее распространенными характеристиками текстильщиков Иваново-Вознесенска, Костромы и Ярославля в левой периодике были слова «придавленность», «забитость», «серость», «отсталость». В большевистских газетах фабрика Ф. Кашина в Костроме и Ярославская Большая мануфактура «ЯБМ» соответственно назывались костромским и ярославским «Порт-Артурами»<sup>6</sup>; настолько незыблемыми казались эти предприятия для «фабричных беспорядков», т.е. забастовок.

Главные требования стачечников были экономическими и напрямую связанными с положением рабочих – это снижение продолжительности рабочего времени и повышение заработной платы. Они содержались в 35 из 42 учтенных публикаций по данному вопросу. В ходе 19 стачек рабочие добивались введения 9- и 10-часового рабочего дня. Особо необходимо выделить требование 8-часового рабочего дня – лозунг международного пролетариата в начале XX века. Это требование включила программа РСДРП, и его предъявление носило политический характер. В большевистских газетах «Вперёд» и «Пролетарий» сообщалось, что такое требование выдвигалось в ходе стачке текстильщиков в с. Кохма в январе 1905 г.<sup>7</sup>. Всего периодическая печать отметила выдвижение данного требования в 12 стачках.

Недоедание и некачественное питание одновременно с тяжелой работой на износ подрывали здоровье рабочих. По данным профсоюзной печати в Иваново-Вознесенске каждый рабочий болел от 2 до 5 раз в год<sup>8</sup>.

Особое недовольство рабочих вызывала грубость и «невежливое отношение» хозяев предприятий и представителей фабричной

администрации – директоров, управляющих, мастеров, приказчиков, табельщиков. Согласно изученным материалам, во время 17 стачек рабочих верхневолжских губерний требовали уволить кого-либо из должностных лиц<sup>9</sup>.

Рабочие часто требовали улучшения условий труда и проживания. Типичная картина рабочих кварталов была нарисована корреспондентом большевистской газеты из Иваново-Вознесенска: «Улицы, где весной и осенью – море грязи. Воздух пропитан гарью... Искривленные домишки, где в нестерпимой духоте спят вповалку десятки рабочих»<sup>10</sup>.

В Вичугско-Кинешемском промышленном районе (Костромская губерния) на 40 фабриках работало около 30 тыс. человек. Из них 12 тыс. жили в бесплатных фабричных казармах, 8 тыс. снимали жилье, и еще 10 тыс. имели свои дома<sup>11</sup>. Такие рабочие-«ближняки» не полностью оторвались от крестьянского труда и совмещали работу на фабрике и в своем хозяйстве либо вообще уходили в страдную пору в деревню на полевые работы.

Особенностью уездного города Рыбинска Ярославской губернии было преобладание рабочих, связанных с перевозкой и переработкой грузов. С начала XIX века главной отраслью хозяйственных занятий города была оптовая торговля хлебом, его перегрузка и перевозка по железной дороге в крупные города и, прежде всего, в столицы. В связи с этим одной из значительных групп городского населения здесь являлись железнодорожники, судорабочие и грузчики. В частности, с Рыбинском были связаны все 4 выявленные публикации периодической печати о волжских грузчиках. О них писали социал-демократические и эсеровские газеты, в основном уделяя внимание каторжным условиям труда и его низкой оплате<sup>12</sup>. Заработная плата практически не росла, потому что местный биржевой комитет признал её «вполне достаточной»<sup>13</sup>. Организованным действиям рабочих мешала высокая безработица и постоянное наличие резервной армии желающих наняться на работу даже на невыгодных условиях. Хозяева использовали в своих интересах столкновения артелей разных этнических групп, играя, например, на неприязни местных артелей к грузчикам-татарам, соглашавшимся работать за более низкую плату.

В публикациях 1905 г. о стачках и положении рабочих отмечались достигнутые успехи. На многих предприятиях региона была несколько сокращена продолжительность рабочего дня и повышена заработная плата. За 1905–1909 гг., фактически главным образом за период первой российской революции, номинальная заработная плата по сравнению с предыдущим пятилетием возросла по Владимирской и Костромской губерниям на 17%, а по Ярославской – на 25%. Однако в связи с ростом цен на предметы первой необходимости и продукты питания реальная заработная плата возросла только по Ярославской губернии – на 5%, а по

Владимирской и Костромской, напротив, снизилась на 2-3%<sup>14</sup>. Следует признать, что протестное движение рабочих в 1905 – первой половине 1907 гг. позволило добиться существенного роста номинальной заработной платы и, следовательно, улучшить или замедлить ухудшение реального материального положения своих семей.

Естественно, оппозиционная периодическая печать акцентировала внимание на проблемах рабочих, а проблемы острее стояли у менее квалифицированных и соответственно низкооплачиваемых категорий трудящихся. В то же время следует подчеркнуть значение данных центральной оппозиционной периодической печати как исторического источника о положении рабочих разных регионов России.

В этом отношении особенно выделялись материалы профсоюзной прессы, дававшие текущие и обзорные сведения по изучаемому вопросу. Так, на конференции профессиональных союзов текстильщиков Центрального промышленного района в феврале 1907 г. отмечалось, что в результате забастовок 1905–1906 гг. рабочий день на большинстве предприятий уменьшился с 11–12 до 10,5 часов, однако заработная плата, несмотря на увеличение по разным предприятиям и фабричным центрам на 5–25%, все же оставалась «нищенской»<sup>15</sup>. На текстильных фабриках условия труда по-прежнему оставались тяжелыми – отсутствовала вентиляция и заграждения у станков, постоянно росла интенсивность труда.

Периодическая печать отразила положения на предприятиях химической отрасли региона. «Морильнями рабочих» называли в Ярославле свинцово-белильные заводы и фабрики по производству махорки. В силу особенностей производства на этих предприятиях рабочие все время находились в душной атмосфере. Владельцы экономили на вентиляции, зато их чистая прибыль только от выделки сурика превышала 40%. Зарботная плата на химических заводах выросла в среднем с 12–14 до 16–25 руб. в месяц, но условия работы практически не изменились<sup>16</sup>.

Уже в 1906 г. начались попытки предпринимателей забрать назад уступки, вырванные в результате стачек 1905 г. Это не могло не вызвать возмущения рабочих, и, естественно отразилось в публикациях газет и журналов левого направления<sup>17</sup>. Владельцы предприятий использовали широкий арсенал средств против протестного движения рабочих – от уступок до репрессий; за любое проявление недовольства и подстрекательство к забастовке угрожало увольнение<sup>18</sup>. Как уже отмечалось выше, организованным действиям рабочих мешала безработица, как способ «чистки» оппозиционных элементов служили традиционные весенние увольнения перед Пасхой<sup>19</sup>. Всем рабочим выдавались паспорта, а затем начиналась новая запись, становившаяся «фильтром» для социально активных рабочих, и, потеряв работу, многие оказывались в совершенно бедственном положении.

В 1906–1907 гг. роста безработицы в Верхневолжском регионе касались 9 корреспонденций и телеграмм<sup>20</sup>. В Иваново-Вознесенске о расчете рабочих в октябре 1906 г. объявила ткацкая мануфактура А. Бакулина, в связи с началом ремонта распустил часть своих рабочих владелец ситцевой фабрики Н. Гарелин<sup>21</sup>. В Ярославле весной 1906 г. количество безработных достигло 2 тыс. человек<sup>22</sup>. Частичное свертывание производства и массовые локауты приводили к дезорганизации производства, еще не оправившегося от последствий забастовок 1905 г., и ухудшали положение рабочих региона.

Чтобы частично компенсировать падение рентабельности производства и своих прибылей, владельцы предприятий использовали разные методы. В частности, в Иваново-Вознесенске цены на ситец повысились в среднем на 3–4 коп. за аршин, что позволило предпринимателям даже в 1905 г., по образному выражению корреспондентов левой прессы, «остаться с барышом»<sup>23</sup>. Однако такое подорожание опять-таки ударило по карману рядового потребителя, в том числе и рабочих.

Сразу после окончания 52-дневной стачки на Ярославской Большой мануфактуре в январе 1906 г. администрация закрыла школу при фабрике и передала свою больницу в ведение земства<sup>24</sup>. Собственный корреспондент петербургской газеты «Светоч» подробно описал действия владельцев фабрики в первой половине 1906 г. Правление лишило рабочих бесплатной бани, урезало кредиты в лабазе-фабричной лавке, закрыло библиотеку-читальню, прекратило отпуск средств на хор и спектакли. Особенно чувствительной для рабочих стала отмена пособий в счет получаемого жалования, из которых были оставлены только пособия на похороны. Однако рабочие понимали истинную подоплеку дел и то, на какие цели были израсходованы «сэкономленные» таким образом средства. Администрация перераспределила эти деньги на содержание при ЯБМ сотни оренбургских отставных казаков, уплачивая каждому из них 25–30 руб. в месяц при бесплатной квартире. Таким образом, средства, ранее предназначавшиеся для решения социальных вопросов и улучшения положения рабочих, были переданы на содержание сил, готовых по первому же распоряжению администрации предприятия подавить любое проявление недовольства<sup>25</sup>.

В период отступления революции среди сообщений центральной оппозиционной прессы из региона стали довольно часто встречаться материалы о разгонах рабочих митингов и собраний, об избиениях рабочих стражниками и казаками<sup>26</sup>. Казаков использовали для поддержания порядка на промышленных предприятиях в рабочее время. Под их надзором рабочие фактически попадали на положение арестантов на своих рабочих местах.

Но такие действия зачастую имели обратный результат. Наступление на права рабочих, безусловно, ухудшало положение рабочих и не способствовало решению накопившихся социальных проблем. Это создавало на близкую и далекую перспективу основу для вовлечения новых категорий рабочих в протестное движение и не оставляло надежд на мирное разрешение конфликтов с предпринимателями. Патерналистская модель взаимоотношений предпринимателей и рабочих на многих предприятиях была слишком быстро «отброшена» после забастовок 1905 г., и административные жесткие (даже полувоенные) меры прекращения конфликтов вновь оказались самыми привычными в российских регионах.

Таким образом, центральная оппозиционная периодическая печать уделяла внимание положению различных категорий рабочих Верхневолжского региона в начале XX столетия. В связи с тем, что самым массовым отрядом рабочих являлись текстильщики, материалы о них преобладали на страницах левой прессы и составили две трети из выявленных публикаций. Изучение социал-демократической, неонароднической и профсоюзной периодики показало, что органы печати данного направления чаще всего рассматривали положение рабочих при описании стачечного движения или при характеристике условий ведения организационно-пропагандистской работы в рабочей среде.

Партийная социал-демократическая печать освещала условия труда и быта рабочих региона как объективные факторы, способствовавшие расширению политической работы среди населения, поэтому неудивительно, что чаще всего оппозиционная пресса писала о положении низкоквалифицированных и малооплачиваемых категорий трудящихся. Особое внимание корреспонденты большевистской и меньшевистской печати уделяли организованности действий рабочих и степени влияния РСДРП в рабочей среде. Публикации в центральной неонароднической печати о положении рабочих были единичными. В центральной профсоюзной прессе важное место отводилось призывам рабочих к объединению в союзы; на конкретных примерах показывались результаты, достигнутые рабочими в результате совместных сплоченных действий. Основной целью таких публикаций являлось убеждение рабочих в том, что без объединения в профессиональные союзы им не удастся добиться реального улучшения своего положения. Материалы периодики помогают понять трудности, возникавшие в деятельности левых партий в регионах, условия и особенности развития рабочего движения и специфику организационно-пропагандистской работы с различными категориями трудящихся.

Полнота, достоверность и точность информации периодических изданий не может быть оценена однозначно. На неё влияли разные факторы: наличие в определенный период времени широкой сети газет и



журналов, легальный либо нелегальный характер издания; их связи с Верхним Поволжьем, активность переписки с собственными корреспондентами и читателями. Можно отметить, что политическая направленность изданий практически не влияла на характер публикаций о положении рабочих. Все оппозиционные партийные издания и профсоюзные органы писали о тяжелых условиях жизни рабочих и делали сходные выводы о необходимости сплочения и совместных действий. Существенное влияние на полноту и правильность сведений оказывала степень осведомленности автора публикации. К сожалению, выяснить её удавалось не всегда, и источник информации чаще всего оставался неизвестным. Наибольшую ценность в информативном плане имели сообщения собственных корреспондентов, свидетелей и участников событий.

На страницах печати рассказывалось о настроениях рабочих, об их требованиях во время стачек и волнений. Публикации на страницах центральной периодической печати помогают более глубоко понять основные проблемы труда и быта рабочих различных регионов России в рассматриваемый период. Кроме того, они дают ценный материал для анализа и сравнения данных по различным губерниям и, при условии сопоставления с другими видами исторических источников, содействуют созданию более объективной картины положения различных категорий рабочих в условиях модернизации промышленного производства и серьезных социальных конфликтов в начале XX столетия.

<sup>1</sup> Рабочий союз. 1906. 24 окт. № 4; 14, 24 нояб. № 7, 8; Дело жизни. 1907. 5 апр. № 8.

<sup>2</sup> Вперед. 1905. 30 марта. № 14.

<sup>3</sup> Истина. 1907. 22 февр. № 4.

<sup>4</sup> Листок союза рабочих портных, портних и скорняков. 1906. 19 дек. № 20; Портной. 1907. 29 апр. № 1.

<sup>5</sup> Крестьянская Россия. 1906. 21 мая. № 6; Искра. 1905. 15 июня. № 102; и др.

<sup>6</sup> Пролетарий. 1905. 11 окт. № 22; Вперед. 1905. 2 дек. № 1.

<sup>7</sup> Вперед. 1905. 15 февр. № 8; 9 мая. № 17; Пролетарий. 1905. 23 авг. № 15.

<sup>8</sup> Вестник работниц и рабочих волокнистых производств. 1907. 28 февр. № 2.

<sup>9</sup> Искра. 1905. 6, 17 марта. № 91, 93; Вперед. 1905. 30 марта. № 14; Волна. 1906. 28 апр. № 3; и др.

<sup>10</sup> Пролетарий. 1905. 13 июня. № 5.

<sup>11</sup> Правда. 1906. Февр. № 4.

<sup>12</sup> Искра. 1905. 15 июня. № 102; Народный вестник. 1906. 26 мая. № 16; Русский набат. 1906. 7 июня. № 2; Эхо. 1906. 27 июня. № 7.

<sup>13</sup> Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области. Ф. 8. Оп. 1. Д. 574. Л. 1 об.

<sup>14</sup> Мейерович М.Г. Изменения номинальной и реальной заработной платы рабочих Центрального промышленного района России в период империализма (1897 – 1914 гг.) // Рабочий класс центра страны и Сибири (конец XIX – начало XX в.), Новосибирск, 1981. С. 66.

<sup>15</sup> Вестник работниц и рабочих волокнистых производств. 1907. 28 февр. № 2.

- <sup>16</sup> Московская газета. 1905. 15 нояб. № 3; Мысль. 1906. 2 июля. № 12.
- <sup>17</sup> Волна. 1906. 5 мая. № 19; Голос. 1906. 5 мая. № 7; Жизнь приказчика. 1906. 16 дек. № 3.
- <sup>18</sup> Рабочий союз. 1906. 24 окт. № 4; 24 нояб. № 8; Вестник работниц и рабочих волокнистых производств. 1907. 28 февр. № 2; Светоч. 1906. 30 мая. № 16.
- <sup>19</sup> Рабочий союз. 1906. 24 окт. № 4; Дело жизни. 1907. 5, 12 апр. № 8, 13.
- <sup>20</sup> Призыв. 1906. 4 апр. № 46; 12 мая. № 76; Дело народа. 1906. 12 мая. № 9; Волна. 1906. 14 мая. № 17.
- <sup>21</sup> Рабочий союз. 1906. 14 нояб. № 7.
- <sup>22</sup> Волна. 1906. 5 мая. № 9.
- <sup>23</sup> Рабочий союз. 1906. 24 нояб. № 8.
- <sup>24</sup> Призыв. 1906. 19 янв. № 5.
- <sup>25</sup> Светоч. 1906. 30 мая. № 16.
- <sup>26</sup> Дело жизни. 1907. 11 апр. № 12; Невская газета. 1906. 3 мая. № 2; Волна. 1906. 14 мая. № 17.

**А.В. Новиков**

### **Изучение жилищных условий фабрично-заводских рабочих дореволюционной России: основные подходы и перспективы**

Характеристика жилищ дореволюционных рабочих с момента промышленной модернизации России занимало заметное место в трудах исследователей. Изучение проблемы прошло несколько этапов и развивалось по нескольким направлениям. Существует потребность обобщить имеющиеся наработки и предложить новые направления анализа вопроса.

Дореволюционные авторы характеризовали жилищные условия фабричных рабочих в основном как неудовлетворительные. В этих характеристиках преобладал описательно-эмоциональный взгляд, граничащий с удивлением авторов теми условиями, в которых приходилось проживать рабочим. Ряд авторов из числа земских врачей, занятых организацией противоэпидемических мероприятий или фабричных инспекторов, фабрикантов, повседневно сталкивавшихся с нуждами работников, оставили подробные описания организации, качества и основных параметров жилья фабричных рабочих.<sup>1</sup> Общественные и партийные деятели рассматривали неудовлетворительные жилищные условия в числе причин стачечных выступлений. Обращали внимание на такие показатели как количество жильцов в одном помещении, объём воздуха, приходившийся на одного жильца, обеспеченность жилищ мебелью и необходимыми для жизни удобствами и конечно стоимость жилья. Единодушно отмечали антисанитарию, скученность и самую примитивную организацию быта.

---

<sup>1</sup> © А.В.Новиков, 2012

Характеризуя условия жизни рабочих Московской губернии в 1880-е годы, В.М.Дементьев отмечал, что «работая в сильно испорченном воздухе мастерских, рабочие, живущие в фабричных казармах, тотчас переходят в ещё более испорченный воздух своих спален. Такие рабочие всегда дышат отравленным воздухом».<sup>2</sup> Одним из наиболее известных является исследование К.А. Пажитновым жилья 174,6 тыс. рабочих города Москвы, относящееся к 1899 году. По его подсчётам, 70,2 % (11180) коечно-каморочных квартир были «настолько переполнены, что на каждого человека, находящего в них приют, приходится менее 1 куб. сажени». При этом цены на жильё составляли 5-6 руб. в месяц за каморку, что в среднем составляло 2 р.22 коп. за 1 место.<sup>3</sup>

Не менее безрадостная картина выявлялась современниками не только в Москве, но и в провинциальных промышленных центрах. В своих «этюдах» «Из жизни Иваново-вознесенских рабочих», Н.И. Воробьёв отмечал: «Многие рабочие пользуются хозяйским жилым помещением, фабричными казармами или спальнями... Казармы представляют только спальни. Тип этих спален прост и однообразен. Если спальни новые, то они представляют огромную высокую комнату, сплошь заставленную койками, с широким проходом по середине и у стен и очень узкими проходами между коек. Каждая койка состоит как бы из четырёх односпальных вместе составленных коек, отгороженных одна от другой низенькими стенками, образующими крест. Возле коек нет ни столов ни табуреток; сундучок помещается под койкой. В огромной спальне между окон расставлены столы, не больше как по одному столу человек на двадцать. При спальнях имеется кухня и столовая; стол ведётся на артельных началах».<sup>4</sup> Далее автор представил условия заселения и проживания, отмечая строгий режим фабричных казарм, запрет доступа в них родным, знакомым и посторонним лицам, систему штрафов за нарушения порядка. Большинство рабочих, по свидетельству Н.И. Воробьёва жили на вольных квартирах, которые, однако «переполнены ещё больше, чем казармы, и, по словам рабочих, трудно сказать, где хуже – на фабрике или дома».<sup>5</sup> Ещё более мрачная характеристика жилищных условий иваново-вознесенских рабочих представлена на страницах «Русского Богатства». На съёмных квартирах «в небольшой комнате помещается от 10 до 20 человек... обыкновенно в рабочих квартирах нет ни полатей, ни нар, и все квартиранты спят на полу, для экономии же места обыкновенно укладываются так, что ноги одного приходится с головой другого... При этом разделения полов не соблюдается.»<sup>6</sup> Качество жилья В. Дадонов рассчитывал по объёму воздуха на одного человека, отмечая, что не произошло значительного улучшения жилищных условий в начале XX века по сравнению с 70-ми гг. XIX столетия. Объём помещения на одного жильца возрос, по его утверждению возрос с 1/10 до 1/6-1/3 куб. сажени. Быстрый рост

фабричного населения привёл к заселению городских предместий, причём в качестве квартиры рабочие могли снимать старую баню или любую жалкую лачугу. Цены на проживание составляли 1-2 руб. с человека.<sup>7</sup> В. Дадонов упоминал поселение на квартирах двух комплектов рабочих пока одни работали, другие спали. Между 23.00 – 3.00 часами ночи и по праздникам все жильцы сталкивались вместе. Архивные данные подтверждают подобное расселение, в результате в праздничные дни такая квартира не могла вместить всех обитателей.<sup>8</sup> В Вичугском промышленном районе Костромской губернии жильем служила двух или трехкомнатная изба, размером 7х7 аршин. В такой квартире жили 10-12 человек. С вечера всю мебель (столы, стулья, скамьи) выносили из комнаты, на полу расстилали половики, одеяла, платье и на эти импровизированные постели ложились мужчины, женщины и дети. При таких условиях, по свидетельству Розы Ковнатор, не переводились тиф, скарлатина, корь, чесотка.<sup>9</sup> Совместное проживание в одной комнате мужчин и женщин, старых и молодых, холостяков и женатых отмечал в своих воспоминаниях рабочий фабрики наследников Н.Ф. Зубкова в Иваново-Вознесенске – Ф.Н. Самойлов.<sup>10</sup> В. Миндовский вспоминал: «спали на грязном полу. Здесь же с нами ютились сами хозяева, маленькие дети, а иногда и скотина».<sup>11</sup>

Старший фабричный инспектор Владимирской губернии В.Ф. Свирский выделил два типа поселения рабочих: первый тип – «дома», проживали жители соседних деревень, работавшие на небольших фабриках в сельской местности. К этому же типу расселения он относил тех, кто поселялся в тех же деревнях «на квартирах», нанимая помещения у местных сотоварищей по работе. Такой тип поселения автор называл «благоприятным во всех отношениях, а также выгодным для владельцев». Однако на большем количестве фабрик из-за «громадного скопления рабочих», практиковалось устройство казарм или «спален». Качество жилых помещений на предприятиях Владимирской губернии В.Ф. Свирский оценивал примерно на том же уровне, как и в Московской губернии.<sup>12</sup> Костромской фабричный инспектор В.В. Аристов в отчёте писал: «Для квартир рабочих отводятся... большие залы с тесно расположенными нарами, представлявшими из себя спальный помост вдоль комнаты на высоте вершков 14 от пола, разделённый для сна поперечными досками... Кроме тесноты эти помещения мало вентилируются, и в значительном числе случаев одна и та же койка служит для двоих: один приходит со смены и ложиться на койку, только что занимаемую другим».<sup>13</sup> Казармы для холостых рабочих, с общими помещениями на множество коек имели весьма широкое распространение. Так, на фабриках Товарищества Тверской мануфактуры бумажных изделий Морозовых, отличавшейся масштабным строительством рабочих казарм, в

122-й казарме, в общих комнатах проживало по 50-55 рабочих. Таких комнат в казарме насчитывалось около 20.<sup>14</sup>

Обобщая дореволюционные исследования и свидетельства современников можно отметить, что они весьма точно и ярко, порой эмоционально отразили неудовлетворительные условия проживания фабричных рабочих, выделили два типа жилищ, описали ценовой диапазон, качество жилья, скученность и антисанитарные условия. Качественной характеристикой рассматривали кубический объём помещения в расчёте на одного жильца.

Весьма популярным изучение жилья фабрично-заводских рабочих оставалось в советской историографии. Однако оно рассматривалось в основном лишь как один из факторов их революционной активности, причём не самый главный. Разделы, посвящённые описанию жилищных условий, как правило завершали характеристику труда и быта дореволюционных рабочих. В то же время превращение данного вопроса в обязательный элемент исследования позволило собрать и обобщить богатый региональный материал и прийти к качественным сдвигам в типологии жилья рабочих.

По прежнему очень ярко и образно рисовались условия жизни в фабричном посёлке. Исследователи с успехом применяли методы изучения вопроса, предложенные дореволюционными авторами.

П.М. Экземплярский анализируя качество фабричных «спален» на предприятиях Иваново-Вознесенска в 70-80-х гг. XIX века отмечал, что на одного жильца приходилось от 1/10 до примерно 1 куб. сажени воздуха, что в 3 – 3- раз меньше нормы. Рабочие квартиры заселялись артелями от 8 до 15 человек. Оба типа жилья отличались грязью, беспорядком. Мебель состояла из нар, лавок и сундуков с имуществом рабочего. К началу XX века в городе расстроилось местечко «Ямы», где жила основная масса рабочих. Беспорядочная застройка, отсутствие хозяйственных пристроек и помещений, грязные улицы, свалки мусора, копоть в воздухе – такой предстаёт фабричная слободка. Не изменилось и внутреннее убранство жилищ. Постелью служили шуба, пальто, собственная одежда.<sup>15</sup> Значительное внимание характеристике жилищных условий рабочих уделил М.Н. Белов. Он привлёк архивные отчёты о поездке министра внутренних дел Д.С. Сипягина в Ярославскую, Костромскую и Владимирскую губернии в 1901 году. В ходе поездки было выяснено, что в фабричных казармах в Ярославской губернии размещалось по 2 – 3 семьи. Объём помещений составляет менее 1 куб. сажени на человека. На фабрике А.И. Коновалова в Кинешемском уезде Костромской губернии описана семейная казарма, с общими спальнями для многих супружеств. Семьи размещались на нарах, составленных вплотную и разделённых ситцевыми занавесками. Такие общие залы вмещали по 150 семей. На фабрике А. Морокина в том же уезде в каморках размещалось по 16 семей

на двухэтажных нарах, где объём воздуха едва достигает 1/4 куб. сажени на одного человека. Сам Д.С. Сипягин оценивал квартиры при фабриках лишь в качестве прикрытия от непогоды и места для ночлега. По подсчётам М.Н. Белова к 1902 году «в казармах фабрик центра России из 676,8 тыс. проживало 308,5 тыс. человек или 45% всех рабочих». Им вновь привлечены материалы подтверждающие, что проживание на квартире «двух комплектов» рабочих было довольно распространённым явлением.<sup>16</sup> Э.В. Матвеева приводила выражение нерехтского уездного земского врача Соколова, что рабочие за 75 копеек в месяц снимали себе место, ограниченное размерами человеческого тела.<sup>17</sup>

В результате накопления и обобщения богатого материала, в монографии «Рабочий класс России от зарождения до начала XX века» были выделены 4 типа рабочих жилищ. Во-первых, фабричные казармы и бараки, места в которых администрация предоставляла рабочим за определённую плату. Такие жилища были призваны решить проблему недостатка рабочих рук на предприятиях промышленных селений Центрального района. Во-вторых, частные коечно-каморочные квартиры, характерные для промышленных центров. В-третьих, производственные помещения, цеха, где рабочие после работы спали на верстаках, на полу, в «скворечниках» - нарах, устроенных над рабочими столами. Четвёртый тип жилища – собственные избы, в которых проживала часть рабочих Центрального промышленного района и Урала. Отмечалось, что последние два типа преобладали на начальной стадии развития промышленного капитализма. Авторы дали обзор особенностей жилищных условий рабочих различных регионов страны, привели статистику распределения жилищ.<sup>18</sup> Советские исследователи установили, что по мере роста предприятий жилищный вопрос в промышленных центрах обострялся, хотя типы жилья и становились более разнообразными.

В последние два десятилетия на жилищную проблему исследователи взглянули с иной стороны. Вышло огромное количество работ, посвящённых благотворительности в дореволюционной России, в том числе раскрываются социальные мероприятия фабрикантов, строительство и содержание ими казарм для фабричных рабочих. Поставлен вопрос о финансовых затратах фабрикантов на организацию жилья рабочих.

На последней зональной конференции историков ЦПР в 1993 г. в г. Иваново, М.Г. Мейерович рассмотрел патерналистские мероприятия ярославских фабрикантов, в частности владельцев Ярославской Большой мануфактуры в том числе в вопросе строительства и оборудования рабочих казарм. «Для рабочих Ярославской Большой мануфактуры были построены 3-4-х этажные жилые корпуса по 150-240 комнат... каменные здания имели центральное отопление, общие кухни на этажах».<sup>19</sup> Впечатляющими были масштабы социальных мероприятий, проводимых правлением Товарищества Ярославской Большой мануфактуры, что

позволяло ей представить особую экспозицию на международной промышленной выставке 1900 г. в Париже.<sup>20</sup> Но даже такое предприятие не могло обеспечить всех рабочих. В комнату поселялось иногда по две семьи, что создавало определенную скученность. Получение жилья, пенсий, пособий, размещение в богадельне целиком зависело от администрации. М.Г. Мейеровичем было отмечено, что патерналистская, попечительная политика фабрикантов была направлена на укрепление патриархальных отношений и сохранение зависимости рабочих от фабричной администрации.

Бесплатное жилье предоставлялось рабочим от предприятий в Вичугском промышленном районе.<sup>21</sup> Фабрика Товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном могла соперничать с Ярославской Большой мануфактурой в социальном обеспечении рабочих. В исследованиях Ю.А. Петрова указано, что здесь тоже были построены казармы для одиноких и семейных рабочих, а кроме того возведены два поселка из отдельных домов, которые рабочие получали в собственность, выплачивая их стоимость в течение 12 лет.<sup>22</sup> Это был принципиально новый подход к решению проблемы жилья рабочих.

В связи с этим, Ю.А. Петовым проводится взгляд на благотворительность, как на один из путей смягчения социальных конфликтов. На это указывали и некоторые либеральные дореволюционные исследователи. Приводится пример, подтверждающий этот тезис: утверждается, что «волны забастовок 1900-х гг., как правило, обходили стороной коноваловскую вотчину» благодаря тому, что «рабочие ценили заботу о них молодого хозяина».<sup>23</sup> В известной мере благотворительность нельзя сбрасывать со счетов. Но еще работа над составлением хроники рабочего движения в Костромской губ. выявила документы об активном участии рабочих коноваловских фабрик в стачечном движении. На трех предприятиях Коноваловых в Кинешемском уезде Костромской губ. с 1895 по 1907 гг. было зарегистрировано 18 стачек, в том числе 11 – в годы первой русской революции. На самой фабрике А.И. Коновалова в с. Бонячках, где масштабы социальных мероприятий, казалось, были беспрецедентными, состоялось 8 забастовок. Притом рабочие этой фабрики, как и других коноваловских фабрик, участвовали в прекращении работ на соседних предприятиях.<sup>24</sup>

Беспрецедентным по масштабу было строительство и содержание рабочих казарм на фабрике Товарищества мануфактуры Саввы Морозова в мест. Никольском. И.В. Поткина посвятила этому сюжету отдельный параграф своей монографии. Она проследила строительство фабричных казарм на фабрике на протяжении 60-х гг. XIX – начала XX вв. К началу XX века при мануфактуре было возведено 30 казарм, при этом, как отмечено в исследовании, в 91,1 % каморок проживало по одной семье. Архивные данные подтверждают этот факт. В больших комнатах

размещались семьи до 8 человек, в средних – до 5, в малых – 2-3 чел. «При казармах устроены кухни, лари, кубы, ванны для детей и погреба».<sup>25</sup> И.М.Поткина приводит подсчёты стоимости строительства и содержания фабричных казарм фабрикой, отмечая, что их предоставление рабочим давало прибавку к жалованию рабочих от 23 % (в старых), до 40 %.<sup>26</sup> Однако и на Морозовских фабриках получение фабричного жилья целиком зависело от администрации. Жизнь рабочих в казармах регулировалась жестким режимом, подвергалась ряду ограничений вплоть до запретов приводить в казармы родственников.

Постановка вопроса о размерах затрат фабрикантов на строительство жилья рабочих является важной новацией современной историографии. *Благотворительность буржуазии имела свои границы и была под силу только владельцам крупных предприятий.*

Так, в 1870-е гг. началось возведение фабричной казармы на довольно крупной льнопрядильной и ткацкой фабрики купцов Зотовых. Толчком к строительству послужило посещение Владимиром Андреевичем Зотовым промышленной выставки в Санкт-Петербурге. Было возведено типичное здание коридорного типа. Коридоры были узкими, комнаты маленькими с плохим освещением. В 1880 г. для ткачей было построено двухэтажное здание. На первом этаже располагались кухня чуланы, кладовки, а на втором этаже были устроены комнаты для проживания ткачей.<sup>27</sup> Зотовские казармы не решили жилищно-бытовые проблемы рабочих своих фабрик, а условия проживания рабочих в казармах, при фабриках Товарищества Зотовых не отвечали элементарным санитарно-гигиеническим нормам. Однако новых инициатив по строительству казарм владельцы фабрик не проявляли. Реформаторский пыл братьев Зотовых остыл не случайно. Помимо казарм, Товарищество содержало двухклассное училище, библиотеку для рабочих и больницу, причём содержание социальных объектов, по опубликованным отчётам приносило кампании 7,5 тыс. рублей убытка в год.<sup>28</sup> При таких условиях от строительства новых казарм пришлось отказаться.

На Новой Костромской льняной мануфактуре в г. Костроме было выстроено три казармы. Первая, в три этажа, но без удобств, носила временный характер и в 1907 г. была разобрана. Вторая, представлявшая общие помещения для холостых рабочих, пользовалась дурной славой, рабочие заселялись в неё неохотно и она также была ликвидирована. В 1899 г. была выстроена новая четырёхэтажная сборная с центральным отоплением, кухнями, погребами, залами для игры детей. Погреба наполнялись продуктами за счёт Товарищества. Однако заселение производилось по две семьи в каждую каморку. При фабрике функционировало две фабричные лавки, две бани, школа для детей. Из прибыли отчисляли один процент в пенсионную кассу служащих. Создан капитал страхования рабочих.<sup>29</sup> Всё это требовало значительных затрат.



Только на постройку новой казармы было затрачено 271566 руб. при годовом её содержании почти в 40000 рублей.<sup>30</sup> Это при том, что чистая прибыль Товарищества, по подсчётам М.Н. Белова составляла в 1896-1906 гг. в среднем 239 тыс. рублей в год.<sup>31</sup> Для сравнения, совокупный месячный заработок рабочих Товарищества за октябрь 1908 г. составил 83345 руб. или 17 р. 40 коп. в среднем на одного рабочего.<sup>32</sup> В докладной записке Правлению, дирекция в 1913 г. высказывала мысль, что рабочие должны нести расходы по эксплуатации фабричного жилья, поскольку «при даровых квартирах... рабочие не заинтересованы ни в ремонтах, ни в стоимости отопления», фиксировалось «крайне небрежное отношение рабочих к жилищам».<sup>33</sup>

На уже упомянутой Ярославской Большой мануфактуре содержание учреждений, связанных с улучшением быта рабочих в 1903 г. было потрачено 156051 руб. 69 коп., а в 1905 г. 145000 руб.<sup>34</sup> В то же время в 1902-1904 гг. среднегодовая чистая прибыль Товарищества составляла 202474 руб., 49 коп., а в кризисном 1903 г. всего 97833 р. 57 коп. Суммарный месячный заработок рабочих фабрики в 1905 г. составлял 150000 руб.<sup>35</sup> Таким образом, в виде социальных и попечительных мер, к которым относилось содержание фабричного жилья, рабочие ЯБМ получали в течение года дополнительный месячный заработок. Кроме содержания казарм, мануфактура выплачивала рабочим, жившим «на вольных» квартирах квартирное довольствие в размере 72200 руб. в год.<sup>36</sup>

*Распределение рабочих по типам жилья с учётом его размера и стоимости на фабриках Костромской губернии позволяют установить материалы земских исследований. Эти данные сведены в таблице № 1.*

Таблица № 1. Распределение рабочих по типам жилья на фабриках Костромской губернии.<sup>37</sup>

Тип жилья		Товарищество Новой Костромской льняной мануфактуры (1908 г.)	Анненская мануфактура И.К.Коновалова близ Кинешмы, дер. Цыбиха (1910 г.)
проживают	- в деревне	3,88 %	26,14 %
	- в собственном доме	11,78 %	0,3 %
Фабричная казарма	- в отдельной квартире	0,12 %	15,68 %
	- в отдельной каморке	10,09 %	36,37 %
	- в общей каморке	2,48 %	5,0 %
Снимают	- нанимают	48,85 %	28,83 %

квартиры	квартиры (средняя оплата)	(5 руб. 10 коп.)	
	- нанимают комнату (средняя оплата)	18,85 % (3 руб. 30 коп.)	
	- живут в общих комнатах (средняя оплата)	3,84 % (1 руб. 72 коп.)	
Нет сведений		0,06 %	1,79 %

Сопоставление имеющихся данных показывает, что жилищный вопрос гораздо острее стоял в Костроме, где у рабочих было меньше возможности проживать в собственном доме, поэтому они предпочитали снимать жильё в городе, тратя на это значительную часть заработка (средний заработок составлял 17 руб. 40 коп.). На предприятиях сельской местности меньше были возможности съёма «вольных квартир» и ввиду недостатка таковых и наверное, ввиду более низкого заработка ( в среднем 15 руб. 41 ко. в месяц), поэтому здесь пришлые рабочие больше зависели от предоставления им фабричных казарм.

*Качественные характеристики жилых помещений* на предприятиях сельской местности можно проследить по данным обследования бумагопрядильной фабрики Товарищества братьев Горбуновых в Нерехтском уезде Костромской губернии. Они обобщены в таблице № 2.

Таблица № 2. Качество жилищных условий фабрики Товарищества братьев Горбуновых в Нерехтском уезде Костромской губернии.<sup>38</sup>

Число жильцов в квартирах	Доля фабричных рабочих, проживавших в указанных условиях в процентах
До 3-х чел.	3,13 %
4-5	9,21 %
6-7	13,88 %
8-10	18,03 %
11-15	21,3 %
16 и более	9,03 %
Неизвестно	3,42 %
Живут в прилегающих деревнях	21,98 %
Количество воздуха на 1 чел в куб. саж.	
До 0,5	24,24 %
0,51-0,75	22,09 %
0,76-1,00	7,77 %

1,01 и более	6,5 %
Неизвестно	2,84 %
Живут в прилегающих деревнях	21,98 %

Почти половина фабричных рабочих (48,36 %) проживала в крайне перенаселённых помещениях, когда в одной комнате размещалось более 8 человек. Это создавало дискомфорт фабричным рабочим, если учесть, что большая их часть происходила из крестьян окрестных селений, а по материалам «Свода подворной переписи», проведённой земствами Костромской губернии в начале XX века, средняя численность крестьянской семьи составляла 5,3 – 6,4 человека.<sup>39</sup> Ещё хуже обстояли дела с объёмом жилых помещений рабочих. Практически все они не удовлетворяли санитарно-гигиеническим нормам, принятым обязательными постановлениями городских дум и земств.

В то же время, наличие у рабочих собственного дома или квартиры выгодно отличало их от рабочих, которые жили в углах или фабричных жилых помещениях. По оценкам В.А. Андреева, исследовавшего рабочие бюджеты в Середском фабричном районе, в семьях, имеющих квартиры, фабричный заработок составлял лишь 55-73 % всех доходов. От постояльцев они получали 13-31 % доходов, от других занятий – до 19,5 % доходов. У семей, живущих в углах или фабричных помещениях, нефабричный доход составлял всего 3 проц., а также включал неучтенную в бюджете помощь продуктами из деревни.<sup>40</sup> В фабричном селе Яковлевском Нерехтского уезда Костромской губернии (ныне г. Приволжск Ивановской области) доля хозяев сдававших квартиры достигала 66,57 %. Средняя плата за жильё с одного человека составляла 74 коп. в месяц, а с семьи в среднем 4 руб. 75 коп. В селе Дуляпино того же уезда квартиры сдавало 58,07 % местного населения. Средняя цена за квартиру составляла здесь 1 руб. с человека.<sup>41</sup> Домовладельцы и квартирохозяева среди рабочих составляли в селе Середке около 41 % рабочих,<sup>42</sup> на Новой Костромской льняной мануфактуре таких рабочих было 15,7 %, на Анненской мануфактуре Кинешемского уезда – 26,4 %.<sup>43</sup> Эта часть рабочих обладала определенной защищенностью от фабрик за счет значительных не фабричных источников доходов, составлявших 1/4-1/2 части их бюджета.

Выше уже приводилось утверждение, принятое в советской историографии, что с ростом промышленного производства жилищные условия в фабричных посёлках ухудшались из-за притока массы новых работников. Данное утверждение, на наш взгляд справедливо не всегда. По крайней мере, *в начале XX века на крупных предприятиях происходило улучшение жилищных условий.* Так, в докладной записке правлению Товарищества Новой Костромской льняной мануфактуры среди фабричных казарм, построенных предприятием, упоминались казармы для

холостых рабочих. Но, по словам самих фабрикантов, «их пришлось уничтожить, т.к. охотников жить в них не находилось, даже при бесплатном размещении». Сама дирекция фабрики на практике убедилась в негативном влиянии общих казарменных помещений на нравственность рабочих, «так как в таких казармах главным образом помещается холостая молодёжь, поддающаяся особо легко влиянию всякого рода дурных примеров».<sup>44</sup> Поэтому рабочие стремились снимать на «вольных квартирах» койку, комнату за 1-2 руб., а если была возможность – квартиру за 5-6 руб. в месяц с одного жильца.<sup>45</sup> Таким образом, росли не только притязания к качеству жилья со стороны рабочих, но и понимание фабрикантами необходимости идти по пути улучшения этого качества.

Подводя итог современному состоянию изучения жилищных условий дореволюционных фабричных рабочих, следует обратить внимание на возможности комплексного изучения данной проблемы. Важно не только показать типы и качество жилья. Поставлены крайне важные вопросы об источниках финансирования данной сферы, возможностях предпринимателей и самих рабочих в решении жилищного вопроса. Можно зафиксировать вывод, что в начале XX века происходило постепенное улучшение жилья для рабочих крупных предприятий. Однако на большинстве фабрик и в промышленных центрах проблема оставалась острой. Жилищные условия были важным фактором адаптации вчерашних крестьян к условиям фабричной жизни. И эта адаптация сдерживалась низким качеством жилья и неустроенностью фабричного быта.

---

<sup>1</sup> Френкель А.М. Отчет санитарного врача за июнь-июль. Жилища служащих и рабочих в городских зданиях. //Врачебно-санитарная хроника г. Иркутска. 1911. № 6-7; Аристов В.В. Доклад об устройстве недорогих жилищ в г. Костроме. Кострома, 1913; Вадковский В.В. Описание Гусевской больницы и жилых помещений для рабочих на Гусевской фабрике... Ю.С. Нечаева-Мальцева. // Труды восьмого губ. съезда врачей Владимирского земства. – Владимир-на-Клязьме, 1896; Скибневский А.И. Жилища фабрично-заводских рабочих Богородского уезда Московской губернии. М., 1901 и др.

<sup>2</sup> Дементьев В.М. Фабрика, что она даёт населению и что она у него берёт. М., 1897. С. 179.

<sup>3</sup> Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. Л., 1924. Т. II. С. 115-118.

<sup>4</sup> Воробьёв Н.И. Из жизни Иваново-вознесенских рабочих (Этюды по материалам о стачке 12 мая – 22 июля 1905 г.). // Образование: Журнал литературный и общественно-политический. СПб. 1906. № 3. март. С. 37.

<sup>5</sup> Воробьёв Н.И. Из жизни Иваново-вознесенских рабочих... С. 38.

<sup>6</sup> Дадонов В. Русский Манчестер. (Письма об Иваново-Вознесенске). //Русское Богатство. 1900. № 12. С.47.

<sup>7</sup> Дадонов В. Русский Манчестер... С. 47.

<sup>8</sup> ГАРФ. Ф.102. 6-е делопроизводство. Оп.162. Д.7. Лит."А". Л.13об.

<sup>9</sup> Ковнатор Роза Рабочее и социал-демократическое движение в Кинешемском районе 1897-1910 г. // Пролетарская революция. 1924. № 6 (29). С.143.

- 
- <sup>10</sup> Самойлов Ф.Н. Воспоминания об Иваново-Вознесенском рабочем движении 1903-1905 г. М., 1924. С. 13.
- <sup>11</sup> Миндовский В.Л. Вичугская фабричная сторона (бытовые очерки и заметки). Кострома, 1919. С. 53
- <sup>12</sup> Свирский В.Ф. Фабрики и заводы и прочие промышленные заведения Владимирской губернии. Владимир-на-Клязьме, 1890. С. 61.
- <sup>13</sup> ГАКО. Ф. 457. Оп. 1. Д. 10. Л. 317об.
- <sup>14</sup> Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 927. Оп. 1. Д. 967. Л. 47-47об.
- <sup>15</sup> См.: П.М.Экземплярский. История города Иванова. Ч. 1. Дооктябрьский период. Иваново. С. 141, 179-180.
- <sup>16</sup> Белов М.Н. Экономическое положение рабочих Центральной России накануне первой русской революции. //Промышленность и пролетариат губерний верхнего Поволжья в конце XIX – начале XX вв. Межвуз. Сб. научн. Трудов. - Вып. 44. / Под ред. М.Н.Белова. Ярославль, 1976. С. 11-13.
- <sup>17</sup> См.: Матвеева Э.В. К вопросу об экономическом положении рабочих – текстильщиков Костромской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Из истории Костромского края. Сб. научн. Трудов. КГПИ и ЯГПИ. Ярославль. 1972. Вып. 33. С. 92.
- <sup>18</sup> Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. / Отв. ред. Ю.И.Кирьянов, М.С.Волин. М., 1989. С. 345-350.
- <sup>19</sup> Мейерович М.Г. Патерналистская политика буржуазии (на материалах Ярославской губернии). // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX в.: материалы XIX зональной межвузовской конференции ЦПР России. Иваново, 1994. С.45.
- <sup>20</sup> См.: Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк, 1952. Т. II. С. 62.
- <sup>21</sup> РГИА. Ф.23. Оп.30. Д.53. Л.307-309об.
- <sup>22</sup> Петров Ю.А. А.И. Коновалов // Политическая история России в партиях и лицах. М., 1994. С. 252; Он же. Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 297.
- <sup>23</sup> Петров Ю.А. А.И. Коновалов... С. 253; Он же. Московская буржуазия в начале XX века... С. 298.
- <sup>24</sup> Белов М.Н. Стачки, волнения и демонстрации рабочих в Костромской губернии в 1895-1904 гг. Хроника.// Рабочее движение в России 1895-1904 гг. М., 1988. С.86, 87, 93; Наянова Г.Н. Хроника стачек, волнений и демонстраций в Костромской губернии на втором этапе революции 1905 - 1907 гг. // Рабочее движение в России в период революции 1905-1907 гг. М., 1991. С. 122, 127, 133, 135, 141, 143, 144; Новиков А.В. Рабочее движение в Костромской губернии в 1895 – феврале 1917 гг. Хроника. Вып. 1. 1895 – 1905 гг. Кострома, 2003. С. 20, 27-29, 32, 33, 38, 52-54, 57-57; Вып. 2. 1896 – 3 июня 1907 гг. Кострома, 2005. С. 17, 28, 39, 44-45, 59-61, 65-67; Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. I. 1895 год. М., 1992, С. 53-54; Вып. IV. 1898 год. М.-СПб., 1997. С. 53, 150; Вып. VI. 1900 год. М., 1999. С. 113; Вып. VIII. 1902 год. М., 2002. С. 107; Вып. IX. 1903 год. М., 2005. С. 199, 276-277; См. также: Трудовой конфликт и рабочее движение в России на рубеже XIX – XX вв. / И.М.Пушкарёва [и др.]; отв. ред. И.М.Пушкарёва. СПб., 2011. С. 317-318.
- <sup>25</sup> ГАРФ. Ф.6868. Оп.1. Д.120. Л.20.
- <sup>26</sup> См.: Поткина И.В. На Олимпе делового успеха: Никольская мануфактура Морозовых, 1797-1917. М., 2004. С. 170-175.
- <sup>27</sup> Пирогов В.И. Очерки фабрик Костромской губернии. Кострома, 1884. С.174.
- <sup>28</sup> Костромской листок. 1905. 18 декабря.
- <sup>29</sup> ГАНИКО. Ф. 3785. Оп. 1. Д. 1. Л. 16 - 18; Костромской листок. 14 декабря 1905 г.

- 
- <sup>30</sup> ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 30, 31об.
- <sup>31</sup> Белов М.Н. Положение и борьба рабочих Большой Костромской льняной мануфактуры (1866 – 1917 гг.). // Из истории Костромского края. Сб. научн. трудов. Ярославль, 1972. Вып. 33. С. 4.
- <sup>32</sup> Материалы для оценки недвижимых имуществ в городах и фабричных посёлках Костромской губернии. Т.1. Статистические сведения о Середском фабричном районе Нерехтского уезда. Вып. II. Таблицы исследования 1911 года. Кострома, 1915. С.246-247.
- <sup>33</sup> ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 32об.
- <sup>34</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4498. Л. 141об.-142; Ф. 674. Оп. 1. Д. 4665. Л. 11об.
- <sup>35</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4498. Л. 134об., 149.
- <sup>36</sup> ГАЯО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 4665. Л. 34об.
- <sup>37</sup> Составлено по: Материалы для оценки недвижимых имуществ... Т.1. Вып. II. С.244-258.
- <sup>38</sup> Составлено по: Материалы для оценки недвижимых имуществ... Т.1. Вып. II. С. 86-87, 92-93.
- <sup>39</sup> См.: Материалы для оценки земель Костромской губернии. Т. XV. Выборочная (20 %) сводка подворных переписей 1897-1906 гг. по губернии. Кострома, 1916.
- <sup>40</sup> Материалы для оценки недвижимых имуществ в городах и фабричных посёлках Костромской губернии. – Т.1. Статистические сведения о Середском фабричном районе Нерехтского уезда. Вып. III. Рабочие бюджеты по исследованию 1911 года. /В.А.Андреев. Кострома, 1917. С.13-14.
- <sup>41</sup> Сборник статистических сведений по Костромской губернии. Т. 1. Нерехтский уезд. Вып. 1. Экономическая часть. С. 50.
- <sup>42</sup> Материалы для оценки недвижимых имуществ... Т.1. Вып. III. С. 9, 16.
- <sup>43</sup> См. таблицу № 1. Рассчитано по: Материалы для оценки недвижимых имуществ... Т.1. Вып. II. С.246, 262.
- <sup>44</sup> ГАКО. Ф. 671. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
- <sup>45</sup> Материалы для оценки недвижимых имуществ... Т.1. Вып. II. С.246-247.

**Ю.М. Гончаров<sup>1</sup>**

### **Положение женщины в рабочей семье Сибири во второй половине XIX – начале XX в.**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Рабочая семья Западной Сибири в конце XIX – начале XX вв.», проект № 12-01-00100а*

В последние годы наметилась активизация изучения истории женщин Сибири<sup>1</sup>. Тем не менее, многие проблемы только начинают разрабатываться историками. Одной из таких проблем является и положение женщины в рабочей семье.

В рамках существовавших во второй половине XIX – начале XX в. представлений, главной сферой деятельности для женщины являлась

---

<sup>1</sup> © Ю.М. Гончаров, 2012

семья. Это определялось исторически сложившимся разделением труда, а также христианской моралью, отодвигавшей женщину в частную сферу, ограничивавшей ее назначение рождением и воспитанием детей, ведением домашнего хозяйства. В.В. Верхотурова отмечает по этому поводу: «Несмотря на все женские правовые и социальные «приобретения» на протяжении второй половины XIX в. в русском обществе по-прежнему существовала гендерная асимметрия в определении жизненного пространства полов, «женским» пространством признавался дом, за мужчиной оставалась внедомашняя жизнь, определенная отстраненность женщин от общественных дел являлась следствием подобной оппозиции»<sup>2</sup>.

Замужество для женщины считалось практически обязательным и установки на создание брака были очень сильны среди всех слоев общества. Можно привести достаточно характерное для того времени высказывание: «Каждый человек только в браке и посредством брака становится цельным человеком»<sup>3</sup>.

Господствующие образцы семейной жизни в дореволюционной России даже в городской среде давала патриархальная крестьянская семья, по словам Б.Н. Миронова, – «маленькое абсолютистское государство» и в то же время «община в миниатюре»<sup>4</sup>. Внутренний строй русской крестьянской семьи накладывал сильный отпечаток и на семейную жизнь горожан, в том числе промышленных рабочих, поскольку русские города в пореформенный период испытывали постоянный приток населения из села, несшего с собой крестьянские семейные традиции. Как было справедливо отмечено, «на протяжении всей русской истории городское население сохраняло тесные связи с деревней и переносило свои деревенские привычки на городскую почву»<sup>5</sup>.

Главной обязанностью жены в семье была организация семейного быта, в то время как мужчина был главой семьи, хозяином всего движимого и недвижимого имущества, руководителем торговых операций. При этом зависимость жены от мужа увеличивалась еще и тем, что мужья обычно были старше своих жен.

Приниженное положение женщины в семье вызывало резкую критику современников. Публицистика того времени полна резкими высказываниями по этому поводу: «Много говорилось и писалось уже о неприглядной исторической доле – русской женщины, на своих плечах выносящей тройной гнет византийско-татарско-московских основ семейной жизни, много раз уже прогрессивной печатью поднимался вопрос о необходимости освобождения женщины от невозможных условий семейного существования»<sup>6</sup>.

Говоря о контроле над женской сексуальностью в сравнении с мужской, необходимо признать, что для Сибири были характерны традиционные, патриархальные принципы. И хотя встречаются такие мнения современников, что «на поведение девушек до замужества смотрят

снисходительно»<sup>7</sup>, или даже, что «в Сибири была совершенная распущенность в отношениях между холостыми и незамужними лицами ... Разврат широкой волной охватывает все сословия с высших до низших, и вся эта грязная и бурная сатурналия отдается всей тяжестью на женщине»<sup>8</sup>, тем не менее, нравы были строгие, и сексуальные отношения находились под жестким контролем общественного мнения, в особенности для женщин. При этом, на наш взгляд, при контроле добрачных и внебрачных сексуальных практик, очень много зависело от социального положения. Если в среде чиновников, верхушки купечества, интеллигенции такие связи контролировались довольно жестко и однозначно осуждались, то в среде рабочих, ремесленников, торговых служащих к ним относились гораздо более терпимо. Об этом, в частности, свидетельствуют мемуары приказчика П.Ф. Кочнева<sup>9</sup>.

Сибиряк Всеволод Вагин так описывал семейные отношения сибирских горожан в середине XIX в.: «Отношения между полами и семейные были, может быть, не строже, но лицемернее нынешних. Уход жены от мужа был тогда неслыханным делом; женщина, которая решилась бы на такой шаг, подверглась бы всеобщему презрению. Незаконные связи замужних женщин были большой редкостью. Мужчины, разумеется, были гораздо развратнее»<sup>10</sup>.

Двойной стандарт приводил к крайне нетерпимому отношению к внебрачным рождениям. Положение женщины, родившей незаконнорожденного ребенка, было чрезвычайно сложным: она практически не имела шансов вступить в брак, найти работу. Все это приводило к тому, что в полицейских донесениях о происшествиях в сибирских городах часто встречались такие записи как, например, в Иркутске: «Декабря 26 дня 1875 года. Сего числа в 7 часов вечера, неизвестно кем подкинут к дому купца Одуевского младенец женского пола, как видно по наружности недавно родившийся»<sup>11</sup>.

Если говорить об идеологии по отношению к женщине, или, точнее об образе женщины в общественном сознании сибиряков, то надо признать, что она пользовалась в Сибири большим уважением. Еще у авторов XIX в. было достаточно распространенным мнение о том, что «истинно народные воззрения на женщину признают ее фактически равной мужчине»<sup>12</sup>. Это наблюдение нужно признать верным и для Сибири. Кратко и емко выразился в своих мемуарах сибирский купец Н. Чукмалдин: «Женщина в Сибири не раба мужчины, она ему товарищ»<sup>13</sup>.

Естественно, идеализировать положение сибирячек XIX в. не следует. В путевых заметках путешественников содержатся и описания тяжелой женской доли в глухих уголках региона. Большинство же нарративных источников говорит о том, что среди значительной части сибиряков преобладало уважительное отношение к женщине, что, однако, не мешало сибирякам рассматривать женщину в рамках достаточно жестко



закрепленной поло-ролевой системы, отводившей женщине роль хозяйки дома и воспитательницы детей<sup>14</sup>.

Характер внутрисемейных отношений в городах Сибири имел свою специфику. Современники отмечали, что сибирские женщины отличались от женщин центральной части России чертами характера и поведением.

Сибирячки были более энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными, нередко лично занимались предпринимательством. Купец Чукмалдин писал в своих воспоминаниях: «Я также знал множество ремесленных семей, потерявших главу семьи – мужчину, которые потом руководимы были женою умершего, а заведенное ремесло продолжалось и развивалось безостановочно»<sup>15</sup>. А.П. Чехов отмечал, что в Сибири женщины «толковы, чадолюбивы, сердобольны, трудолюбивы и свободнее, чем в Европе, мужья не бранят и не бьют их»<sup>16</sup>.

И. Харламов так объяснял более выгодное положение женщины в семье на окраинах России: «Рассматривая организацию семьи и права в ней отдельных членов, можно заметить тот любопытный факт, что отдельные члены семьи имеют в ней больше прав на окраинах, чем в центрах. На положении женщин это отражается весьма значительно. Власть хозяина на окраинах весьма заметно подходит к нормальному значению лишь власти распорядительной, наоборот – к центрам в ней есть признаки власти патриархальной. Это явление, конечно, должно быть поставлено в связь с колонизацией. Все протестовавшее против нравственных и физических насилий, все желавшее сохранить свой исконный устой бежало по направлению к окраинам... все более терпеливое, более задавленное оставалось на местах»<sup>17</sup>.

В конце XIX – начале XX в. в семьях горожан происходят значительные перемены в истари установившемся бытовом порядке, меняются роли отдельных членов семьи. В этот период развитие семейного строя в целом шло по пути смягчения авторитарности. Однако традиционность, стойкая патриархальность внутри семьи помешали завершению этого процесса демократизации внутрисемейных отношений.

Вовлечение в XIX в. женщины в профессиональную деятельность, прежде всего в промышленности и ремесле, способствовало ее общественной активности и отразилось в изменении социально-экономического статуса мужчин – все это вместе взятое положило начало кризису патерналистских семейных ценностей. Многие современники с одобрением относились к этому: «В наше время женщина городских сословий сама стремится приобрести себе более самостоятельное положение не только в семье, но и в обществе. И надо признать, что она в этом своем стремлении вступила на правый путь: она борется за труд, старается облегчить заботы о ней отца, брата, мужа, и тем завоевать себе независимость»<sup>18</sup>. Однако изменения в семье, связанные с ломкой старых

семейно-бытовых традиций и с появлением новых черт в сознании и в быту, имели многообразные и порой противоречивые последствия.

Наиболее существенные изменения происходили именно в семьях городских промышленных рабочих. Низкая оплата труда, плохие жилищные условия, невысокий уровень образования и культуры негативно действовали на пролетарскую семью: «Нравы городских фабричных рабочих были гораздо свободнее, но не чище крестьянских. Жилищная скученность, бедность, усугублявшаяся пьянством, оставляли мало возможностей для счастливой и стабильной брачной жизни»<sup>19</sup>. Существенным фактором, подрывавшим семейные устои, был рост социальной мобильности населения. Отхожие промыслы, в которых участвовали миллионы крестьян, надолго отрывали женатых мужчин от семьи, нарушали регулярность половых отношений в браке, а кое-где превращали его в фикцию.

Кроме того, рост промышленности, увеличение в процессе социального расслоения числа семей, нуждающихся в заработках всех ее взрослых членов и даже подростков, приводили к конфликтам в авторитарной семье, разрушая почву, на которой базировался патриархальный быт. Ф. Энгельс писал об этом так: «...с тех пор как крупная промышленность оторвала женщину от дома, отправила ее на рынок труда и на фабрику, довольно часто превращая ее в кормилицу семьи, в пролетарском жилище лишились всякой почвы последние остатки господства мужа, кроме разве некоторой грубости»<sup>20</sup>.

Действительно, как показывает исследование В.Ю. Крупянской и Н.С. Полищук, иная экономическая основа рабочей семьи, в которой были вынуждены работать также женщины и дети, формировала новый тип семейных отношений, отличавшихся большим равноправием, демократизмом: «К концу XIX – началу XX в. на горнозаводском Урале... уже вполне сложился тип рабочей семьи, близкий по своему внутреннему укладу к семье кадрового пролетария крупных городских центров. Его отличал более высокий авторитет женщины-матери в семье и весь сложившийся на этой основе бытовой порядок. Жена была советчицей и помощницей мужа во всех домашних делах. Муж отдавал ей свой заработок, равно как и дети. Все закупки делались ею самой или совместно с мужем, все наиболее существенные дела в семье решались по взаимному совету супругов»<sup>21</sup>.

Все это в известной степени создавало почву для более равноправных отношений в рабочей семье. Для работниц, как отмечает Н.Л. Пушкарева, не было характерно замужество по принуждению – обычное для крестьянства вплоть до 1920-х гг. Иначе, чем на селе, формировались и взаимоотношения родителей и детей. В то же время в городах семейный быт рабочих осложнялся другими причинами: плохими жилищными условиями, большей распространенностью социальных

пороков (женский алкоголизм, проституция, нелегальные аборты, подкидывание детей)<sup>22</sup>.

Изменения в экономике семьи способствовали ослаблению роли главы семьи и упрощению внутрисемейных отношений. Еще современники отмечали, что, «организация семьи и положение в семье женщины зависят, прежде всего, от экономической формы быта данного общества»<sup>23</sup>. На рубеже XIX–XX вв. общество медленно, но неуклонно шло по пути защиты интересов женщин и детей, изменяя их социальный статус, что положило начало кризису патриархальных ценностей.

Изменение форм семейной организации в городах вело и к изменению внутрисемейных отношений. Многие современники оставили наблюдения об изменении семейных отношений в городах: «замечается светлый поворот к более гуманному обращению с женщиной, что особенно ясно выступает при сравнении их положения в большой семье и в малой, т.к. в последней патриархальные начала начинают мало-помалу вымирать... при этом помянутый поворот является не продуктом какой-либо регламентации, но следствием смягчения нравов и зарождения новых принципов среди народной семьи»<sup>24</sup>. Другой современник писал: «С большим развитием личности, с большим расширением ее умственно-трудового горизонта, естественно идет уменьшение семьи в численности, начинается дробление больших семей на малые. Другие причины, лежащие вне семьи... ускоряют этот процесс»<sup>25</sup>.

Как писал современник, «мы застаем семью русского народа в переходном состоянии, в каком-то брожении патриархальных начал, колеблется со стремлением задавленной ими отдельной личности выйти из них и занять самостоятельное положение: но среди этого поворота мы ясно замечаем, что патриархальные начала еще живут среди народных масс и больше всего они отражаются на положении женщины, как в семье отца, так и в семье мужа. Везде и всюду видно право сильного, право главы семейства распоряжаться в семье по своему усмотрению»<sup>26</sup>.

Тем не менее, вовлечение в конце XIX – начале XX в. женщины в профессиональную деятельность способствовало ее общественной активности и отразилось на ее социально-экономическом статусе. Все это вместе взятое положило начало кризису патерналистских ценностей. Однако в российском обществе долгое время продолжала быть популярной точка зрения на изначальную неполноценность женщин: «Никогда не удастся на практике, в жизни вполне осуществить равенство полов по той причине, что этого равенства между мужчиной и женщиной в действительности нет, ни в физическом, ни в интеллектуальном отношении»<sup>27</sup>.

В целом абсолютизм семейных отношений был в городе мягче, закон несколько лучше защищал женщин и детей от произвола патриархов, чем обычное право в деревне. Тем не менее, существенных различий во

внутрисемейных отношениях между крестьянством и торгово-ремесленным населением городов не наблюдалось. Причиной схожести брачно-семейных отношений в провинциальном городе и деревне было то, что в подавляющем большинстве городских поселений культура и быт народных масс имели во многом деревенский характер. И хотя гуманизация внутрисемейных отношений продолжалась, но она чрезвычайно тормозилась массовой миграцией в города крестьян, которые несли с собой стереотипы, свойственные внутрисемейным отношениям деревни.

Таким образом, в Сибири в пореформенный период развивались те же процессы, что и в европейской части страны. В результате социально-экономического развития происходило сокращение экономической зависимости женщины в пролетарской семье, формировался городской образ жизни, развивалось образование (в том числе и женское), что в комплексе способствовало разрушению традиционных патриархальных ценностей и повышению статуса женщины.

Специфика сибирского региона способствовала формированию особенностей жизни рабочих региона, их менталитета и социальных отношений. По многочисленным отзывам современников, сибирские женщины были более энергичными, активными, предприимчивыми, самостоятельными, чем женщины центральной части России, а семейные отношения в Сибири – более демократичными.

Тем не менее, существовавшая противоречивость социальных процессов в регионе, выражавшиеся, в частности в негативном влиянии ссылки, рурализации городов в ходе массовых крестьянских переселений, сохранявшейся традиционности в сфере общественного сознания и т.д., а также специфика образа жизни различных групп пролетариата приводили к значительной вариативности семейных отношений, а, соответственно, и положения женщины. Тенденция к автономизации и индивидуализации личной жизни была еще слаба, особенно в провинциальных городах.

---

<sup>1</sup> См.: Женщина в истории Урала и Сибири XVIII – начала XX в. Екатеринбург, 2007; Женщина в Сибири в XIX–XX вв.: место в региональном социуме и гендерные роли. Барнаул, 2008; Гончаров Ю.М. Женщина в Сибири XIX – начала XX в.: библиографический указатель. Барнаул, 2008.

<sup>2</sup> Верхотурова В.В. Общественная деятельность городской женщины Западной Сибири во второй половине XIX в. (на материалах Томской губернии): дис. ... к.и.н. Кемерово, 2007. С. 151.

<sup>3</sup> Бабиков К.И. От колыбели до могилы. Мужчина-женщина. Картинки и очерки публичной и семейной жизни современного русского общества. М., 1873. С. 153.

<sup>4</sup> Миронов Б.Н. Семья: нужно ли оглядываться в прошлое? // В человеческом измерении. М., 1989. С. 228, 233.

<sup>5</sup> Пайпс Р. Россия при старом режиме М., 1993. С. 188.

<sup>6</sup> Лудимер Я. Бабы стоны // Юридический вестник. 1884. № 11. С. 446.

- 
- <sup>7</sup> Павлов А. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки. Тюмень, 1878. С. 138.
- <sup>8</sup> Ядринцев Н. Женщина в Сибири в XVII и XVIII столетиях: Исторический очерк // Женский вестник. 1867. № 8. С. 114–116.
- <sup>9</sup> Кочнев П.Ф. Жизнь на большой реке: записки сибирского приказчика. Новосибирск, 2006.
- <sup>10</sup> Вагин В. Сороковые года в Иркутске // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 469.
- <sup>11</sup> Государственный архив Иркутской области. 91. Оп. 1. Д. 311. Л. 27.
- <sup>12</sup> Харламов И. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 3. С. 85.
- <sup>13</sup> Чукмалдин Н. Мои воспоминания. СПб., 1899. С. 99.
- <sup>14</sup> Гончаров Ю.М. Сословная специфика гендерного семейного порядка в русском провинциальном городе второй половины XIX в. // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. С. 231–246.
- <sup>15</sup> Чукмалдин Н. Мои воспоминания. СПб., 1899. С. 99.
- <sup>16</sup> Чехов А.П. По Сибири (путевые очерки и письма). Иркутск, 1939. С. 69.
- <sup>17</sup> Харламов И. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 4. С. 65.
- <sup>18</sup> Желобовский А.И. Семья по воззрениям русского народа, выраженным в пословицах и других произведениях народно-поэтического творчества. Воронеж, 1892. С. 63.
- <sup>19</sup> Кон И.С. Сексуальная культура в России: клубничка на березке. М., 1997. С. 50.
- <sup>20</sup> Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1973. С. 77.
- <sup>21</sup> Крупянская В.Ю., Полищук Н.С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX–начало XX в.). М., 1971. С. 64.
- <sup>22</sup> Пушкарева Н.Л. Женщина в русской семье (X–XX века) // Русские. М., 1999. С. 461.
- <sup>23</sup> Харламов И. Женщина в русской семье // Русское богатство. 1880. № 4. С. 107.
- <sup>24</sup> Лазовский Н. Личные отношения супругов по русскому обычному праву // Юридический вестник. 1883. № 6–7. С. 393.
- <sup>25</sup> Харламов И. Указ. соч. С. 99.
- <sup>26</sup> Лазовский Н. Указ. соч. С. 359.
- <sup>27</sup> Орлов Я. Женщина в праве. СПб., 1885. С. 111.

**Д.С. Иванцов, Е.А. Чугунов**

**Роль просветительской деятельности библиотек в формировании культурного уровня и общественно-политических взглядов рабочих и крестьян России на рубеже XIX-XX веков (по материалам Костромской и Владимирской губерний)**

Период второй половины XIX – начала XX вв. характеризуется довольно широким и активным процессом формирования и развития библиотечной сети в России. Этот процесс был обусловлен целым рядом причин и обстоятельств, среди которых важное место занимали

---

<sup>1</sup> © Д.С.Иванцов  
Е.А.Чугунов

следующие: рост грамотности населения страны, относительная доступность просвещения и образования для трудящихся слоев, связанная с отменой крепостного права и последовавшими за ней реформами 60-70-х годов XIX в., промышленная модернизация, вызвавшая небывалую ранее потребность в грамотных специалистах для производства, активизация общественно-политической жизни страны и революционного движения в ней и т.д.

В пореформенной России библиотечная сеть была достаточно разнородной и разрозненной: библиотеки, как и школы, учреждались различными ведомствами, сословными клубами, владельцами предприятий и т.д. Реформы 1860-х годов послужили своего рода импульсом к созданию общедоступных народных библиотек<sup>1</sup>, инициаторами создания которых чаще всего выступали наиболее прогрессивно настроенные члены губернских и уездных земств. Например, в 1872 году в Костромской губернии появилась первая общественная публичная библиотека в г. Ветлуге, учрежденная на средства уездного земства<sup>2</sup>, к 1899 году в деревнях и селах губернии имелась 41 библиотека, к 1903 году – 148, к 1909 – 226, а к 1911 году – уже 283 библиотеки<sup>3</sup>.

Развитие сети библиотек способствовало не только просвещению, росту образовательного уровня трудящейся массы и прежде всего рабочих, но и росту ее общественно-политического сознания. Надо сказать, что передовые, прогрессивно настроенные представители «третьего сословия»: фабриканты, промышленники, купцы порою активно содействовали этому<sup>4</sup>. Среди них довольно широкое распространение получила идея служения своим богатством делу милосердия и просвещения. Известный исследователь московского купечества П.А. Бурыйшкин справедливо отмечал: «Самое отношение предпринимателя к своему делу было несколько иным, чем на Западе. На свою деятельность они смотрели ... не столько как на источник наживы, а как на выполнение задачи, своего рода миссию, возложенную Богом или судьбою»<sup>5</sup>. По-видимому, этим отношением во многом объясняется факт популярности среди купцов и предпринимателей идей благотворительности и коллекционерства<sup>6</sup>.

Широко известно меценатство братьев Павла Михайловича и Сергея Михайловича Третьяковых, Федора Васильевича Чижова, Александра Ивановича Коновалова, Ивана Дмитриевича Сытина и других предпринимателей, связанных с Костромским краем. Известно, что по инициативе В.А. Шевалдышева (кандидата на должность директора правления) при Товариществе Новой Костромской Льянной Мануфактуры в 1905 г. была открыта библиотека-читальня для служащих и рабочих предприятия. В.А. Шевалдышев, как и другие учредители подобных библиотек, прекрасно понимал особую социально-политическую роль библиотек в тех исторических условиях, которую газета «Владимирские губернские ведомости» охарактеризовала так: «Библиотеки – важнейшее

средство содействия регулированию отношений между хозяевами предприятий и рабочими»<sup>7</sup>. Согласно уставу, библиотека предназначалась для бесплатного пользования книгами и периодическими изданиями всеми рабочими и служащими Товарищества<sup>8</sup>.

Вместе с тем, размах библиотечного дела был бы более широким, если бы сама процедура открытия библиотек не встречала столь жесткого административного регулирования. Для открытия библиотеки требовалось разрешение министра народного просвещения или, по крайней мере, губернатора. Общий контроль за работой библиотек осуществляло министерство внутренних дел.

В рассматриваемый период значительно усиливается влияние Русской православной церкви и ее высшего органа – Синода – на различные социальные институты. Церковь старалась оживить, активизировать свою деятельность, более широко влиять духовно-идеологическими средствами на общественное сознание. Духовное ведомство всячески стремилось установить контроль не только над церковными изданиями и библиотеками, но и над светскими<sup>9</sup>.

Соответствующая деятельность органов и учреждений духовной цензуры в библиотечном деле в новых социально-экономических и политических условиях пореформенной России определенным образом провоцировала рост числа народных библиотек, зачастую возникавших как одна из форм социального протеста против наиболее реакционных действий духовенства. Ужесточение контроля за народными библиотеками и их деятельностью объективно вело к росту общественно-политического сознания народных масс и усилению распространения революционных идей, в том числе и через библиотеки, доступные широким массам трудящегося населения, прежде всего, рабочим и крестьян.

Анализ материалов обследования земств 1909 года по 102 народным библиотекам Владимирской губернии<sup>10</sup>, позволяет сделать ряд выводов в сфере рассматриваемой проблематики. При этом необходимо оговориться, что ситуация в Костромской губернии была во многом тождественна общим тенденциям соответствующей ситуации во Владимирской губернии. Во-первых, следует отметить, что рабочие и крестьяне не только составляли большую часть читателей сельских библиотек (67,5 %), которая прочитывала 62,2 % выдававшихся в течение года библиотеками книг, но и выступали весьма активными читателями, если брать в расчет такой показатель, как количество книг, прочитанных в среднем одним читателем за год. Так, в среднем на одного читателя из крестьян приходилось 8,5 книг, прочитанных за год, из рабочих – 9,1, из ремесленников – 10,9, из торговцев – 10,5, из учащихся – 19,9, из интеллигенции – 12,6. При этом средний показатель книг, прочитанных всеми категориями читателей в течение года, составлял 9,4. Во-вторых, нужно указать на то, что рабочие-читатели, составляя в 3,5 раза меньшую по численности группу читателей

(14675 чел.) по сравнению с крестьянами (47081 чел.), прочитывали в среднем в расчете на одного человека книг больше, чем крестьяне (9,1 и 8,5 соответственно).

Названные материалы показывают также, что основной контингент читателей (56,9 %) составляла молодежь в возрасте от 11 до 20 лет. Имея в виду, что средний возраст окончивших начальную школу составлял 11,5 лет, можно сделать вывод о том, что для окончивших школу детей рабочих и крестьян чтение книг из народных библиотек являлось следующей ступенью в приобретении знаний. После двадцатилетнего возраста интерес к чтению ослабевал так, что читатели старше 50 лет составляли всего лишь 1,5 %. В соответствии с таким распределением читателей находилось и процентное соотношение количества прочитанных каждой возрастной группой книг. Читатели в возрасте 11-20 лет прочли 61,5 % книг, до 11 лет – 8,5 %, старше 20 лет – 30 %. В отношении женщин следует заметить, что процент их систематически снижался с увеличением возраста. Этот факт во многом объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, тем, что читательницы (из рабочих и крестьян, прежде всего) гораздо позднее мужчин начали приобщаться к образованию. Во-вторых, тем, что женщины были значительно больше мужчин скованы бытовыми и иными жизненными обстоятельствами. Выйдя замуж, как правило, в возрасте 16-20 лет, женщина должна была думать сначала о семейных заботах, а уж потом о чтении, повышении культурного или образовательного уровня.

С точки зрения духовных запросов (читательских интересов) контингент читателей сельских библиотек распределялся таким образом. В каждой из библиотек книги делились на 11 отделов: 1 – религиозно-нравственные, 2 – художественные, 3 – исторические и биографические, 4 – книги по географии, 5 – естественнонаучные, 6 – по сельскому хозяйству, 7 – книги по медицине, гигиене и санитарии, 8 – о ремеслах, 9 – юридическая и общественная литература, 10 – периодические издания, 11 – прочие книги<sup>11</sup>. По данным земства, наиболее читаемым для всех категорий читателей был раздел 2<sup>12</sup>, причем особенно популярны среди отечественных авторов были Вс. Соловьев, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, из зарубежных авторов предпочитались сочинения Ж. Верна, А. Дюма, А. Брэма<sup>13</sup>.

Вторым по популярности в среде рабочих явился раздел 3. Затем по степени снижения читаемости разделы располагались следующим образом: 4, 10, 1, 5, 9, 6, 11, 8, 7. Такое распределение читательских интересов рабочих (как и других категорий читателей) определялось не только большим или меньшим пристрастием их к литературе какого-либо из названных разделов, но и тем фактором, что читатели народных библиотек находились в таких условиях, при которых приходилось читать не то, что интересно, а то, что есть в наличии в библиотеке. Таким образом, не книжный фонд приспособлялся ко вкусам, предпочтениям и



потребностям читателя, а наоборот - спрос читателя - к наличествующему книжному фонду, что являлось следствием определенной политики государственной власти в деле просвещения народа.

В этом отношении показателен сюжет из воспоминаний рабочего Ф.Н. Самойлова: «Книги учили меня думать. Вначале я читал таких авторов, как Жюль Верн, Майн Рид, Купер и увлекался описанием приключений и путешествий. Позднее я перешел к классикам: Пушкину, Лермонтову, Гоголю. Изредка в нашей бесплатной библиотеке появлялись научно-популярные книжки. За пять-шесть лет я прочитал массу самых разнообразных книг, но любопытно, что не встретил ни одной, которая смогла бы разбудить мое классовое самосознание»<sup>14</sup>.

Кроме того, народные массы и, прежде всего, фабрично-заводские рабочие являлись и весьма активными читателями периодической печати. В числе газет, находившихся в поле их зрения, были «Русские ведомости», «Курьер», «Новости дня», «Свет», «Читальня народной школы», «Журнал для всех», «Новое время» и целый ряд других. В периодических изданиях рабочие также хотели видеть не только практические советы по хозяйству, обустройству быта, воспитанию детей, но и отражение важнейших общественно-политических событий и процессов, происходивших в России и мире. Спектр читаемой ими периодики мог бы несомненно быть шире, если бы не запретительные меры министерства народного просвещения в отношении большинства газет и журналов для бесплатных библиотек, обслуживавших интересы рабочих и крестьян.

Несколько иначе обстояло дело с городскими бесплатными библиотеками и их читателями. Если в сельских библиотеках в среднем на одного читателя приходилось 9,2 прочитанных за год книги, то в городских – 24,4. Городские читатели, по сравнению с сельскими, читали больше книг по естествознанию, медицине, прикладным наукам, общественным вопросам, больше газет и журналов. Меньшей популярностью пользовались беллетристика, литература религиозного характера, исторические и географические исследования, книги по сельскому хозяйству и «прочие». Профессиональный состав читателей городских библиотек в значительной степени определялся их географическим расположением. В промышленно развитых городах читатели распределялись следующим образом (1964 читателя из 5 городских библиотек): крестьяне – 3,0 %, рабочие – 52,2 %, ремесленники – 14,3 %, торговцы – 5,7 %, учащиеся – 12,4 %, учителя, врачи, священники и т.п. – 12,4 %.

В городах, не располагавших значительным промышленным потенциалом, читатели группировались совершенно иначе: крестьяне – 3,0 %, рабочие – 3,9 %, ремесленники – 6,1 %, торговцы – 7,4 %, учащиеся – 10,0 %, учителя, врачи, священники и т.п. – 69,6 % (всего 230 читателей 2 библиотек).

При этом горожане читали более систематично и равномерно, чем сельские жители, чему способствовали два обстоятельства: большее количество досуга и более осязаемая потребность в книге. Географическое расположение народных бесплатных библиотек влияло не только на профессиональный состав читателей, но и на посещаемость библиотек читателями всех категорий. В результате крайней неравномерности размещения народных библиотек по территории Владимирской губернии, громадная часть сельского населения, и, прежде всего, рабочие и крестьяне, была лишена возможности пользоваться библиотечными книгами. Расстояние от места проживания читателя до библиотеки являлось фактором, во многом определяющим читательскую активность.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX века в России возникают новые, общедоступные библиотеки, коренным образом отличавшиеся по организации, методическим подходам и социальному назначению от библиотек духовного ведомства, что способствовало росту их популярности среди широких масс трудящегося населения. Библиотека стала восприниматься не только как информационное и культурное учреждение, но и как образовательное, дающее возможность пополнять знания, формировать общественно-политические взгляды и т.д. путем самообразования.

Важно отметить, что осознанное требование культурного просвещения и досуга (прежде всего, через открытие библиотек, читален, школ для рабочих и их детей) неизменно входило в число важнейших заявлений пролетариата, выдвигаемых в ходе забастовок, стачек, волнений в начале XX века как в Костромской, так и во Владимирской губерниях. По этому поводу костромские рабочие в 1905 году высказывались следующим образом: «Образование нужно рабочему для повышения его заработка и для защиты его социальных и политических интересов. Более развитый рабочий удачнее приспосабливается к условиям труда, лучше разбирается в свойствах орудия, которым работает, и, следовательно, больше зарабатывает...»<sup>15</sup>.

---

<sup>1</sup> См. например: Иванцов Д.С., Чугунов Е.А. Общедоступные библиотеки в России: историко-культурологическая ретроспектива // Библиотеки и образование: управление изменениями и социальное партнерство: Сб-к материалов IV Международной научно-практической конференции «Библиотеки и образование»/ Под ред. В.В. Юдина. Ярославль, 2008. С.134-139; Чугунов Е.А. Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). Кострома, 2001.

<sup>2</sup> Соловьев А.А. Публичные библиотеки уездных городов Владимирской и Костромской губерний во второй половине XIX – начале XX века // Библиотековедение. 2010. №5. С.99.

<sup>3</sup> Анохин А.А. Преображение Костромы // Губернский дом. 1993. №1. С.16.

---

<sup>4</sup> Иванцов Д.С., Чугунов Е.А. Культурно-просветительская и благотворительная деятельность российских предпринимателей рубежа XIX-XX веков как инструмент влияния на рабочую массу (на материалах Верхнего Поволжья) // Рабочие-предприниматели-власть в конце XIX – начале XX вв.: социальные аспекты проблемы: материалы V Международной науч. конференции В 2 ч. / отв. ред., сост. А.М. Белов. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. Ч.II. С.28-32.

<sup>5</sup> Бурьшкин П.А. Москва купеческая: Мемуары. М., 1991. С.18.

<sup>6</sup> См. Прохоров В.Л. Творили во благо: меценаты-предприниматели России. М., 1999; Синова И.В. Российские предприниматели, благотворители, меценаты. СПб., 1999; Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России. М., 1998 и др.

<sup>7</sup> Владимирские губернские ведомости. 1914. 10 января.

<sup>8</sup> Горохова О.В. Фабричные библиотеки // Губернский дом. 2006. №6. С.57-59.

<sup>9</sup> См. подробнее: Потапова Е.В. Влияние духовно-цензурных комитетов на развитие библиотечного дела в России во второй половине XIX века: Дисс... канд. пед. наук. Москва, 1999.

<sup>10</sup> См.: Положение народного образования во Владимирской губернии по исследованию 1910 года. Вып.IV. Внешкольное образование. Владимир на Клязьме, 1911.

<sup>11</sup> См. Кузнецов Я.О. Народные бесплатные библиотеки и библиотеки-читальни во Владимирской губернии за 1903 год // Вестник Владимирского губернского земства. Владимир на Клязьме. 1905. №7. С.61.

<sup>12</sup> См.: Положение народного образования во Владимирской губернии ... С.14,20,21.

<sup>13</sup> Чугунов Е.А. Положение и культурный уровень промышленных рабочих Верхнего Поволжья. Конец XIX – 1913 г. (По материалам Владимирской, Костромской и Ярославской губерний). С.211.

<sup>14</sup> Самойлов Ф.Н. По следам минувшего. М., 1940. С.31-32.

<sup>15</sup> Государственный архив Костромской области. Ф. 749. Оп.1. Д.249. Л.58.

**О.Ю. Соболева**

### **Общества взаимопомощи и их роль в социальной защите трудящихся Костромской губернии на рубеже XIX–XX вв.**

Во второй половине XIX – начале XX вв. на фоне индустриализации и урбанизации происходил качественный переход от традиционного религиозно-нравственного вспомоществования нуждающимся членам общества к системе поддержки со стороны государства. Однако, формы государственной социальной защиты оказались недостаточными, сильно бюрократизированными. Огосударствление социальной помощи уничтожило ее гуманитарную, филантропическую сущность. Исчез момент личного соучастия в решении социальных проблем.

Этот недостаток был восполнен многочисленными обществами взаимопомощи, которые возникли среди определенных профессиональных групп на рубеже XIX – XX вв. – учителей, врачей, служащих,

---

<sup>1</sup> © О.Ю.Соболева, 2012

ремесленников, рабочих. Необходимо отличать подобного типа организации от касс взаимопомощи. Те и другие имели одинаковые цели. Но, в отличие от касс, общества понимали свои задачи шире, нежели простое денежное вспомоществование: они создавали библиотеки, организовывали спектакли и литературно-музыкальные вечера, занимались трудоустройством коллег, заботились о вдовах и сиротах своих умерших членов. Общества взаимопомощи принимали участие в общественной жизни региона.

В 1901 г. в Костроме возникло Общество взаимопомощи лиц, занятых частным трудом. Устав Общества строго очертил круг занятий, который позволял вступить в Общество: «а) хозяевам и служащим торговых и промышленных предприятий; б) лицам, служащим в правительственных и общественных учреждениях и не пользующимся правами на пенсию; в) лицам, живущим личным трудом, но не состоящим на степени простого рабочего или прислуги»<sup>1</sup>. Не менее четко определялось и целевое направление организации – «оказание пособий нуждающимся действительным членам общества»<sup>2</sup>. Кроме того, в случае потери места член Общества также мог рассчитывать на содействие в устройстве на работу.

Мысль об устройстве организации возникла еще в 1884 г.: бухгалтер фабрики бр. Зотовых А.Е. Грузинцев, заручившись поддержкой коллег и собрав подписи 200 человек, попытался создать в Костроме «Общество взаимного вспомоществования». К идее вновь вернулись в конце 1898 г., а через год уже состоялось первое учредительное собрание, и был принят устав. С 1902 г. Общество официально приступила к своей деятельности.<sup>3</sup> Общество объединило 181 человека. Среди членов Общества были приказчики, кассиры, конторщики, управляющие, бухгалтера. В списке значилось несколько инженеров.<sup>4</sup> Число членов Общества постоянно росло: в 1914 г. оно насчитывало 13 почетных, 300 действительных и 2 члена-соревнователя.<sup>5</sup> Первым председателем Общества стал Г.Н. Ботников.

В начальный период деятельность Общества свелась к накоплению денежных средств. Но уже вскоре на правлении Общества было решено «искать другие виды взаимопомощи, не ограничиваясь материальной помощью»<sup>6</sup>. Первым шагом стало устройство библиотеки-читальни, которая открылась 18 марта 1907 г. в помещении ремесленного общества. Однако доминирующим в жизни Общества была различного рода помощь своим членам. Уже в 1908 г. было принято решение о начислении пожизненной пенсии действительным членам со стажем членства не менее 15 лет, а в случае смерти начисление пенсии вдовам, детям или престарелым родителям.<sup>7</sup> Общество договорилось с врачами В.А. Висконтом, Л.А. Тимофеевым и Ф.У. Усольцевым о бесплатной медицинской помощи для своих членов.<sup>8</sup> Для оказания помощи своим членам в устройстве на

работу Общество организовало специальное бюро<sup>9</sup>, рекомендации которого ценились у местных предпринимателей при найме на работу.

В 1912 году Обществом перед Городской думой был поднят вопрос, выражаясь современным языком, охраны труда, – о праздничном отдыхе торговых служащих<sup>10</sup>.

В 1913 г. Общество приняло участие в подготовке IV Всероссийского съезда представителей обществ вспомоществования частному труду. В оргкомитет были отосланы устав костромского общества, отчет и заполненные анкеты<sup>11</sup>; на съезд был делегирован бухгалтер свечного епархиального завода В.И. Тихомиров.

С началом первой мировой войны 33 члена Общества были призваны на военную службу. На чрезвычайном собрании 10 августа 1914 г. было решено: «... принимая во внимание важность исторического момента и что нужно придти на помощь своим членам, и тем исполнить свой гражданский долг, единогласно постановили ассигновать 1000 рублей для семей членов Общества и 100 рублей на помощь защитникам Отечества (деньги перечислены в Красный Крест – О. С.), т.к. война и все жертвы, связанные с ней, есть дело общее»<sup>12</sup>. Общество просуществовало до революции.

В 1904 г. возникло Общество взаимопомощи лиц, занимающихся ремеслами. В качестве своей цели Общество избрало «улучшение материальных и нравственных условий жизни своих членов»<sup>13</sup>. Под этой расплывчатой формулировкой подразумевалось, наряду с традиционными для этой группы обществ видов материальной помощи (ссуды, пособия, стипендии), предполагалось содействие в приобретении материалов, инструментов, сбыте продукции. Общество намеревалось устраивать выставки изделий своих членов.

В 1907 г. Общество насчитывало 42 члена, в основном это были костромские ремесленники, по социальному составу – крестьяне и мещане.<sup>14</sup> Председателем правления был избран Н. Арсеньев. В собственности Общества находились два каменных дома и вполне оборудованная больница на 10 коек<sup>15</sup>, которая в 1914 г., по единодушному решению членов Общества, больница была переоборудована для приема больных и раненых<sup>16</sup>.

С 1902 г. в Костроме действовало Общество помощи трудящихся. Его Устав, кроме «возвратных и безвозвратных денежных пособий»<sup>17</sup>, предполагал устройство Обществом библиотек, дешевых чайных и столовых.

Среди членов правления в 1904 году значились литтограф типографии С.П. Федотова М.Ф. Риттер, чесальщик Т-ва Новой Костромской Льяной мануфактуры А.А. Кашкин, машинист технического училища им. Чижова Е.А. Хаханов, катушечник Т-ва бр. Зотовых А.В. Васильев, сортировщик этого же предприятия С.Д. Журавлев и др.<sup>18</sup>

Несмотря на то, что рабочие с недоверием относились к Обществу, в 1903 году его правление обращалось к владельцам промышленных предприятий за содействием в распространении сведений об Обществе среди их рабочих<sup>19</sup>, Уже в 1904 г. оно насчитывало 140 членов<sup>20</sup>. Это были рабочие товарищества Новой Костромской Льяной мануфактуры, Т-ва бр. Зотовых, Анонимного общества, в незначительном количестве рабочие местных типографий. Среди членов-соревнователей Общества в 1904 г. была А.Г. Перелешина, усилиями которой в январе 1904 г. в читальне им. А.Н. Островского был организован благотворительный спектакль в пользу Общества.<sup>21</sup> Сведений о дате прекращения деятельности Общества нет.

В целом, анализируя деятельность обществ вспомоществования среди трудящихся Костромской губернии, можно констатировать, что их появление знаменовало процесс зарождения гражданского самосознания в сфере социального попечения. В их рамках апробировался уникальный опыт общественной, добровольно организованной помощи нуждающимся. Его историческое значение заключается в следующем:

– социальное попечение не обязательно должно являться либо обязанностью государства, либо благотворительных объединений. Возможна эффективная система корпоративной взаимопомощи;

– корпоративные организации взаимопомощи – это более гибкое реагирование на социальные проблемы, использование разнообразных методов, способность быстро найти пути решения нестандартного социального вопроса;

– возможность лоббировать интересы малых социальных групп на различных властных уровнях.

Богатый опыт, накопленный в дореволюционное время обществами корпоративной взаимопомощи, вполне может быть использован в современной социальной практике как альтернатива дискредитировавшим себя профсоюзным организациям.

---

<sup>1</sup> Устав костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом. – Кострома, 1901. – С. 4.

<sup>2</sup> Там же. – С.3

<sup>3</sup> Первый отчет за 1902 г. Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом. – Кострома, 1903. – С. 3.

<sup>4</sup> Там же. – С.30-39.

<sup>5</sup> Отчет Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом за 1914 г. (тринадцатый год). – Кострома, 1915. – С. 10.

<sup>6</sup> Отчет Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом за 1906 г. (четвертый год). – Кострома, 1907. – С. 4.

<sup>7</sup> Отчет Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом за 1908 г. (седьмой год). – Кострома, 1909. – С. 2.

<sup>8</sup> Отчет Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом за 1909 г. (восьмой год). – Кострома, 1910. – С. 6.

---

<sup>9</sup> Отчет Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом за 1913 г. (двенадцатый год). – Кострома, 1914. – С. 5-6.

<sup>10</sup> Отчет Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом за 1912 г. (одиннадцатый год). – Кострома, 1913. – С. 4.

<sup>11</sup> Отчет Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом за 1913 г. (двенадцатый год). – Кострома, 1914. – С. 9.

<sup>12</sup> Отчет Костромского общества взаимопомощи лиц, занятых частным трудом за 1914 г. (тринадцатый год). – Кострома, 1915. – С. 4.

<sup>13</sup> Устав костромского общества взаимопомощи лиц, занимающихся ремеслами. – Кострома, 1904. – С. 1.

<sup>14</sup> Отчет костромского общества взаимопомощи лиц, занимающихся ремеслами за 1907 г. – Кострома, 1908. – С. 41-44.

<sup>15</sup> Там же. – С.24.

<sup>16</sup> Отчет костромского общества взаимопомощи лиц, занимающихся ремеслами за 1914 г. – Кострома, 1915. – С. 7.

<sup>17</sup> Устав костромского общества взаимной помощи трудящихся. – Кострома, 1902. – С. 3.

<sup>18</sup> Отчет костромского общества взаимной помощи трудящихся за 1903 г. – Кострома, 1904. – С.13.

<sup>19</sup> Там же. – С.14.

<sup>20</sup> Там же.

<sup>21</sup> Там же.

**О.Б. Панкратова**

**Заветы экономической мудрости:  
к вопросу о явлении предпринимательства.**

История российского предпринимательства – тема весьма актуальная и вызывающая живой научный и общественный интерес. В условиях возрождения деятельности деловых людей очень важно овладеть накопленным опытом, определить природу и уроки деловой жизни прошлого, проанализировать преемственность былого в сегодняшней и завтрашней хозяйственной практике. Опыт первых предпринимателей может научить многому. «Чему могла бы научить нас сегодня на пороге XXI века, история предпринимательства? Главное – она убеждает в необходимости следовать путем экономического развития и использовать те средства, которые исторически доказали свою эффективность. Путь этот – рыночное хозяйство, средство – частная собственность, а движущая сила хозяйственного успеха – предпринимательство. Именно оно фокусировало в себе ум, талант, смекалку, энергию, деловую хватку и другие лучшие качества нашего народа, его традиции, ценности, веру в будущее Отечества<sup>1</sup>».

Когда-то публицист А. Панарин заметил, что «сегодня тема «предпринимательство и народ» главная тема российской истории: от того как она будет раскрыта и решена, зависит все наше будущее. Он оказался пророком. Сегодня эта тема опять актуальна.

Анализируя характер великороссов, отмечая черты, которые могли бы способствовать развитию русского предпринимательства, русский историк академик В. Безобразов<sup>2</sup> выделяет особо: чувство меры, которое уравнивает все душевные порывы, соразмерность важности различных целей и силу наличных способов их достижения; практический расчет – умение сосредоточиться на ближайших и важнейших целях; самообладание среди разнородных и противоположных потребностей жизни и стремления к их удовлетворению; трезвость характера не позволяющая увлекаться никакими чувствами, сила воли, непрерывно поддерживающая бодрость духа, не позволяющая предаваться излишнему самообольщению, но и излишнему унынию<sup>3</sup>.

Предприимчивого торговца В. Даль определяет как «склонного, способного к предприятиям, крупным оборотам, смелого, решительного, отважного на дела этого рода»<sup>4</sup>.

Русские предприниматели пытались определить для себя природу русского предпринимателя. К примеру, Владимир Рябушинский в работе «Судьбы русского хозяина» пишет, что «всех людей, по тому, как они относятся к собственности, можно разделить на пять групп: 4 активных и 1 пассивную. «Первая группа – **хозяева** в душе, работающие, бережливые, деловитые. Они – организаторы труда, созидатели ценностей, накопители мировых богатств. Вторая группа – **святые**, бескорыстные, неприхотливые, невзыскательные. Для них житейские блага не имеют никакого значения. Третья группа – **завистники**, люди озлобленные и бесплодные, тип, дальнейшего пояснения не требующий. Четвертая группа – бесхозяйственные люди, безалаберные, лишенные делового чутья и понимания, бездарные, расточительные, бестолковые, ленивые. Сюда же нужно отнести фантазеров, далеких от жизни теоретиков и наивных мечтателей. Назовем эту группу условно – **неудачниками**... Пятая группа – это **пассивное большинство**, не имеющее определенных мнений, ни определенных убеждений, совершенно неустойчивое в своих настроениях. Эта бесформенная масса способна примкнуть к любой из вышеупомянутых активных групп – сегодня к одной, завтра к другой»<sup>5</sup>.

Современники вопросы принципов, истоков и истории русского предпринимательства конца XIX – начала XX в.в. связывали очень часто с политическим моментом. Например, достаточно частым был вывод о том, что предпринимательство как определяющее явление стало возможным только после великих реформ Александра II. «... влияние реформы могло обнаружиться лишь по прошествии многих лет и притом зависело вполне от дальнейших мер, законодательных и административных, которые



правительству предстояло еще принять в развитии и дополнении Положения 19-го февраля. Именно этот переход от рабства к свободе и стал той основой на которой выросло предпринимательство»<sup>6</sup>.

В 1901 году вышла в свет книга немецкого политэконома Г. Шульце – Гевернице (с предисловием П.Б. Струве) – «Очерки общественного хозяйства экономической политики России». Струве в своем предисловии отмечал, что в России система крупнокапиталистического производства была создана в невиданно сжатые сроки – несколько десятков лет вместо столетий и он решающую роль в этом стремительном процессе отводил не государственным чиновникам, а «предпринимателям, которые, по его мнению, проявили большую энергию, целеустремленность, способствовали развитию образования, культуры и искусства»<sup>7</sup>.

Исследуя явление предпринимательства, нельзя не упомянуть работы К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина. В их исследованиях немало утверждений о рынке и конкуренции, как о традиции человеческого общества. «Свобода торговли, свобода обмена была сотни лет для миллионов людей величайшим ЗАВЕТОМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МУДРОСТИ, была самой прочной привычкой сотен и сотен миллионов людей»<sup>8</sup>. Полны уважения к первым предпринимателям индустриальной эпохи слова Ф. Энгельса о том, что они «были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными»<sup>9</sup>.

Замечательные русские мыслители А. Чаянов, Н. Кондратьев, А. Богданов, Н. Бердяев, П. Сорокин, И. Ильин так же рассуждали о сущности предпринимательства. Вклад их в исследование этой темы велик и еще в должной мере не оценен. Можно лишь сформулировать базовые необходимые и возможные (вторичные) свойства предпринимательства, о которых они упоминают.

Предпринимательство как экономическое явление возникает при наличии двух взаимосвязанных обстоятельств: организационно-хозяйственное новаторство и экономическая свобода. Иные характеристики являются либо производными, либо необязательными.

Замечательный русский философ Сергей Николаевич Булгаков в работе «Основные черты современного хозяйственного строя. Краткий очерк политической экономии», изданной в 1906 году, так же пишет о свободе предпринимательства - «ибо только свободный, и, в частности свободный от принудительной власти природы человек, может осуществить свое историческое призвание».

Рассуждал он и о том противоречит или нет заповедям Христа «предусмотрительный расчет»? И считал, что нет – не противоречит. «Неужели возделывать землю в расчете на будущий урожай значит нарушать заповедь: *не заботьтесь о завтрашнем дне?* Или даже расчетливо вести свое собственное промышленное предприятие, с которым связаны интересы стольких людей, так или иначе от него

зависящих? Вообще, в Евангелии запрещается, по нашему пониманию, не хозяйственный расчет, без которого вообще невозможна и сама хозяйственная деятельность, НО хозяйственное ослепление, та жадность и жестокость, благодаря которой замирает в человеке духовная его жизнь»<sup>10</sup>.

К сожалению, такое направление в экономической науке, как христианская экономия, не получило в России дальнейшего распространения. Хотя вплоть до 20-х годов продолжали издаваться, а главным образом, переиздаваться, экономические работы С.Н. Булгакова (в 1917 году была опубликована его работа «История экономической мысли».)

О нравственной стороне предпринимательства писал И.А. Ильин. «Количественное поравнение имущества бесцельно и вредно: естественное неравенство человеческих сил, способностей и желаний все равно опять приведет к имущественному неравенству. Имущественное неравенство преодолевается не переделом богатств, а освобождением души от зависти; естественным братским доброжелательством; искусством довольствоваться тем, что есть, помышлением не о тех, кто «богаче меня», а о тех, «кто беднее меня», уверенностью, что богатство не определяет человеческого достоинства; и творческим трудолюбием»<sup>11</sup>.

Качества, приписываемые предпринимателям и предпринимательству различны. Так или иначе, предпринимательство относится, очевидно, к классу новаторской экономической деятельности, а предприниматель – личность, главным свойством которой является «стремление к преобразующей деятельности». Л.Н. Гумилев называет такой тип личностей «пассионариями»<sup>12</sup>.

В литературе 80 – 90-х годов отмечается, что, в сущности, все основные значения понятия «предпринимательство» укладываются в диапазоне от «праздного класса» (Т. Веблен), до «основного феномена экономического развития» (Й. Шумпетер) И «главной движущей силы экономического развития».

Особенно бурно эти вопросы стали обсуждаться в середине XX века, когда уже существовали новые определения предпринимательства, данные учеными Й. Шумпетером и Ф. Фон Хайеком. Характерно, что оба они пришлось «не ко двору» и долгое время они лично и их идеи (Шумпетер умер в 1950) пребывали в состоянии затмения. В 70-е годы начинается процесс ренессанса их идей. Ф. Фон Хайеку была присуждена Нобелевская премия в 1974 году.

Воззрения Й. Шумпетера можно суммировать следующим образом:

- Функция предпринимательства состоит, главным образом, в реформировании производства путем использования изобретений, или, если брать шире, разнообразных возможностей для выпуска новых или старых (но новым способом) товаров, открытия новых источников сырья, рынков сбыта, реорганизации производства и т.д.

- Предпринимательство – это универсальная общеэкономическая функция любой общественной формации.

- Особое значение для предпринимательства имеет состояние хозяйственно-политической среды. Эта среда, по мнению ученого, определяла не только способы использования «новых комбинаций», но и мотивы предпринимательской деятельности.

Взгляды фон Хайека на предпринимательство во многом перекликались со взглядами Й. Шумпетера. Но все-таки отличаются большей цельностью и последовательностью.

Для этого исследователя главным условием срабатывания феномена предпринимательства должна быть свобода человека, исключая его подчинение другим людям. Свобода эта должна сочетаться с законами гражданского общества. Личная независимость позволяет человеку наиболее продуктивно распорядиться своим экономическим потенциалом.

Основополагающую роль в теории этого ученого играет концепция неявного знания.

Проявителем и координатором всей совокупности условий и проявлений предпринимательства является рынок. Ведь предприниматель стремится достичь наиболее эффективного симбиоза своих уникальных знаний с рыночной ситуацией.

Таким образом, вырисовывается формула: возможности – знания – рынок – конкуренция. Суть предпринимательства в таком случае – поиск и исследование новых экономических возможностей. Чье поведение отличается **ПОИСКОВЫМ СТИЛЕМ**, есть потенциальный предприниматель.

Это закреплено и семантически – по В. Далю «быть предпринимателем значит затевать, решаться исполнять новое дело».

Современная историческая наука проявляет огромный интерес к изучению российского предпринимательства. Огромное количество исследований научного и научно-популярного характера появляется в самом конце 80-х и 90-х годов<sup>14</sup>.

Из всего комплекса этих работ правомерно выделить коллективный труд «История предпринимательства в России»<sup>15</sup>. Это исследование является историческим, обобщающим, в котором скрупулезному анализу подвергался целый ряд наиболее важных проблем, связанных с истоками становления, этапами и направлениями развития предпринимательской деятельности в России.

---

<sup>1</sup> История предпринимательства российского. От купца до банкира. – М., 1997. – С.10

<sup>2</sup> Безобразов Владимир Павлович (1828-1889) – экономист, публицист, педагог, общественный деятель, сенатор, академик Петербургской Академии наук и почетный член Международного статистического института. Из дворян. Служил в Министерстве финансов, в Министерстве государственного имущества, был членом комиссии по

---

устройству земских банков. Преподавал политическую экономию и финансовое право в Александровском лицее. Написал и опубликовал ряд трудов и большое количество статей по истории денежного обращения, организации поземельного кредита, по истории предпринимательства и др.

<sup>3</sup> См: Безобразов В.П. Народное хозяйство России. Т.1. Спб., 1882. С.78-79.

<sup>4</sup> Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.3. М., 1980. С.388.

<sup>5</sup> Былое. 1996. №9-10. С.3.

<sup>6</sup> Милютин Д.А. Воспоминания. – М., 1999 – С.445.

<sup>7</sup> Шульце – Гевениц Г. Очерки общественного хозяйства и экономико – политической России» - М., 1901 – С.3

<sup>8</sup> В.И. Ленин. От первого субботника ко всероссийскому субботнику. Полн.собр.соч. Т.41. С.108.

<sup>9</sup> Маркс К. Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.346.

<sup>10</sup> Былое. 1996. №8. С.3.

<sup>11</sup> Былое. 1997 № 3-4. С.7.

<sup>12</sup> См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли Л., 1990. С.263 – 287.

<sup>14</sup> Боханов А.Н. Крупная буржуазия в России (конец XIX – 1914) – М., 1989; Он же. Коллекционеры и меценаты в России – М., 1989. Саламатин А.Ю., Андреев А.Н. Очерки истории и теории предпринимательской деятельности – Пенза, 1992; Калинин В.Д. Из истории предпринимательства в России: династии Прохоровых и Рябушинских – М., 1993; Кузьмичев А., Петров Р. Русские миллионщики. Семейные хроники - М., 1993; Кузьмичев А.Д., Шапкин И.Н. Отечественное предпринимательство – М., 1995; Менталитет и культура предпринимателей России XVII – XIX в.в. – М., 1996 Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века – М., 1997; Иностранное предпринимательство и зарубежные инвестиции в России. Очерки. – М., 1997; Экономическая история. Предпринимательство и предприниматели – М., 1999 и мн. Др.

<sup>15</sup> История предпринимательства в России от средневековья до середины XIX века – Кн. 1 – М., 1999; История предпринимательства в России. Вторая половина XIX – начало XX в.в. – Кн 2 – М, 2000

**И.С. Наградов**

### **Купцы-старообрядцы Выжиловы и власть в XIX – начале XX вв.**

В конце XVIII века в период бурного развития беспоповских толков угличский мещанин Василий Иванович Выжилов перешел в старообрядчество.<sup>1</sup> По сведениям ярославского епископа Василий Выжилов принадлежал к «безпоповщинской перекрещеванской поморской секте, главными начальниками которой... в Помории в Олонецких пределах были Данила Викулин..., а так же братья Андрей и Семён Денисовы». Его сын Иван Выжилов, по официальным данным, «состоял в расколе» с 1796 г. Вероятно, он перешел из официального вероисповедания вместе с родителями и младшим братом Михаилом.

---

<sup>1</sup> © И.С.Наградов, 2012

Принадлежность Выжиловых к поморскому согласию означало признание ими моления за царя и лояльное отношение к браку. В 1760-х гг. поморцы стали терпимо относиться к новожёнам, то есть старообрядцам, вступившим в брак после принятия в согласие.<sup>2</sup> Подобное отношение к браку было весьма спорным и не все его принимали безоговорочно. Младший брат Михаил женился, у него родились дети.<sup>3</sup> Иван же нововведение не принимал, и до конца жизни оставался неженатым.<sup>4</sup>

В 1796 г., уже после учреждения регулярного плана города, Василий Иванович выстроил каменный двухэтажный дом с флигелями и оградой. В 1810 г. после смерти отца Иван Выжилов (род. 1781 г.), купец 2-й гильдии и будущий потомственный почетный гражданин,<sup>5</sup> начал перестройку семейного дома: пристроил каменный флигель, где поместил большую моленную. В моленной разместился иконостас со 174 иконами XIV – XVI веков. В 1816 году И.В. Выжилов, пользуясь лояльным отношением властей, еще больше расширил свою моленную. А в 1841 г. она была украшена росписями стен. По мнению исследователей, автором монументальной росписи, изображавшей родословное древо князей Мышецких<sup>6</sup>, поучительные сцены из современной жизни и райских птиц, был местный мастер Григорий Иванович Буренин.<sup>7</sup>

Около 1825 года в доме Выжиловых была устроена вторая моленная. А в начале 1830-х годов во дворе выстроена третья для проживающих при доме женщин, которые прибывали из Ярославской и соседних губерний. В 1837 – 1838 гг. были сооружены моленная-столовая, где читали псалмы по умершим, и кельи. Постепенно дом Ивана Выжилова разросся и мог вмещать более 300 человек, собиравшихся на крупные религиозные праздники. Для богатых единоверцев за плату он организовывал торжества поминовения. Это вызвало недовольство местных властей. В 1823 году по требованию ярославского губернатора Иван Васильевич был вынужден дважды дать подписку о том, что он не будет более допускать собраний старообрядцев в своём дом.<sup>8</sup> Однако через некоторое время собрания вновь возобновились.

В 1830 г. во время следствия по делу о крещении в моленных Ивана Выжилова по «раскольническим» обрядам крестьянского мальчика Михайлы, хозяин рисковал попасть под наказание. Однако дело закончилось благополучно. Более того, в 1831 году император утвердил мнение комитета министров о том, что моленную И.В. Выжилова нужно оставить в том же положении, в котором она находится, и не препятствовать ему вести службу по его обрядам.<sup>9</sup> Это позволило И.В. Выжилову в течение последующих 10 лет непрерывно расширять свою обитель. Если в 1826 г. в ней проживал 31 мужчина и 44 женщины, то в 1838 г. уже 35 мужчин и 113 женщин, в 1846 г. – 34 мужчины и 86 женщин. Далеко не все из них имели официальные виды на жительство в Угличе. Постояльцы проживали в небольших кельях по 2 – 3 человека.

Продовольствие они получали от И.В. Выжилова. По секретным данным полиции, при поступлении в богадельню жильцы делали вклады деньгами, «смотря по состоянию и возможности приходящих», правда, сам Иван Выжилов это категорически отрицал. Женщины выполняли посильные работы: летом обрабатывали огород, зимой пряли лён, делали восковые свечи. В основном в богадельне проживали мещане и крестьяне из близлежащих селений.<sup>10</sup>

В городе существовали ещё моленные: две в доме младшего брата Ивана Васильевича, купца 3-й гильдии Михаила Ивановича Выжилова (одна большая и одна очень малая, вероятно только для семьи владельца) и одна малая в доме купца Дмитрия Серебренникова / Серебрякова. Моленные М.И. Выжилова были устроены вскоре покупки дома в 1828 г. Д. Серебренников / Серебряков утверждал, что моленная построена еще его дедом около 1801 г.

Долгое время И.В. Выжилову удавалось избегать неприятностей. Этому способствовало то, что с 1815 по 1818 годы он занимал должность ратмана, а в 1824 – 1827 годах был бургомистром.

Известно, что обширные капиталы зарабатывались старообрядцами именно для обеспечения спокойного существования общины и возможности исповедания истинной веры в суровых условиях мира антихриста. Чиновники быстро поняли, что для староверов деньги имеют второстепенное значение и успешно пользовались этим. Достаточно примеров этого и в Ярославской губернии. Так, секретарь канцелярии губернатора Спасский обложил старообрядцев платежом в 120 рублей ассигнациями при подаче в канцелярию сведений о численности общины. За мзду он постоянно снижал их количество, оберегая, таким образом, от излишне пристального внимания духовных и центральных гражданских властей. В реальности же число староверов все время увеличивалось.<sup>11</sup> Подобные отношения были выгодны обеим сторонам, поэтому уличить соучастников было непросто. Одно из дел канцелярии губернатора носит любопытное название «О влиянии раскольника Выжилова на служащих в Угличе чиновников». <sup>12</sup> Ярославский губернатор, по распоряжению МВД в 1846 г. пытался проследить связи Ивана Выжилова с местными должностными лицами. По сведениям МВД угличские чиновники «пользуются от ... купца Ивана Выжилова подарками, стараясь быть ему при случае полезным, по мере их власти. В каждый годовой праздник они ходят с поздравлениями к Выжилову, который, судя по степени пользы, какую от кого получает, может делать им подарки, а чрез то, зная вперед все распоряжения Правительства, предупреждает могущие постигнуть его неприятности». <sup>13</sup> Однако ни подтвердить, ни опровергнуть связь старообрядца и чиновников ему не удалось, поскольку «все отозвались в Угличе совершенной неизвестностью».

Православное духовенство было недовольно тем, что губернские чиновники смотрят на деятельность старообрядцев, и в том числе И.В. Выжилова, сквозь пальцы. Стенная роспись, сделанная в моленной в 1841 году послужила поводом к рапорту угличского священника Степана Розина епархиальному начальству. Роспись была воспринята как пропаганда раскола и вызвала резко негативную реакцию Московской духовной консистории, которая потребовала пресечь деятельность моленных. Однако делу был дан ход только четыре года спустя, когда николаевское правительство увидело в старообрядчестве угрозу государственной стабильности.

В феврале 1846 г., пользуясь тем, что угличский городничий Богданович находился в отпуске, губернатор направил в Углич ярославского частного пристава Любимова. Он посетил «как бы из любопытства» дом Ивана Васильевича, где побывал в трех моленных, подивился иконостасам с иконами древнего письма, резным складням, старинным евангелиям. В моленной на нижнем этаже увидел «решётки или перилы, нечто вроде клиросов» и при входе на левой стороне изображение трех или четырех вселенских соборов. Целью неофициального расследования было выяснение причастности И.В. Выжилова к убийствам, происходящих в губернии<sup>14</sup>, а так же факта отмыwania купцом фальшивых денег, получаемых им от беглых и бродяг, скрывающихся в Пошехонских лесах. Получить конкретных данных Любимову не удалось.<sup>15</sup>

В феврале 1846 г. министр внутренних дел возложил на состоящего при министерстве чиновника Никотина секретно поручение. Оно было сообщено Никотину министром в устной форме. По прибытию в Ярославскую губернию он должен был объявить его лично, в целях сохранения тайны, только губернатору И.А. Баратынскому. Никотин прибыл в Ярославль, представился губернатору и в соответствии с наказом министра получил в качестве помощника пристава Любимова, «опытного и надежного чиновника».<sup>16</sup>

Расследование Никотина привело его к мысли, что две моленные из имеющихся моленных и богадельня, должны быть переданы в ведение приказа общественного призрения с условием проживания только лиц старше 50 лет и с официальными видами на жительство. Министр внутренних дел потребовал запечатать моленные, построенные после 1826 г., улучшить ведение списков старообрядцев, выслать беспаспортных, а делу Буренина, жена которого осталась после свадьбы старообрядкой, вопреки данной подписке, дать ход.<sup>17</sup>

В помощь Никотину исполнявший на тот момент должность губернатора вице-губернатор И.М. Донауров, направил чиновника Селецкого, который немедленно вызвал И.В. Выжилова на допрос. Купец прибыл и обещал согласовывать свои действия с законами государства и

постановлениями церкви. Его брат Михаил, чтобы избежать преследований, уехал в Санкт-Петербург. Сам же И.В. Выжилов активно использовал денежные средства. Он добился отстранения от производства дела некоторых неугодных чиновников, ведущих процесс. По требованию Ивана Выжилова в отставку подал бургомистр Григорий Буторин. Он был должен купцу 100 рублей серебром. Бургомистр долго затягивал и тормозил расследование дела, вяло реагировал на требования ускорить расследование. Вероятно, под давлением вышестоящих властей Г. Буторин однажды отказался потворствовать И.В. Выжилову и тот использовал долг как предлог для устранения ненужного чиновника.

Тем не менее, три из четырех моленных были запечатаны уже в мае 1846 г. Беспаспортным жильцам выдали ранее отобранные паспорта и приказали отправиться в места постоянного проживания. Еще раньше перед визитом чиновников, Иван Васильевич отправил восвояси самых молодых постояльцев. Однако теперь он окончательно остался без рабочих рук, которые могли ухаживать за престарелыми и самим домом. Ему пришлось просить разрешения о найме 4-х работников для выполнения хозяйственных и иных работ, что не сразу, но было разрешено.<sup>18</sup>

Летом 1846 г. Михаил Васильевич обратился к министру внутренних дел с просьбой распечатать моленные, чем только ещё больше разозлил чиновника.<sup>19</sup>

Весной 1847 г. дело о богадельне Выжилова было передано на ревизию чиновнику по особым поручениям при МВД действительному статскому советнику В.А. Алябьеву – уже в 1840-е гг. известному специалисту в области «раскола». В 1850-х гг. ему будет суждено возглавить Судную комиссию по рассмотрению деятельности толка староверов-странников.<sup>20</sup> В.А. Алябьев побывал в Угличе и усмотрел некоторые недостатки в ведении дела, в частности посчитал необходимым закрыть и моленную, построенную до 1826 г., поскольку предпринятые в ней росписи можно считать разновидностью ремонта, который в старообрядческих культовых зданиях запрещен. Был поднят и важный вопрос об отношении старообрядцев к браку. Сам Иван Васильевич женат не был, и считал совершение брака без священника невозможным. Его младший брат Михаил (род. в 1793) был женат. Супруга Михаила – Минодора – была младше мужа на 6 лет, и тоже принадлежала к поморскому согласию. Чета имела четырех детей Дмитрия (род. в 1830 г.), Фёдора (род. в 1835 г.), Алексея (род. в 1841 г.). Известно, что Иван Васильевич этот брак не признавал и отзывался о невестке как о «незаконной супруге».<sup>21</sup> Чиновник усмотрел в показаниях хозяина и призреваемых женщин разночтения по поводу отношения к браку. И.В. Выжилов заявлял следователям, что «браками не гнушается». Женщины же отвечали, что браки не признают, но после уточнили, что оговорились, так как просто сами никогда замуж не хотели, но против



ничего не имеют. Чиновник усмотрел в этом «стачку», то есть сговор старообрядцев,<sup>22</sup> что вполне обоснованно, поскольку отрицание брака переводило толк в разряд особо вредных и сулило староверам лишние неприятности.

Дело о Михаиле и Иване Выжиловых долго расследовалось углическим магистратом. Министерство внутренних дел было вынуждено несколько раз напоминать о необходимости скорейшего завершения расследования, но нерасторопность различных органов, отлучки Выжиловых, и как следствие невозможность взять с них показания, сильно затягивали дело. Наконец, дело было передано в уголовную палату, которая завершила его рассмотрение и в декабре 1848 г. вынесла приговор. Однако, дела о «раскольниках» часто рассматривались непосредственно комитетом министров и принятые местными судами постановления пересматривались. 24 мая 1849 г. журнальным постановлением этого высшего руководящего органа И.В. Выжилову было назначено наказание в виде 4 месяцев содержания под стражей, М.В. Выжилова было приказано «выдержать под стражей» 2 месяца, а наставнику Н. Завьялову запрещено отлучаться с места жительства без паспорта и без веских «законных» причин. Для обеспечения этого постановления за ним должен был быть установлен полицейский надзор.<sup>23</sup> Общественную моленную И.В. Выжилова, расположенную на нижнем этаже дома, избежавшую первоначально закрытия в связи с тем, что она была построена до запрета 1826 г., приказано было запечатать. Причиной послужила роспись стен моленной, с подачи В.А. Алябьева квалифицированная как «поновление». На момент постановления в богадельне оставалось 9 больных женщин, которых было приказано выслать в места постоянного проживания сразу же после выздоровления.<sup>24</sup>

К марту 1850 г. женщин в богадельне не осталось, и губернатор предложил министру уничтожить внутренне убранство моленных и превратить их в жилые помещения; имущество некультового характера оставить у Выжиловых, а книги и иконы передать в консисторию, предварительно оставив владельцам снятые с них украшения.<sup>25</sup>

Министр не возражал, но потребовал представить ему список книг и икон во всех выжиловских моленных. В апреле 1850 г. комиссия в составе чиновника особых поручений Шишкина, городничего Серебрякова и уездного стряпчего Крымова вскрыли печати, оказавшиеся в полной сохранности, и составили опись предметов.<sup>26</sup> Эти действия были восприняты старообрядцами как намерение изъять вещи. Прошения Ивана и Минодоры Выжиловых на имя вице-губернатора В.Н. Муравьева, замещавшего находящегося в Петербурге начальника губернии, результатов не дало: моленные остались запечатанными, возле дверей продолжал стоять караул, гарантий неприкосновенности вещей никто не давал. Судя по всему, на этом этапе вещи не изымались и оставались под

замком, несмотря на прошения об их возвращении.<sup>27</sup> Впоследствии они были всё-таки изъяты и переданы в консисторию.

Исследователи указывают, что в 1848 году И.В. Выжилов ездил в Санкт-Петербург и встречался с министром внутренних дел, пытаясь отстоять моленные. В изученных нами документах подтверждения этому факту не обнаружено. Действительно, вскоре после решения дела и запечатывания последней моленной (состоялось 1 июля 1849 г.), Выжиловы направили несколько прошений на имя министра внутренних дел графа П.А. Перовского, а так же на имя императора. Однако о личной встрече купца и чиновника в материалах дел не упоминается. Более того, 3 сентября 1849 г. министр сообщил ярославскому губернатору: полученное от Ивана Выжилова прошение об отмене приговора удовлетворено быть не может, а сам проситель пусть «более не осмеливается писать прошения».<sup>28</sup>

Даже после разгрома обители, бдительное министерство продолжало держать руку на пульсе. До министра «дошли слухи», что И.В. Выжилов вновь собирает в неизвестном месте для совершения богослужений своих единоверцев, а из запечатанной моленной украдены ценные украшения с икон. Предпринятое городничим следствие не подтвердило факт совершения молений, но удалось установить, что действительно 14 марта 1849 года, кто-то проник в тогда ещё не запечатанную моленную путем подбора ключей и украл вышитые жемчугом ризы и очелья с 15 икон, оставив в качестве улики горелые спички. Кражу обнаружил сам И.В. Выжилов следующим утром. Ущерб составил 2000 рублей серебром.<sup>29</sup> Тот факт, что иных следов проникновения в дом, кроме спичек, обнаружено не было, информация о заявлении не доводилась местным городничим до сведения высшего руководства, а Иван Васильевич просил выдать ему выписку из регистрационного журнала о принятии заявления, заставляет подозревать в происшествии самого старообрядца. Постоянно опасаясь изъятия вещей, И.В. Выжилов мог инсценировать кражу, чтобы спасти часть имущества.<sup>30</sup>

В конце 1849 года приговор был приведен в исполнение. Михаил Выжилов отбыл положенный срок в тюрьме, но вернулся домой уже больным человеком. 17 февраля 1850 г. он скончался у себя в доме, так более и не увидевшись с братом, срок заключения которого истекал только 3 марта.<sup>31</sup>

В начале 1860-х годов главная моленная была распечатана без официального разрешения.<sup>32</sup> После смерти Ивана Васильевича моленной руководила жена Михаила – Минодора. Их дети Дмитрий, Алексей и Фёдор также были старообрядцами и умерли к концу 1880-х гг. Дмитрий возглавил общину после смерти матери. После его смерти вдова – Анна Ивановна – сама моленной управлять не стала. Она переехала жить на принадлежащую ей бумажную фабрику в Улеймской волости, а за домом и моленными следила девица Анна Алексеевна Блохина. В доме к 1889 г.

существовало две моленных: одна народная и одна частная при спальнях хозяйки и её замужней дочери. Количество проживающих в доме Выжиловых посторонних женщин снизилось по сравнению с 1830-ми годами в 10 раз (8 угличских мещанок и 4 крестьянки Угличского и Мышкинского уездов), и все они имели официальные паспорта. Проживали женщины, возраст которых колебался от 40 до 70 лет, во флигеле, расположенном во дворе. Там же находились две моленные комнаты, одной из которых производилось чтение псалмов по усопшим. Столовая, находящаяся во дворе, построенная в конце 1830-х гг. ещё при Иване Васильевиче, была сломана около 1884 г. по причине крайней ветхости.

В конце 1880-х гг. духовное начальство попыталось окончательно устранить старообрядческий скит. Это связано с ужесточением государственной политики в отношении староверов, одним из идеологов которого был обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев. Около 1889 года дом Анны Ивановны Выжиловой на Набережной улице лично посетил ярославский епископ Ионафан, после чего направил судебному следователю предложение отобрать у старообрядцев предметы культа, не соответствующие канонам официальной церкви. Это вскоре было сделано: у старообрядцев изъяли 3 тюка с вещами в качестве вещественных доказательств по делу об организации «раскольнического скита». В 1907 году, после объявления веротерпимости староверы пытались вернуть имущество и даже направили губернатору соответствующее прошение. Однако светская власть отговорила тем, что теперь решение подобного вопроса не в её компетенции и предложила просителям переадресовать претензии духовной консистории. Удалось ли старообрядцам вернуть ценности – неизвестно. Тем более что книги уже успели перекочевать в семинарскую библиотеку, а иконы в ризницу Ярославского кафедрального собора.<sup>33</sup>

Первая русская революция принесла старообрядцам и другим вероисповеданиям долгожданную свободу совести. Императорский указ 17 апреля 1905 г. стал первым шагом к постепенной легализации староверия. Указ ликвидировал наименование старообрядцев «раскольниками», разрешил переход из православия в другие христианские вероучения, установил общие правила строительства и ремонта культовых зданий для всех христианских конфессий. Все закрытые в административном порядке молитвенные здания должны были быть распечатаны.<sup>34</sup> Староверам разрешалось свободное осуществление обрядов и создание общин.<sup>35</sup> С этого начался период относительно свободного развития старообрядчества. За 7 – 8 лет после опубликования указа по стране было построено более 1000 храмов и несколько новых монастырей.<sup>36</sup> Ежегодно проходили старообрядческие съезды и соборы. Однако, регистрировать

общину потомки Выжиловых не спешили, вероятно, помня о коварстве царских чиновников, в прошлом громивших обитель.

---

<sup>1</sup> Государственный архив Ярославской области. Ф. 73. Оп. 1 Д. 4072. Л. 4. (Далее – ГАЯО).

<sup>2</sup> См.: Мальцев А.И. Новые материалы о взаимоотношениях старообрядцев поморского и федосеевского согласий в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2001. № 2. С. 3 – 6.

<sup>3</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 11 – 11 об.

<sup>4</sup> Ранее, опираясь на его отношении к браку, мы ошибочно считали И.В. Выжилова федосеевцем. См.: Наградов И.С. Вся власть у Папулина // Родина. 2006. № 6. С. 60 – 64.

<sup>5</sup> Иван Васильевич получил почетное гражданство 28 ноября 1834 года. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 8.

<sup>6</sup> Именно к этому роду принадлежали основатели поморского толка Андрей и Семён Денисовы.

<sup>7</sup> Горстка А.Н. Указ. соч. С. 35; ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 13 об. – 16. Мать художника Мария Васильевна, урождённая Сурина, была старообрядкой федосеевского толка, и числилась в списках посетителей выжиловских моленных. Её муж оставался в официальном вероисповедании. При их венчании Мария Васильевна давала подписку о пребывании в православии, но в 1840 г. ушла жить в богадельню в доме И.В. Выжилова. Супруг жаловался городничему Суворову, но безрезультатно. Данный факт так же стал предметом особого разбирательства в 1846 г. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 16.

<sup>8</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4072. Л. 5 – 5 об.

<sup>9</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4072. Л. 6.

<sup>10</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 8 об. – 9.

<sup>11</sup> Лествицын В. Сорок лет назад // Ярославские епархиальные ведомости. – 1886. – 10 ноября. – № 45. – Ч. неофиц. – Стб. 715.

<sup>12</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3781. Л. 2 – 4 об.

<sup>13</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3781. Л. 2.

<sup>14</sup> Вероятно, убийства были связаны с преступной деятельностью банды дезертиров и бродяг, часть из которых была членами толка старообрядцев-странников. См.: подробнее: Наградов И.С. Следственная комиссия по расследованию деятельности страннического согласия в Ярославской губернии в 1850 – 1852 гг.: к вопросу о правительственных методах борьбы с «расколом» // Клио. 2011. № 8. С. 90 – 92.

<sup>15</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 8 – 9 об.

<sup>16</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 7, 10.

<sup>17</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 24 – 27.

<sup>18</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 53, 58 об., 61.

<sup>19</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 70.

<sup>20</sup> См.: Наградов И.С. Личный состав правительственных комиссий ...

<sup>21</sup> Горстка А.Н. Указ. соч. С. 36. К моменту смерти у Минодоры Выжиловой было четверо детей. Имя и пол четвертого ребенка остаётся неизвестным. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 84.

<sup>22</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3778. Л. 101 об.

<sup>23</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 4. Д. 4072. Л. 6 об. – 7 об. Наставником в моленных И. Выжилова долгое время был крестьянин с. Васильевское Юхотской волости Василий Евдокимов.

---

Николай Завьялов, видимо, заступил на его место. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 11 – 11 об.

<sup>24</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 31 об.

<sup>25</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 72 об.

<sup>26</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 73, 78.

<sup>27</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 83, 98, 99.

<sup>28</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 52 - 52 об., 59.

<sup>29</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 87.

<sup>30</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 91 – 91 об.

<sup>31</sup> ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Д. 3999. Л. 72 об.

<sup>32</sup> Горстка А.Н. Указ. соч. – С. 41.

<sup>33</sup> ГАЯО. Ф. 79. Оп. 7. Д. 3648. Л. 42 – 48.

<sup>34</sup> Ершова О.П. Старообрядчество и власть. – М., 1999. – С. 176, 180, 181.

<sup>35</sup> Высочайший указ Правительствующему Сенату. О порядке устройства общин последователями старообрядческих согласий и обязанностях сих лиц // Костромские епархиальные ведомости. 1906. 1 декабря. № 23-24. Ч. офиц. С. 420 – 430.

<sup>36</sup> Козлов В.Ф. Московское старообрядчество в первой трети XX века (храмы, молельни, общественные организации и учреждения) // Старообрядчество в России (XVII – XX века). М., 1999. С. 193.

**П.А. Смирнов**

### **Становление и развитие деятельности коммерческих финансовых кредитных учреждений в Костроме во второй половине XIX – начале XX вв.**

Кредитные учреждения Костромской губернии явились неотъемлемой частью всей массы учреждений данной отрасли в России. Решающим этапом в становлении акционерных коммерческих банков стали 90-е гг., когда капиталы выросли почти вдвое, учёты векселей, кредиты под товары и векселя возросли почти в два с половиной раза.

Ранняя концентрация банков была особенностью России и результатом правительственной политики. Несмотря на относительно небольшой количественный рост (в 1875 г. действовало 39, а к 1900 г. – 42 акционерных коммерческих банка), благодаря созданной в начале 1900-х гг. широкой сети отделений (268 в 1904 г.) акционерные коммерческие банки занимали в кредитно-банковской системе России центральное место. По сумме баланса к 1914 г. (6284,6 млн. руб.) они намного опережали остальные учреждения коммерческого кредита, в том числе Государственный банк (4624,0 млн. руб.)<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> © П.А.Смирнов, 2012

В Костроме наряду с отделением Государственного банка на рубеже XIX—XX веков функционировали следующие коммерческие кредитные учреждения: Костромской городской общественной банк, Ярославско-Костромской земельный банк, Костромское отделение Крестьянского Поземельного банка, Костромское отделение Соединенного банка, Костромской коммерческий банк, Костромское отделение Банкирского дома братьев Рябушинских. К сожалению, сохранилась документация о деятельности в Костроме лишь некоторых из указанных учреждений.

#### ***Костромской коммерческий банк.***

На основании Высочайше утверждённого 21 мая 1871 г. Устава, коммерческий банк в Костроме открылся 28 сентября. Обязательства банка выдавались за подписью председателя правления М.А. Сыромятникова, одним из членов правления: К.Я. Кашиным или Н.Е. Акатовым. Банк производил операции, дозволенные Уставом, а именно: а) учёт векселей и других, на торговых сделках основанных, обязательств; б) Ссуды: 1) под залог государственных процентных бумаг, паёв, акций, облигаций и закладных листов; 2) по коносаментам, свидетельствам товарных складов, квитанциям транспортных контор, железных дорог и пароходных обществ; 3) под залог драгоценных металлов и ассигновок горных правлений, и 4) под залог товаров; в) перевод денег в С.-Петербург, Москву и места, где находятся отделения и агентства Волжско-Камского банка; г) покупку и продажу, за счёт третьих лиц, государственных и частных процентных бумаг; д) покупку и продажу за свой счёт государственных бумаг, акций и облигаций; е) приём вкладов от частных лиц, обществ, монастырей и церквей. Вклады принимались лично от вкладчиков, от их доверенных, через почту из всех местностей России, до востребования, и на определённые сроки и на текущий счёт. Размер процентов определялся на 1870-е гг.<sup>2</sup> 1) По текущему счёту 4% в год 2) По вкладам: до востребования, от 6 до 12 месяцев 5% , от одного до 5 лет 5½%, от до 10 лет 6%. Банк взимал: а) по учёту векселей: до 6 месяцев 7½%, 9 месяцев 8%; б) по ссудам под залог: 1) процентных бумаг до 6 месяцев 7%, до 9 месяцев 7½%. 2) товаров, в складах 8%. 3) товаров в пути 8%. Работал банк ежедневно, кроме праздничных и воскресных дней, от 10.00 до 16.00. Банк помещался в костромском гостином дворе против табачного ряда. Правление Костромского Коммерческого банка находилось в Костроме, а отделения в Вологде, Вязьме и Владимире. Сравнивая активы и пассивы по состоянию к 1-му декабря 1899 г. можно увидеть, что по всем операциям лидировал банк в Костроме. Актив общий – 4570123 руб. 72 коп., в Костроме – 3803336 руб. 90 коп.<sup>3</sup>. Пользоваться услугами банка могли частные лица, торговые дома и общества, монастыри, церкви, правительственные и общественные учреждения, волостные правления, опекунские учреждения. Лицу или обществу, которым в банке открыт текущий счёт, выдавались две книжки: одна расчётная, другая – приказов и

чеков<sup>4</sup>. Открывая текущий счёт, вкладчик должен внести минимальную сумму 50 руб. Текущий счёт вкладчика мог быть закрыт: по собственному желанию, в случае, когда им выдан чек на сумму большую, чем он имеет на своём счёте в банке, а также, если на его счёте останется сумма меньше 50 руб. Возобновить отношения с банком вкладчик мог только в следующем банковском году. В конце октября 1904 г. Костромской коммерческий банк прекратил платежи<sup>5</sup>. В ноябре 1904 г. поверенный одного из наиболее крупных вкладчиков банка купца И.Я. Аристова подал в Костромской окружной суд прошение об объявлении банка несостоятельным должником по торговле. Оно рассматривалось в заседании 12 ноября. По результатам ревизии вкладчики могли рассчитывать на удовлетворение своих претензий в размере от 60 до 70 коп. на рубль<sup>6</sup>. Костромской Коммерческий банк прекратил свою деятельность.

### ***Становление городского общественного банка в Костроме.***

После открытия в 1860-м г. Государственного банка России, в стране возникли частные кредитные учреждения двух видов: 1) в форме общественных заёмщиков, связанных круговой ответственностью 2) в акционерной форме. К первому виду относится деятельность городских банков, широко распространившихся к середине XIX в. Высочайше утверждённое Положение от 10 июня 1857 г.<sup>7</sup> предусматривало, с одной стороны, придать городским банкам характер ссудо-сберегательных касс с ограниченным кругом деятельности, с другой – оградить от конкуренции правительственные кредитные учреждения. По типу городские общественные банки были депозитными, они учреждались при городских думах и находились под их контролем, а также под надзором и опекой Министерства внутренних дел. Обслуживали средних и мелких предпринимателей. Капитал городских общественных банков формировался из общественных средств, пожертвований и взносов частных лиц. Костромской общественный банк был утверждён осенью 1863 г. Он открылся на следующих основаниях: 1) основной капитал банка составлялся из 10000 руб., отчисляемых из остаточных городских сумм; 2) банк производил операции по приёму вкладов, учёту векселей и выдаче ссуд под залог процентных бумаг, товаров, драгоценных вещей и недвижимых имуществ; 3) в производстве операций банк руководился Высочайше утверждённым 6-го февраля 1862 г. положением о городских общественных банках; 4) из чистых годовых прибылей от оборотов, за отчислением суммы на составление резервного капитала банка и за покрытием расходов на его содержание, треть обращалась, по усмотрению городского общества – в пользу благотворительных заведений, другая – в городской доход, а последняя причислялась к основному банковскому капиталу.<sup>8</sup> Создание банка было встречено в Костроме с «особенным удовольствием», ввиду недостатка кредита и трудности достать деньги под

залог для землевладельцев, мелких и средних торговцев. Сберегательная касса при городской думе была утверждена. Членами совета сберегательной кассы избраны со стороны купцов гг. И. Акатов, М. Чумаков. Кандидатами к ним гг. Я. Вавилов и К. Костицын; со стороны мещан А. Подожников и И. Аристов.

Таблица 1: Динамика операционной деятельности банка за 1864-1867гг. на основе его отчётов

	1864 г.	1866 г.
все обороты по приходу и расходу	486971 руб. 69,5 коп.,	1150605 руб. 63.5коп.
процентные вклады на бессрочное время из 4%	60000 руб.	151174 руб. 91,5коп.
вклады на хранение	–	500
баланс основного капитала	на 1 января 1865 г. 10774руб. 61,25коп.	на 1 января 1867 г. 13187руб. 54,75 коп.

Благотворительных капиталов нет. Баланс же на 1 января 1912 года составлял 1834753 руб. 81 коп<sup>9</sup>.

16 января 1914 г. банку исполнилось 50 лет. Расходы на празднование юбилея составили 5500 рублей. Распорядителями были избраны: правление банка, Н.А. Толстопятов, Ст. Н. Прянишников, В.Н. Лаговский, П.И. Кекин. Председатель – К. Семёнов<sup>10</sup>.

Костромской общественный банк упразднён декретом ВЦИК в 1918 году<sup>11</sup>.

### ***Работа отделения Банкирский дома братьев Рябушинских в Костроме.***

Банк Рябушинских сочетал регулярные банковские операции с биржевыми и эмиссионными, став, по замыслу его организаторов, новым для России типом универсального банковского учреждения<sup>12</sup>.

Костромское отделение Банкирского дома братьев Рябушинских выполняло операции с 1910 по 1913 год. Основными вкладчиками были известные, довольно успешные люди Костромы – В.И. Васильев, А.И. Акатов, А.А. Ершова, А.И. Ершова, А.В. Королёв, Л.Б. Шкляринский, М.И. Шмит, К.П. Аржеников а также семья Колодезниковых (Петр Геннадьевич, Елизавета Геннадьевна, Вера Геннадьевна). Кроме частных лиц вкладчиком был Торговый дом «М.Н. Чумакова сыновья». Вклады А.И. Акатова, К.П. Арженикова, А.И. Акатова, А.В. Королёва П.Г. Колодезникова составляли более 10000, достигая 20000 руб., причём вклады были несколько раз в год под 4% и 5% на один год<sup>13</sup>. Торговый дом М.Н. Чумакова в июле и августе 1913 года сделал вклад по 27000 и 23000 руб. соответственно<sup>14</sup>. Петр Геннадьевич Колодезников был знаменит в



Костроме<sup>15</sup>. Он управлял банком, владел сетью магазинов, специализировавшихся на кузнецком товаре. После его смерти в 1914 г. в городе бурно обсуждалось его завещание. Костроме было завещано семьсот тысяч рублей. Потомок банкира Сергей Хютте разъяснял, что П.Г. Колодезников хотел, чтобы на завещанные городу деньги в Нескучном саду городские власти построили большой дом для малоимущих, с тёплыми клозетами и ваннами. Плату за проживание брать не предусматривалось до тех пор, пока жильцы не поправят своё материальное положение.

Ссуды на сумму от 500 до 70000 руб. Также существовали и срочные ссуды под ценные бумаги, они выдавались на несколько месяцев на сумму 350-580 рублей под 6,5%.<sup>16</sup>

#### ***Деятельность Ярославско-Костромского земельного банка.***

Ярославско-Костромской земельный банк открыт в январе 1873 года. Действовал в Архангельской, Астраханской, Вятской, Енисейской, Иркутской, Костромской, Олонецкой, Пермской, Семипалатинской, Тобольской, Томской, Ярославской губерниях, Акмолинской, Амурской, Аральской, Забайкальской, Приморской, Тургайской областях.

В первой половине 1890-х гг. 5%-ные закладные листы акционерных земельных банков шли по высокому курсу. На Петербургской бирже они стоили в 1891-1893 гг. 94-102 руб. за 100 номинальных, в 1894 – 1895 гг. – 98-103 руб.

К 1913 году основной капитал составил 3,5 млн. руб. Акционерный капитал банка к началу 1914 года равнялся 4,2 млн. руб. Стоимость выпущенных в обращение закладных листов достигла 57,7 млн. руб.<sup>17</sup>. По объёму выданных ссуд и по большинству показателей финансовых операций банк занимал последнее место среди акционерных земельных банков. На 1 января 1914 года ему было заложено 2,9 млн. дес. земли, с оценкой в 74,9 млн. руб., под которую было выдано 42,5 млн. руб., и 2,2 тыс. городских имуществ, оценённых в 34,9 млн. руб., сумма ссуд под которое составила 15,1 млн. руб. Валовая прибыль банка в 1914 году равнялась 1,2 млн. руб., а чистая – 768,6 тыс. руб., дивиденд – 16% (1912). Средняя биржевая цена акции в 1914 году достигла 576 рублей.

Платежи по кредитам земельных банков делились на три основные части: так называемый «процент роста» для оплаты купонов по закладным листам; процент погашения, уменьшавший величину капитального долга; платежи и дивиденды для составления прибыли на акционерный капитал. В сравнении с государственным ипотечными банками – Крестьянским и Дворянским, учреждёнными в 80-е годы XIX века<sup>18</sup>, эти финансовые институты предоставляли ссуды на менее выгодных условиях.

Учредителями акционерного земельного банка были: предводитель дворянства Костромской губернии И.Ф. Васьков; костромской землевладелец, штаб-ротмистр К.Васьков; потомственный почётный

гражданин Р.И. Кокуев; ярославский городской голова и землевладелец Владимирской губернии, ярославский купец I гильдии В.Ф. Холшенников; нерехтские купцы I гильдии М.А. Сыромятников и Р.А. Сыромятников; потомственный почётный гражданин Г.И. Сорокин; ярославский купец Н.И. Панов; потомственный почётный гражданин, временно московский купец А.И. Сорокин; Торговый дом братьев Я. и С. Лопатиных в Ярославле; землевладелец Костромской губернии, губернский секретарь С.П. Сумароков<sup>19</sup>.

Со времени учреждения Ярославского отделения банка (в 1888г.) до 1898 г. (1-е десятилетие) поступило по костромской губернии 245 заявлений о выдаче ссуд на покупку 46041 дес. земли, а за 5 лет (1898, 1899, 1900, 1901 и 1902 гг.) 268 заявлений на покупку 31859 десятин<sup>20</sup>. Таким образом в первые 10 лет поступило, в среднем по 24,5 заявления в год на покупку 4604 десятин, а во второй период (5 лет) – по 53,6 заявления на покупку 6372 десятин земли.<sup>21</sup>

Подводя итоги, можно смело сказать, что система коммерческих финансовых учреждений в Костроме была тесно связана с общероссийской. По возможности были определены управляющие. В ходе изучения отчётной и статистической документации удалось определить суммы, которыми оперировали банки. Выявлены были также функции учреждений, их направления и специфика работы, в том числе определена социальная значимость деятельности. Рассмотрены кредитная и сберегательная деятельность кредитных учреждений. Благодаря немногочисленным сохранившимся данным в Государственном архиве Костромской области, были рассмотрены клиенты банков и сберкасс.

---

<sup>1</sup> Мехряков В.Д. Развитие кредитных учреждений в России. М.: Дека, 1996.

<sup>2</sup> Коммерческий банк в Костроме//Костромские губернские ведомости. 1871 №40.

<sup>3</sup> Костромской коммерческий банк//Костромской листок. 1899 №143.

<sup>4</sup> Коммерческий банк в Костроме. Правила о текущих счетах. М., 1871.

<sup>5</sup> Крах коммерческого банка// Костромской листок. 1904 №122.

<sup>6</sup> К прекращению деятельности коммерческого банка// Костромской листок. 1904 №130, 137.

<sup>7</sup> Банковская система России: Настольная книга банкира. М.: Дека, 1995. Кн. 1

<sup>8</sup> Костромские заметки: Костромской банк // Костромские губернские ведомости. 1863 №35.

<sup>9</sup> Государственный архив Костромской области. (ГАКО). Ф. 253. Оп.1. Д.38.

<sup>10</sup> Юбилей городского общественного банка.//Костромская жизнь. 1913 № 264.

<sup>11</sup> Агентство ВЭП – для банков и банковских специалистов. - [www.ver.ru](http://www.ver.ru)

<sup>12</sup> Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860-1914. очерки истории частного предпринимательства. М., 2006.

<sup>13</sup> ГАКО. Ф.255. Костромское отделение Банкирского дома братьев Рябушинских. Оп.1. Д.6.

<sup>14</sup> ГАКО. Ф.255. Оп.1. Д.6.

---

<sup>15</sup> Сергей Антонов. Завещание олигарха. Костромской банкир завещал родному городу 25 млн. долларов. // Хронометр. Кострома, 2004. - 24 февраля.

<sup>16</sup> ГАКО. Ф.255. Оп.1. Д.22.

<sup>17</sup> Грузицкий Ю.Л. акционерные земельные банки в северо-западных губерниях российской империи // Деньги и кредит. 2009. №6.

<sup>18</sup> Ананьич Б.В. банкирские дома в России 1860-1914. очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991.

<sup>19</sup> Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. – М., 2002.

<sup>20</sup> Крестьянский банк и малоземелье в Костромской губернии. // Костромской листок. 1903. №88.

<sup>21</sup> Крестьянский банк и малоземелье в Костромской губернии. // Костромской листок. 1903. №90.

## СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Белов Андрей Михайлович, д.и.н., профессор кафедры истории России, декан исторического факультета Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Беседина Елена Анатольевна, к.и.н., доцент кафедры истории для преподавания на естественных и гуманитарных факультетах Санкт-Петербургского государственного университета

Бородкин Леонид Иосифович, д. и. н., профессор, зав. кафедрой исторической информатики, руководитель Центра экономической истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Володин Андрей Юрьевич, к.и.н., доцент, МГУ им. М.В. Ломоносова

Глазунов Сергей Радиславович, к.и.н., доцент кафедры истории России ВГГУ Владимирский государственный университет (ВлГУ)

Гончаров Юрий Михайлович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, лауреат премии – Европейской Академии, лауреат медали РАН.

Иванцов Денис Сергеевич – кандидат культурологии

Карнишин Валерий Юрьевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории Пензенского государственного университета

Марасанова Виктория Михайловна, д.и.н., профессор, зав. кафедрой музеологии Ярославского госуниверситета им. П.Г. Демидова

Наградов Илья Сергеевич, к.и.н., заведующий научно-информационным отделом ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», докторант кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Новиков Алексей Валентинович, к.и.н., доцент кафедры истории России Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова

Панкратова Ольга Борисовна, г.и.н., доцент кафедры всемирной истории и историографии КГУ им. Н.А. Некрасова, директор филиала РГГУ в г. Костроме

Пушкарева Ирина Михайловна, д. и. н., ведущий научный сотрудник ИРИ РАН

Скубневский Валерий Анатольевич, д.и.н., профессор, зав. кафедрой отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Смирнов Павел Александрович, выпускник исторического факультета Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова.

Смурова Ольга Вениаминовна д.и.н., доцент, профессор кафедры культурологии и филологии ФГБОУ ВПО «Костромской государственный технологический университет»

Соболева Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры "Социально-гуманитарных дисциплин" Тутаевского филиала ФГБОУ

ВПО «Рыбинский государственный авиационный технический университет имени П.А. Соловьева»

Темницкий Александр Лазаревич, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ.

Фаронов Вячеслав Николаевич, к.и.н., Алтайский государственный университет

Чугунов Евгений Анатольевич, к.и.н, профессор кафедры теории и истории культур КГУ им. Н.А. Некрасова, директор департамента культуры Администрации Костромской области

Шильникова Ирина Вениаминовна, к.и.н., доцент кафедры экономической методологии и истории Государственного университета – Высшей школы экономики г. Москва

Научное издание

**Рабочие и общественно-политический процесс в России  
в конце XIX – XX в.:**

**Материалы VI Всероссийской научной конференции  
Кострома, 20–21 сентября 2012 года**

**ЧАСТЬ I**

*Авторская редакция*

Компьютерная верстка А.В. Новиков

Подписано в печать 01.08.2012.

Формат 60x90/16.

Уч.-изд. л. 10,0.

Тираж 100 экз.

Изд. № 78

Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова  
156961, Кострома, ул. 1 Мая, д. 14